

Министерство культуры Российской Федерации
ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Межрегиональный сборник научных статей

Выпуск 6

Кемерово 2010

ББК 77я43

А43

Научный редактор

доктор культурологии, профессор кафедры культурологии КемГУКИ

В. И. МАРКОВ

Редколлегия:

доктор педагогических наук, профессор, ректор КемГУКИ *Е. Л. КУДРИНА*;

доктор культурологии, профессор, заведующий Центром исследований духовной антропологии КемГУКИ *Г. Н. МИНЕНКО*;

доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе КемГУКИ
И. С. ПИЛКО

Ответственный за выпуск:

зав. отделом аспирантуры *Е. Н. ЛАПИНКОВА*.

А43 Актуальные проблемы социокультурных исследований [Текст]: межрегиональный сборник научных статей / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – Вып. 6. – 303 с.

ISBN 5-8154-0056-4.

Сборник включает статьи, посвященные теоретическим и практическим проблемам исследования культурного пространства, фундаментальным и прикладным вопросам культурологических исследований, инновационным формам музейной деятельности, педагогике социально-культурной деятельности, информационно-образовательным ресурсам и технологиям.

Предназначен преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных вузов.

ББК 77я43

ISBN 5-8154-0056-4

© Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная глобальная культурная ситуация характеризуется взаимодействием самых различных взаимодополняющих, а подчас и противоборствующих тенденций, отражающих усложняющееся бытие мира в целом. Постепенное формирование и развитие культурных универсалий, проникающих в жизнь каждого фрагмента человеческой реальности, контрастирует с законным стремлением к сохранению традиций и культурной самобытности. Влияние информационных и технологических новаций распространяется на самые потаенные уголки повседневности, меняя устоявшиеся представления, размывая и выстраивая на новых основах системы ценностей народов и индивидов.

Вся эта, кажущаяся подчас хаотичной и непредсказуемой, «цветущая сложность» закономерно предполагает и разнообразие методологических подходов в современных исследованиях культурной жизни, нарастающую дивергенцию и, в то же время, тенденции к междисциплинарному синтезу в постановке проблем, в формировании концептуального поля анализа.

Отрадно отметить, что все указанные тенденции, характеризующие в целом современные исследования культуры, нашли отражение и своеобразное преломление и в работах, представленных в данном сборнике.

Став уже традиционным, он подводит ежегодный итог научной работы молодого поколения ученых. В нем отражаются как преемственность развития научных школ вуза, так и новаторские подходы, поиск новых ракурсов видения проблем в единстве теоретического анализа и практической проектной разработки различных аспектов культурной жизни страны и региона. Для данного выпуска сборника специфичной является, пожалуй, уверенность авторов в своих силах, проявляющаяся как в демонстрации серьезной теоретической эрудиции, так и в открыто дискуссионной постановке и решении проблем в целом ряде работ.

Не претендуя на полные характеристики всех статей, содержащихся в сборнике, постараемся обратить внимание читателей на наиболее

яркие из них, на те, в которых отражена в наибольшей мере направленность исследований по соответствующим разделам.

В первом разделе «Теоретические и практические проблемы исследования культурного пространства» фундаментальное освоение теоретического материала в сочетании с самостоятельностью и логикой мышления, серьезным понятийным анализом свойственны статье Р. Г. Розанцева, посвященной проблеме идеальных потребностей. Статья носит во многом дискуссионный характер, но сама постановка проблемы идеальных потребностей во взаимосвязи с проблемой человеческой свободы в условиях нарастающего господства потребительства не может не вызвать интерес.

Столь же интересно и достаточно оригинально видение проблемы соотношения информационной и культурной картины мира в работе О. Г. Басалаевой, рассматривающей различные варианты взаимодействия этих двух феноменов в мире современного человека, опирающегося как на культурную традицию, так и на реалии глобального информационного мира.

Практические аспекты рассматриваемой проблематики нетривиально изложены в статье О. В. Горошко, анализирующей ситуацию становления творческой индустрии в нашей стране и предлагающей, в том числе, конкретный и реальный спектр вариантов для продвижения подобных инноваций в Кузбассе.

Эти проекты логично дополняются материалом статьи И. П. Решиковой, поднимающей вопросы формирования имиджа территории, накопления ее символического капитала, в том числе и в применении к конкретным реалиям региона, городов и районов Кемеровской области.

Во втором разделе сборника – «Фундаментальные и прикладные аспекты в культурологических исследованиях» именно фундаментальностью, основательностью проработки и творческого осмысления теоретического материала отличаются работы П. В. Аксенова и Т. Н. Самофеевой. В первой из них на основе анализа обширной отечественной и зарубежной литературы рассматриваются весьма значимые и подчас болезненные для современной российской действительности проблемы

становления новых элит в постсоветской России. Автор демонстрирует свободное владение материалом, самостоятельное и критическое отношение к нему, вводит в пространство анализа малоизученную проблему российских клубов элит и их роли в определении направлений общественной жизни.

Т. Н. Самофеева не менее основательно изучает на материале различных эпох взаимодействие религиозного и художественного канона в европейской музыкальной культуре, обнаруживая фундаментальную эрудицию, умение логически развивать мысль и выявлять диалектику взаимоотношения и взаимовлияния этих двух канонов.

Презентацией дискуссионного характера самой постановки проблем молодыми исследователями, их творческой самостоятельности и умения отстаивать свою точку зрения являются статьи Н. В. Григорьянц, Л. Д. Гулиашвили и М. Г. Котлярова.

Н. В. Григорьянц вскрывает реальное противоречие в становлении современной языковой личности между нормативными регламентациями культуры речи и стремлением к самовыражению, свойственному человеку нашей эпохи, рассматривает возникающие коллизии и намечает варианты их решения. Л. Д. Гулиашвили анализирует парадоксальную ситуацию бытования в музыкальной культуре советской эпохи в неявных и скрытых по необходимости формах традиционного для российской музыки религиозного содержания, показывает заслуживающую уважения борьбу конкретных музыкальных деятелей за его сохранение и развитие. М. Г. Котляров в открыто дискуссионной форме отстаивает сам факт существования современного городского фольклора как явления, достойного быть предметом научного анализа, раскрывает его специфические особенности и функции в культурном пространстве.

В работе Н. В. Медведевой, являющейся примером хорошей культурологической регионалистики, рассматривается становление хоровой культуры в Кузбассе во взаимосвязи этапами исторического развития самого региона.

Наконец, особого внимания заслуживает статья Е. Е. Бычковой, являющаяся итогом многолетних исследований методом включенного

наблюдения за жизнью конкретного кемеровского двора. В рамках этого культурного пространства выявляются многочисленные и интереснейшие феномены культурного мира детства, осуществляется его символическая реконструкция, анализируются возникающие проблемы и способы их разрешения, специфическая система ценностей, ритуалы и игры.

Исследования третьего раздела в наибольшей мере соответствуют его названию – «Инновационные формы музейной деятельности», поскольку все они посвящены конкретному опыту данных учреждений. Работа Л. З. Боголеповой обобщает опыт работы музея КемГУ, А. Е. Егоров излагает историю реализации конкретного оригинального, творческого проекта музея Кемеровского профессионально-технического колледжа, Е. Е. Леонов предлагает меры по совершенствованию работы школьных музеев г. Кемерово, а Т. И. Коняева рассказывает о внедрении игровых технологий в музейную коммуникацию. Особо следует отметить работы, излагающие инновационные проекты других регионов, – статьи Д. М. Колесникова о развитии научного туризма в районе Кавказских Минеральных Вод, А. Н. Тарасовой о внедрении новых, в том числе информационных технологий в школьных музеях Новосибирска и М. В. Ткачевой о роли выставок в стратегии выстраивания имиджа учреждения на примере Томского областного краеведческого музея.

Среди исследований, включенных в четвертый раздел сборника, несомненно, выделяется теоретической проработанностью и, одновременно, глубоким знанием практических проблем, реально конструктивным подходом статья Н. Л. Хижняк, рассматривающая основные принципы, факторы влияния и параметры формирования стратегии и миссии образовательных учреждений культуры и искусства в Кемеровской области. Также представляют значительный интерес работы Т. Б. Соколовой, вводящей и обосновывающей понятие социокультурного развития детей на основе опыта учреждений дополнительного образования, и А. К. Мальцевой, предлагающей использование педагогически регулируемого досуга как средства профессионального самоопределения юношества.

В равной степени высоким уровнем и конструктивно-технологическим подходом отличаются работы раздела, посвященного информационно-образовательным технологиям. Т. В. Ветошкина рассматривает проблемы приобщения к информационной культуре незрячих и слабовидящих пользователей, опираясь на опыт реализованного практического проекта и выявляя проблемы, требующие дальнейшей разработки. Н. В. Лисовенко вводит аксиологическое измерение проблематики формирования информационной культуры личности, ставит вопрос о социально-ответственном поведении человека в информационной среде и предлагает соответствующую классификацию ценностей. С. В. Савкина графически реконструирует дерево проблем, связанных с электронными книжными выставками, формулирует систему показателей и критерии оценки их качества. О. Б. Ушакова рассматривает практический опыт модернизации и стратегии выживания в современной рыночной среде системы научно-технических библиотек как специализированных информационных центров предприятий.

Многоцветье тем и проблем, представленных в данном сборнике, многообразие подходов и созданных на их основе практических проектов с очевидностью свидетельствует о том, что в науку приходит «новая волна», способная в меняющемся мире сохранить и укрепить лучшие традиции отечественного культуроведения, созидавая этим новые основы для поступательного развития культуры и искусства региона и страны в целом.

Марков В. И.,
доктор культурологии, профессор кафедры культурологии
Кемеровского государственного университета культуры и искусств

Раздел 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

О. В. Горошко

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

С приходом общества к постиндустриальной модели существования сложились новые ценности и ориентиры в понимании его экономического, политического и социального благополучия. В связи с этим произошла переоценка роли культуры в развитии современного общества. В последние десятилетия в мировой науке и практике сложилась принципиально новая концепция, основанная на понимании творчества как ведущего фактора развития постиндустриального общества. В то же время изменения в экономике страны, и в частности переход к рыночным отношениям, коснулись и сферы культуры, слияние сфер экономики и культуры породило такое явление, как творческие индустрии, которые представляют собой инновационный путь эволюции культуры. Рассмотрим творческие индустрии как явление культурной среды.

Соединение понятий «творчество» и «индустрия» произошло с появлением новых технических средств, которые позволяли тиражировать произведения искусства (фотография, репродукция, звукозапись и т. д.), это дало возможность производству быть доступным широкому кругу людей, с одной стороны, а с другой – обращало его в коммерческий продукт массового потребления.

Понятие «культурная индустрия» ввели немецкие социологи Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер. Придерживаясь концепции отрицания индустриального общества XX века, они резко критиковали массовое производство культурного продукта. Но с наступлением постиндустриальной эпохи существенно изменилось осмысление творческих индуст-

рий. Причиной тому стал отток производства из экономически развитых стран, регионов, городов в развивающиеся страны и регионы с более дешевой рабочей силой. В данной ситуации творческие индустрии выступили антикризисным средством. Они стали мощными производителями интеллектуального ресурса, постепенно превращая опустевшие фабрики и заводы в центры современного искусства, музеи, галереи, тем самым предоставляя населению новые рабочие места [4].

Концепция творческих индустрий возникла в Великобритании, и с 1998 года их развитие является приоритетом британской национальной политики.

Официальное определение творческих индустрий, принятое в научных кругах Великобритании, сформулировано следующим образом: это «...деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которая может создавать добавленную стоимость и рабочие места путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» [цит. по: 1].

В России с 2003 года осуществляется совместная программа Совета Европы, Министерства культуры РФ и Института культурной политики. Она называется «План действий для России». Один из двух составляющих эту программу пилотных проектов посвящен развитию творческих индустрий в России.

Заниматься продвижением творческих индустрий в нашей стране стали две организации: Центр развития творческих индустрий в Санкт-Петербурге, созданный в 2001 году, и Институт культурной политики в Москве.

Изучают творческие индустрии в России в контексте их экономической, политической и социокультурной значимости Е. Зеленцова, М. Гнедовский, А. Гончарик и другие.

Рассматривая творческие индустрии с точки зрения их формирования в социокультурном пространстве, необходимо сказать, что само понятие «социокультурное пространство» – чрезвычайно широкое, сложное и имеющее большое значение в жизни общества и отдельного человека. Оно включает в себя социальные и культурные механизмы как равнозначные по влиянию факторы.

Социокультурное пространство формируется деятельностью социокультурных институтов. «Чаще всего под социокультурным инсти-

тутом понимают некоторый более или менее устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в единую систему» [5, с. 184].

В нашей работе мы будем рассматривать понятие «социокультурный институт» в более узком смысле – как «совокупность тех учреждений, благодаря деятельности которых сохраняются и воспроизводятся специфически-культурные формы» [5, с. 190]. Все они интегрированы в социальный процесс и имеют большую культурную и общественную значимость.

К социокультурным институтам мы относим и творческие индустрии, так как деятельность их основана преимущественно на традиционных и классических видах искусства, они выполняют функцию производства и трансляции культурного продукта, тем самым обогащая духовную составляющую общества и решая задачу инкультурации отдельной личности в общественном пространстве.

По нашему убеждению, творческие индустрии имеют большое значение в развитии социокультурного пространства. Это учреждения «нового времени», деятельность в которых строится с учетом последних политических, экономических, общественных и культурных изменений. Креативные индустрии позволяют не только реализовать творческий потенциал населения, но и через производство и трансляцию творческого продукта, преимущественно массового производства, влиять на уровень культуры общества в целом.

Если рассматривать социокультурное пространство в региональном аспекте, оно будет отлично в каждом случае. Отличными будут и механизмы его формирования, существования, взаимодействия структур внутри пространства. В связи с этим мировая политика поддержки творческих индустрий обычно реализуется на региональном или местном уровне.

Институт культурной политики (г. Москва) с 2003 года в рамках соглашения с Министерством культуры РФ и Советом Европы развивал проект, направленный на внедрение технологий креативных индустрий в регионах.

Большое внимание при изучении творческих возможностей региона уделяется технологии картирования территорий. Исследовательская

карта дает информацию о том, кто поддерживает культурные индустрии на местном, региональном или государственном уровне, какие организации и компании работают в этом поле, каков уровень занятости населения, включаются также экономические показатели, такие как уровни доходности, расходы и анализ существующих рынков. Отмечаются данные о потребностях предприятий творческих индустрий [4].

Также в рамках программы «Творческие индустрии» в 2003–2008 годах была проведена работа по исследованию российской модели творческого кластера. «Творческий кластер – особое место, несколько предприятий, фирм, мастерских, офисов, объединенных в общем пространстве и занятых в секторе творческих индустрий. Главной чертой творческих кластеров является общая атмосфера творчества и бизнеса, способствующая производству и трансляции творческого продукта» [4].

В современном мире есть спрос на новые форматы: конфигурации, площадки, брэнды, не вписывающиеся в известные стереотипы. Таким материалом для культуры начала XXI века стали заброшенные фабричные здания, трамвайные депо, гаражи, склады, цеха. В них возникают демократические и междисциплинарные площадки для творчества, коммуникации, развлечений, креативных бизнесов.

Первым примером «государственного» освоения промышленных площадей стал Государственный центр современного искусства (ГЦСИ), учрежденный Министерством культуры РФ в 1992 году. Центр расположился в небольшом здании завода осветительного оборудования. В главных мероприятиях ГЦСИ – проведение ежегодного Всероссийского конкурса в области современного искусства «Инновация» (с 2005 года) и Московской международной биеннале молодого искусства «Стой! Кто идет?» [3].

Сегодня наиболее известны такие культурные площадки, как Центр дизайна «ARTPLAY», Культурный центр «АРТ-Стрелка», Центр современного искусства «Винзавод», проект «ФабРика», бывший газгольдерный завод «Арма». Недавно в бывших гаражах Мельникова был открыт Центр современной культуры «Гараж».

Одним из интереснейших примеров является центр современного искусства «Винзавод» – расположенный в районе Сыромятников (в пяти минутах от станции метро «Курская») комплекс промышленных построек XIX века (старинные цеха, дегустационные лаборатории, лофты и винные подвалы).

В помещениях старинного пивоваренного завода «Московская Ба-вария» располагаются два больших выставочных зала, известные мос-ковские галереи, дизайн-студии, мастерские художников, дизайнерский, книжный и музыкальный магазины. Проектом предусмотрена также от-крытая площадка, предназначенная для проведения разнообразных куль-турных мероприятий: концертов, фестивалей и презентаций. Сформи-рованный по принципу арт-кластера, Центр современного искусства «Винзавод» концентрирует лучшие творческие ресурсы города и создает принципиально новую, привлекательную для широкой публики художе-ственную среду [3].

На сегодняшний день развитие творческих индустрий наблюдает-ся во многих городах России: Санкт-Петербурге, Серпухове, Самаре, Перми, Красноярске, Новосибирске, Петрозаводске, Беломорске и т. д.

Интересен опыт работы культурного центра в Коломне. Культур-ный центр «Лига» находится на территории коломенского кремля. Соб-ственник помещения – муниципалитет. Сам кремль является федераль-ным памятником. Все направления деятельности осуществляются различными юридическими лицами, но фактически во главе всего «хол-динга» стоит один человек – бизнесмен Виталий Хитров.

В настоящее время здесь открыта Галерея современного искусства. Работает Арт-салон, где представлена обширная выставка-продажа сувени-ров и предметов искусства для стильного оформления интерьера. В здании также размещаются: туристическое агентство «Лига-тур», занимающееся экскурсионным обслуживанием в Коломне и организаци-ей зарубежных поездок; Издательский дом «Лига»; арт-кафе «Намёки». Единый архитектурный комплекс с арт-галереей «Лига» составляет кон-цертно-театральный зал, где работает камерный театр «Пилигрим» и ре-гулярно проходят спектакли и музыкальные программы.

Культурный центр «Лига» располагает собственным каминным за-лом для торжеств, банкетов, деловых встреч; здесь проводятся дегуста-ции мёда и медовых вин Коломенского пчеловодческого комбината [3].

Проанализировав отечественный опыт развития творческих инду-стрий, мы можем говорить о необходимости их формирования в Кеме-ровской области. На наш взгляд, данное направление может стать пер-спективным в региональной политике в сфере культуры.

Сегодня предпринимаются попытки создания в регионе творческих индустрий, таких как:

1. Музейные проекты, реализуемые на базе закрытых промышленных предприятий (отработанные шахты, здания бывших заводов и фабрик). Создание экспозиций различной тематики на бывших предприятиях, организация выставок, арт-проектов, развитие культурно-познавательного туризма как составляющей культурного пространства (например, проект «Сибирский тракт», стартовавший в 2009 году на территории г. Мариинска и Мариинского района).

2. Расширение перечня творческих услуг в областных учреждениях культуры. Перечислим некоторые из них: оказание услуг в сфере дизайна и полиграфии, разработка арт-проектов, формирование позитивного имиджа (ГУК «Дом художников»); написание и редактирование художественных текстов, организация поэтических, литературных конкурсов, издательские проекты (ГУК «Дом литераторов»); оказание медийных услуг, оцифровка видеоматериала, услуги по видеосъемке и созданию фильмов для домашнего архива (ГАУК «Кузбаскино») и т. д.

Это первые шаги в освоении инновационных путей развития культуры Кемеровской области. Считаем, что это направление является перспективным для различных исследований в экономической, политической, социальной, культурной областях науки. Значимость подобных культурных нововведений определяет формирование творческих индустрий на территории Кемеровской области как приоритетное направление новых культурной политики региона.

Литература

1. Гнедовский М. Творческие индустрии: политический вызов для России [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2005. № 4 (24). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=25&article=1106> (дата обращения: 20.08.2009).
2. Гончарик А. Политика в области творческих индустрий: зарубежный опыт и российские реалии [Электронный ресурс] // Страница агентства «Творческие индустрии». 2009. URL: http://www.creativeindustries.ru/rus/publications/creative_industries_politics (дата обращения: 06.01.2010).
3. Зеленцова Е., Гладких Н., Пушкина К. Фабрики воображения, или культурная конверсия [Электронный ресурс] // Страница агентства «Творческие индустрии». 2008. URL: http://www.creativeindustries.ru/rus/publications/factories_of_imagination_and_cultural_conversion (дата обращения: 06.01.2010).

4. Зеленцова Е. В. Первопроходцы: Творческие индустрии приходят в Россию [Электронный ресурс] // Творческие индустрии: модель для сборки. М., 2005. URL: <http://www.cpolicy.ru/analytics/85.html> (дата обращения: 20.07.2009).
5. Культурология: учебник / под ред. Ю. Н. Соломина, М. С. Кагана. М., 2009. 566 с.
6. Сощенко И. Г. Образ человека в социокультурном пространстве информационного общества : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ставрополь, 2007. 157 с.

Ж. В. Пампура

ПРОЦЕССЫ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Пространство смыслов, как любое другое идеальное образование, связано с материальным миром, который преобразуется в одухотворенную природу. Пространство смыслов охватывает все виды смыслов, имеющих различное терминологическое оформление, а именно: содержание и сущность предметов и явлений, результаты познания и чувственных переживаний, значения языка, знаков, коммуникационных сообщений, цели, желания, установки, мотивы, интересы, выступающие в качестве побуждений в деятельности индивида или общества.

Если принять за исходное определение социальной коммуникации движение смыслов в социальном времени и пространстве, то отсюда следует, что смыслы возникают только в диалоге. Вне диалога смысл может существовать только в форме значений знаков.

Давая определение, что такое смысл, большинство исследователей, так или иначе, подчеркивают необходимость диалога или говорят о необходимости рассматривать смысл в рамках процессов понимания-непонимания.

По Д. А. Леонтьеву, смысл есть «отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению в данному объекту (явлению)» [2, с. 114].

В. И. Тюпа утверждает, что «смысл нельзя знать – его можно только понимать. Поэтому, как писал Б. Ф. Егоров, “к сожалению (или к счастью?!), в гуманитарных науках от разума и души анализатора не избавиться никакими силами”. Типичным предметом понимания служит, например, чужое “я” (чисто смысловое явление жизни); понимание же природного объекта предполагает отношение к нему как к субъекту, отвечающему на наши вопросы на своем, неизвестном нам языке» [6].

М. Бахтин писал: «Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом внутренней речи понимающего. Каждый раз он должен соприкоснуться с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности (как слово раскрывает свои значения только в контексте). Актуальный смысл принадлежит не одинокому смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть смысла в себе, он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним» [1, с. 350–351].

Ф. де Соссюр утверждал, что в языке все психично, системно и социально и что язык, как готовый продукт, никогда не предполагает преднамеренности, в нем проводится лишь классифицирующая деятельность. Язык, имея двустороннюю сущность, со стороны понятия или означаемого уже не может рассматриваться как жестко фиксированное образование. Означаемое скрыто за означающим, меняет свои размеры в процессе коммуникационного обмена. Соссюр сравнивал язык с листом бумаги, где мысль – это лицевая сторона, звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав оборотную. Если мы разрежем, то получим несколько кусков различной величины, каждый из них будет обладать значимостью по отношению ко всем остальным. С другой стороны, у каждого из кусков есть лицевая и оборотная сторона: это – значение [5].

Сравнение Соссюра замечательно тем, что оно дает представление о процессе образования смысла: это не простая корреляция между означаемым и означающим, а акт одновременного членения двух аморфных масс. Соссюр писал, что, рассуждая теоретически, до образования смысла идеи и звуки представляют собой две бесформенные, мягкие, сплошные, параллельно существующие массы субстанции. Перед лицом двух хаотических масс смысл есть упорядоченность, и эта упорядоченность

по существу своему – разделение. Язык является опосредующим звеном между звуком и мыслью. Его функция состоит в том, чтобы объединить звук и мысль путем расчленения. Язык есть область артикуляций, а смысл в первую очередь есть результат членения.

На вопрос, что такое «смысл» исследователь Е. С. Никитина предлагает два варианта ответа, один – культурологический, другой – «пантеистический». С культурологической точки зрения смысл – это сокровенное духовное начало в культуре. Смыслы присущи всем формам, явлениям, продуктам культурной деятельности, но они не воспринимаются органами чувств. Область культурологических смыслов – идеальное пространство смыслов. Пантеистическая точка зрения видит смыслы не только в одухотворенной человеческой культуре, но и в неодухотворенной природе, то есть смысл – это сокровенное духовное начало в природе [3].

Линейная схема коммуникации, в которой минимальный набор составляющих включает отправителя, адресата, сообщение, контекст или целесообразность коммуникативного акта, предполагает два возможных варианта ответа на вопрос о месте обитания смысла. Смысл как изначальный замысел текста составляет содержание душевной жизни отправителя сообщения. Он должен быть понят, описан и анализирован во всей целостности. Становление герменевтики как науки связано в первую очередь с обнаружением единого смысла (замысла) уникального текста. В эпоху тотальной образованности, когда всякий может «сделать» текст, на смену авторитету Автора приходит авторитет Читателя. В рамках данного подхода на смену понятию «автор» приходит понятие «скриптор». Именно читатель становится источником «смысла». И тогда у текста появляется столько смыслов, сколько читателей. Смысл вообще может не извлекаться, а текст наполняется смыслом – вне постановки вопроса о правильности некоторому исходному «истинному» значению. Между тем, порождение смысла происходит в акте чтения, понимаемого Ж. Деррида как «активная интерпретация», дающая «утверждение свободной игры мира без истины и начала». Каждый читатель, овладевая произведением, налагает на него определенную схему смысла. Фигура читателя конструируется как фигура «не потребителя, а производителя текста». Отправитель сообщения и адресат начинают работать в режиме автокоммуникации. Любой текст становится цитатой в субъективно за-

данном контексте. Этот вечный читатель так и не становится преемником извлекаемых смыслов. Принципиальное изменение в анализе коммуникационных процессов произошло с введением понятия обратной связи. Обратная связь делает коммуникацию двусторонним процессом, диалогом, позволяя каждой из сторон корректировать свои действия и цели. Циклическая модель коммуникации выявляет ее бесконечный процесс, когда отправитель и получатель информации периодически меняются ролями [3].

В семиотической традиции семиотика рассматривается как межсубъектное взаимодействие, опосредованное знаками. Коммуникация, понимаемая таким образом, позволяет объяснить и совершенствовать использование языка и других знаковых систем в качестве посредников между различными коммуникантами. Проблемы коммуникации в современной традиции – это, прежде всего, проблемы репрезентации и передачи смыслов. Семиотика – наука, которая занимается смыслами, как всеобщими формами человеческого сознания.

Теория знаков практически по всех случаях опирается на теорию коммуникации. Нормально функционирующая система предполагает наличие говорящего и слушающего. В результате сигнификации мы имеем знак, в результате коммуникации – сообщение.

Исследователь Г. Почепцов считает, что не совсем верно считать семиотику коммуникативной дисциплиной и интерпретирует коммуникативные процессы, не прибегая к категории «смысл». Процесс общения он разделяет на три составляющие: коммуникативную, семиотическую и символическую. В случае коммуникативного процесса центральным является передача содержания, в случае семиотического – к содержанию добавляется и форма, в которую оно воплощено, причем оба являются важными. И если для семиотического процесса важна двойная установка: и на форму и на содержание, то в процессе символическом играет еще роль ориентация на самих получателя и отправителя [4, с. 185].

Таким образом, человеческому общению свойственна семиотичность, под которой автор понимает непрямой путь передачи информации. Естественный язык не подлежит в этом плане семиотическому изучению, поскольку он является системой прямой передачи. С другой стороны, он вообще не система передачи, а скорее система фиксации информации в целях последующей передачи. Семиотическими являются

определенные изменения закономерностей, заложенных в языке. Язык в аспекте передачи информации иной, чем язык в аспекте фиксации информации. В этой же области лежит расхождение между единицами элементарного порядка. Для структурной (традиционной) семиотики, выросшей из исследования языка, – это знак. Для социальной семиотики (Кресс, Ходж) – это сообщение или высказывание.

По мнению Г. Почепцова, семиотично лишь нарушение определенных норм, характерных для обыденного языкового общения. Например, тексты культуры, которые как раз построены на нарушении параметров, нормальных с точки зрения естественной коммуникации. Увеличение разрыва в пространстве и времени заставляет отправителя и получателя увеличивать длину текста, поскольку тормозится ответная реакция одного из участников. Исчезновение визуального подтверждения разговора (один рассказывает другому то, что тот не видит своими глазами) увеличивает его семиотичность, которая теперь не может быть подтверждена реальностью. Информация, направленная на передачу результата, стремится к сжатию, та же, которая передает процесс, стремится к расширению [4].

Возражал против применимости формальной логики, идущей от Канта и исследующей формы выражения без смысла и понимания, Г. Шпет.

С точки зрения современных исследователей, «шпетовская», или «глубинная», семиотика, изложенная его работах, написанных еще в 20-е годы, сегодня нуждается в пересмотре и является наиболее перспективным направлением с точки зрения понимания смыслов в коммуникативном процессе. В трактате «Язык и смысл» Г. Шпет прослеживает истоки семиотической мысли и закладывает основы новой семиотики, которую обозначает теперь более отчетливо как «науку о понимании знаков». Для Г. Шпета, семиотика – не просто наука о знаках или знаковых системах, а учение о понимании знаков. Если речь идет о понимании, то всегда присутствуют смыслы.

Быть словом – значит быть принципиально началом динамическим, – таким образом интерпретирует учение Г. Шпета исследователь В. Фещенко. Слово как знак, соотносимый со значением, становится понятием. В этом качестве знак не является уже средством для осуществления мысли, он является самой мыслью, понятием, идеей, содержанием.

Значение, осуществленное в знаке, становится смыслом. Если по своим внешним формам знак расчленяется в качестве средства, то по своим внутренним формам – в качестве осуществления. Для всех остальных теорий знака знак – лишь средство. Г. Шпет вводит в процесс семиозиса категорию целесообразности. Переход от знака к значению, сообразующийся с определенной целью, с идеей целого, и осуществляемый внутренними формами, и называется им «пониманием» как динамическим осуществлением смысла [7].

Учения Ф. де Соссюра и Ч. Пирса являются двумя магистральными традициями в современной семиотике, но, если говорить о шпетовской семиотике как таковой, ее отличие – в постулировании внутреннего пространства в структуре знака и в целесообразности семиотического процесса. Для Ф. де Соссюра знак произволен, и отношение между означающим и означаемым описывается в статичной категории значимости. Ч. Пирс идет несколько дальше и вводит понятие интерпретанты, то есть некоторый момент субъективности семиозиса. Знак для Ч. Пирса – это нечто, означающее что-либо для кого-нибудь. Схема коммуникации выглядит для Ч. Пирса так, что определенный знак адресуется кому-либо, чтобы создать в уме этого другого идентичный знак. Здесь также отсутствует внимание к тому, как именно осуществляется отношение между знаком и значением [7].

Именно понятие внутренней формы в изложении Г. Шпета дает возможность анализировать глубинное измерение знака. Не случайно концепция внутренней формы выводится Г. Шпетом на материале анализа эстетических форм, ведь поэтический язык, в отличие от языка прагматического (научного или обыденного), на первый план выдвигает не прагматические цели, а свои собственные, внутренние цели саморазвития. Здесь значимой оказывается именно внутренняя форма – как правило, образования понятия (в науке) или образа (в искусстве). Это правило есть не что иное как прием, метод и принцип отбора, – закон и основа словесно-логического творчества в целях выражения, сообщения, передачи смысла [7].

В соссюрианской и пирсианской семиотике мир знаков априори признается внешним по отношению к личности. Шпетовская семиотика человекомерна, или «целемерна», в его собственных терминах, объектом ее изучения является совокупность внутренне обусловленных знаков, ко-

которые производит и воспринимает человек в коммуникативном и творческом процессе.

Семиотику интересуют механизмы переходов от предметного значения к инструментальному смыслу. Занимаясь вопросами взаимодействия языков культуры, семиотика не может ограничиваться формальной стороной знака, она обязательно вступает с зону смысла, выявляет единицы анализа и понимания смыслов в процессе коммуникативного воздействия, а также способы перехода смысла в значения различных знаковых систем. Смысл как конструкт понимающего/непонимающего сознания возникает в коммуникативном акте.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.
2. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение, диалектика смысловой реальности. М., 2003. 250 с.
3. Никитина Е. С. Семиотика: учеб. пособие. М., 2006. 528 с.
4. Почепцов Г. Г. Семиотика. М., 2009. 430 с.
5. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. 696 с.
6. Тюпа В. И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса [Электронный ресурс]: Критика и семиотика // Электронный журнал при НГУ. 2008. № 10. URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs10content.htm>
7. Фещенко В. В. Густав Шпет и неявная традиция глубинной семиотики в России [Электронный ресурс]: Критика и семиотика // Электронный журнал при НГУ. 2008. № 12. URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs012feshchenko.pdf>

И. П. Решикова

«ОБРАЗ», «ИМИДЖ», «БРЕНД» КАК ИНСТРУМЕНТ И РЕСУРС РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Концепт *«регионализация»* является одним из основных теоретических инструментов для описания социокультурных процессов, происходящих в транзитивном российском обществе. В работах исследователей культурно-ландшафтного направления регионализация понимается в широком смысле как процесс трансформации современного российско-

го пространства, всецело связанный с регионами – институциональными районами. Именно регионы выступают главными субъектами, акторами преобразования «советского ландшафта» сначала в «неосоветский» и далее в «постсоветский». «Интригой» этого преобразования выступает повышение институционального статуса регионов как институциональных районов [6].

Важнейшей культурологической проблемой при анализе сложного, нелинейного процесса регионализации является проблема формирования региональной идентичности в постсоциалистической России, сопряжённого с региональным «идее-творчеством». Территориальная (региональная, городская) идентичность сегодня фактически заменяет идеологическую «советскую», которая была призвана поддерживать чувство сопринадлежности к общности советских граждан. Советская идентичность может рассматриваться как надтерриториальная, поскольку качество «советскости» определялось классовыми (*пролетарии, строители коммунизма, трудящиеся массы*) либо псевдоэтническими (*советский народ*) характеристиками, чья локализация была скорее мифологической, а не географической (*одна шестая часть суши, социалистический блок по эту сторону железного занавеса*).

Какими инструментами и на каком материале конструируется современная региональная идентичность в Кузбасском регионе, насколько адекватна «технология» её конструирования задачам регионального строительства – эти вопросы рассматриваются в настоящей статье.

В российских регионах, где в целом завершился процесс «первоначального накопления» финансового капитала, насущным вопросом стало формирование капитала символического. Не вдаваясь в анализ этого сложного понятия, отметим, что его компонентами являются репутация, внешний вид, имя, знаки достоинства, статусность, символы. Это «капитал престижа» территории [2, с. 230]. Российские регионы сегодня заинтересованы в выработке адекватного вызовам времени территориального «бренда» (нельзя не отметить явные экономические коннотации этого понятия).

Отмеченный вектор современного понимания территориального развития связан с постсоциалистической эволюцией отечественной управленческой парадигмы и с выделением такого ее сектора, как «имиджево-территориальное (вариант: «образно-географическое») про-

ектирование» и даже «программирование» [4]. В этом ракурсе образ, имидж, бренд предстают в качестве модусов репрезентации территории, как определённые формы существования (реализации) пространственных представлений. Степени обобщения в практике экспликации данной парадигмы впечатляют: по мнению специалистов в данной области, через горнило «имиджево-территориального проектирования» должны пройти «сельские поселения, городские поселения, муниципальные районы, административные районы, субъекты РФ, федеральные округа, историко-географические районы, этнокультурные районы, государство в целом» и, видимо, даже макрорегионы [4].

Образ территории – её ментальный «слепок», смысловой элемент образно-географического пространства. В социологическом смысле это суммарные и обобщенные представления о некотором городе/территории, свойственные для определённой социальной группы; в культурологическом – смысловое единство символов и архетипов, связанных с определённой территорией в определённой культуре и репрезентированных в различных формах [5]. Безусловно, образ территории не является абсолютной спонтанностью мыслящего и чувствующего индивида, а возникает на определённом (пусть далеко не всегда осознаваемом) культурно-историческом фундаменте. В концепции *когнитивной географии* (варианты: *культурной географии*, *метагеографии*, *геософии*) Д. Н. Замятина этот контекст содержания географических образов отдельных мест рассматривается в связи с *когнитивно-географическим контекстом (КГК)* данных образов. Предполагается, что КГК «отражают представления о пространстве, на основе которых происходит формирование смыслов в определённой ситуации» [5, с. 64], причём сам этот контекст реконструируется по некоторой совокупности географических образов, а вопрос о перечне соответствующих образов, их социальной принадлежности, о необходимом и достаточном для адекватной реконструкции объёме образного материала остаётся открытым.

В постперестроечные годы возникло и чрезвычайно широко представлено такое новое направление управленческой мысли, как *маркетинг города*. В самом общем приближении речь идёт о таком управлении городскими процессами, которое даст максимальную прибыль. Некоторые уникальные места, объекты, события и т. п. при помощи спе-

цифической рекламной деятельности «инсталлируются» в смысловое единство *имиджа* или, ещё лучше, его «сверкающего» варианта – *бренда*, после чего *грамотно продвигаются (раскручиваются)* и становятся основой *стратегий* социально-экономического развития территории. Конечная цель этого предприятия: имидж и бренд должны выгодно продаваться (а за ними – и собственно *место*). Тем самым весь этот процесс можно рассматривать как *капитализацию территории*.

Имидж территории – это совокупность или система базовых обобщённых представлений об определённой территории, создаваемая, представляемая и транслируемая преимущественно с помощью СМИ в конкретных политических, социокультурных, экономических целях. Имидж территории, как правило, является частью географического образа (то есть – в самом простом определении – системы знаков, символов, стереотипов, архетипов, мифов, характеризующих определённую территорию) [4]. Имидж – это целенаправленно создаваемый вид образа территории в социологическом понимании последнего.

Имидж может быть назван *мобилизованным образом*. Действительно, имиджевая деятельность представляет собой ситуацию, когда определённые компоненты образа территории мобилизуются в политических либо иных идеологических целях и приобретают по отношению к образу временную, непродолжительную самостоятельность, отрываясь от своей образно-географической основы. Маркером мобилизованности и общей идеологической ангажированности имиджа территории является, в частности, такая характерная особенность имиджа, как быстрое приобретение им положительных («северная Пальмира», «колыбель трех революций») или отрицательных («бандитский Петербург», «криминальная столица») коннотаций. Концепт *стратегический имидж* (конкретного города) аккумулирует все базовые характеристики мобилизации содержательных компонентов образа территории для решения конкретных задач.

Особую, государственную, национальную важность современные практики территориального брендинга получили в связи с тем, что (формально – косвенно, а, по сути – прямо) соотносятся с формированием такой фундаментальной антропологической характеристики, как идентичность. Та или иная идентичность является регионообразующим

началом [3], то есть «собирает» статистическое население в местное сообщество (в европейском смысле – *Communitas*), хаbitуально его определяя. При этом сами территории как конструкции (то есть результат социального конструирования) представляют собой «продукт истории, но находящийся в процессе постоянного преобразования» [7, с. 73]. Действительно, образ, имидж и бренд различаются ещё и в диахронном отношении. Можно говорить (и имеются соответствующие исследования) об образе Сибири в целом или отдельных её городов применительно к XVIII–XIX векам, но вряд ли уместно искать в этом историческом периоде их «имидж». Зато для постсоциалистического периода России, отмеченного процессом регионализации, мало что может более точно охарактеризовать современные практики осмысления пространства и регионов, чем «имиджево-брендинговый» дискурс. Впрочем, организационно-управленческий подход к городской среде начал разрабатываться в методологических кругах много раньше.

Имидж и бренд имеют отношение к сознательным практическим разработкам различных аспектов образа; они – результат работы с содержанием образа. При этом те или иные его компоненты становятся тем, что на языке маркетинга территории именуется *имиджевыми ресурсами*. Чрезвычайно трудно создать имидж территории «на пустом месте». Такое, конечно, встречается: известен пример брендинга Великого Устюга в качестве «резиденции Деда Мороза», однако подобные имиджи ситуативны, содержательно однобоки и требуют гигантских затрат на продвижение.

Технологии, стратегии, инструменты конструирования образа/имиджа/бренда территории – это ключевые слова современного технологически понимаемого, модного в муниципальном и региональном управлении *менеджмента территории*.

Что является источниками для исследования образа территории и что является объектом работы по маркетингу и менеджменту территории?.. Попробуем дать общий перечень возможных вариантов, не упорядочивая его по какому-либо единому основанию:

1. **Локальная геральдика:** герб или гербы, гимн, иная официальная символика – в частности, эмблемы к юбилеям территории; а также ключевые идеологические слоганы, в последнее время всё чаще транслируемые посредством *наружной социальной рекламы территории*.

2. **Официальный дискурс территории** – инстанция производства официального знания о *месте*, задающая легитимированные способы выражения: нарративные формулы и стратегии, а также канонизированные смысловые и символические коды. Официальный дискурс вычитывается из клише официальных поздравлений, адресованных жителям территории по какому-либо юбилейному поводу; в текстах баннеров и иных носителей *наружной социальной рекламы территории* (своего рода «локальный агитпроп»), а также в этномифах и этнических реконструкциях локальной истории. В официальном дискурсе территории значимы не только событийные сюжеты, но и сам язык их презентации.

3. **Локальный календарь/хронотоп:** так называемый «День (рождения) города», идеологически обусловленный выбор точки «начала» истории города, местный календарь знаменательных и памятных дат, локальные праздники и т. д.

4. **Топонимия и этнохоронимы:** имя/имена города, его метафорические именованья, всегда сопряжённые с практиками символического присвоения пространства; а также эмоционально окрашенные самоименования жителей территории.

5. **Локальная «социальная психология»** (в частности, местные «комплексы» – эмоционально заряженные констелляции смыслов). Так, Новокузнецк в региональном контексте – это город, отягощённый комплексом второго города, что прочитывается в его известных номинациях *южная столица Кузбасса* или *промышленная столица Кузбасса*. Кроме того, локальная психология новокузнецчан имеет латентную фронтальную специфику, которая на поверхности социальной жизни обнаруживается во вполне зримых вещах – например, в существенной ориентированности горожан и особенно молодежи на выезд из города (локальный комплекс «город-зеро»).

6. **Локальный язык и субдоминантные (неофициальные) дискурсы:** местный говор, сленговые разновидности речи, в том числе в публичном языковом пространстве, и т. п.

7. **Художественные самоописания и метаописания территории:** живопись, литература (в том числе топонимика и городские сверткесты), кино, фотография (особенно представленная в легитимированных описаниях-гидах и в «официальных» фотоальбомах о территории).

8. **Местный постфольклор:** городские легенды и «мифы», устные предания, анекдоты, устойчиво воспроизводимые слухи, дискурсивная работа по конструированию «страшных мест», современная краеведческая литература на грани эзотерических изысканий в области «сакральной географии», искусственно сконструированные символы территории вроде таштагольского «йети» и пр.

9. **Научные описания** – не обязательно локального масштаба и исполнения (как в случае с созданием региональной истории), но так или иначе связанные с моделированием образа конкретной территории. «Имиджевой реинтерпретации» могут быть подвергнуты данные археологии, этнографии, истории, демографии, лингвистики и т. д.

10. **Обширный массив эго-документов («человеческих документов»)**, который только ещё начинает осваиваться современной исторической наукой, претерпевшей парадигмальную трансформацию после ряда методологических «поворотов».

11. **Различные проекты, в том числе и нереализованные** – сфера проецирования «социального бессознательного» на территорию (градостроительные, архитектурные, социальные, идеологические).

12. **Картографический материал**, в том числе и ментальное картирование территории.

13. **Практики центрирования территории:** топография свадебных поездок, места флирования и назначения свиданий, объекты уличной подсветки, «ритуальные площадки», сакрально и/или символически выделенные точки «реального» (физического) городского пространства, конструирование «семи чудес (такого-то города/посёлка)».

14. **Административно-территориальное деление территории**, рассматриваемое в исторической ретроспективе.

15. **Презентации территории в Интернете** – как на официальных сайтах, так и на многочисленных самодеятельных страницах и форумах. Сегодня это исключительно важный инструмент и результат конструирования имиджа территории.

16. Наконец, собственно **городской ландшафт, взятый в своём «телесном» качестве:** архитектура, планировочная структура, характер застройки, памятники, городское пространство в своем *ощутимом* модуле – цветовом, акустическом, ольфакторном.

Литература

1. Аксельрод Г. М., Генисаретский О. И. Город как объект системного проектирования // Проблемы исследования систем и структур. М., 1965. С. 169–175.
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. 562 с.
3. Генисаретский О. И. Культурная идентичность и образ территории: Prometa: гуманитарно-экологическая перспектива [Электронный ресурс]. URL:<http://prometa.ru/projects/prospect/4/8/print>.
4. Замятин Д. Н. Экономическая география образа [Электронный ресурс]. URL:http://www.ng.ru/science/2008-12-24/14_geography.html.
5. Замятина Н. Ю., Белаш Е. Ю. Особенности географической репрезентации социокультурных регионов России в характеристиках субъектов РФ // СоцИс. 2006. № 2. С. 63–71.
6. Каганский В. Л. Регионализм, регионализация, пострегионализация [Электронный ресурс]. URL:http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/rus-regions/region/.
7. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67–116.

О. Г. Басалаева

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА И ИНФОРМАЦИОННОЙ КАРТИНЫ МИРА

Культурная картина мира является результатом философско-культурологических исследований ряда ученых и мыслителей, формирующих знание о культуре во всем ее многообразии. В российской культурологической традиции концепт «культурная картина мира» развивается и функционирует в контексте вненаучной (общекультурной) сферы, а также в нескольких плоскостях: субъект-объектных отношений, культурно-исторической, этнокультурной, предметно-содержательной и концептуально-языковой. Исследуемое понятие наиболее глубоко и разносторонне разрабатывалось такими отечественными культурологами, как А. Я. Гуревич [5], Т. Ф. Кузнецова [8], Г. А. Гачев [4] и др.

В данной статье мы рассматриваем культурную картину мира (по М. С. Кагану) как «представления об окружающей человека реально-

сти ... и определенное отношение к явлениям и событиям действительности, определяемое существующими в культуре ценностными ориентациями ... Картина мира присутствует в каждой культуре» [9, с. 162–163]. Г. В. Драч пишет: «Результат специфического видения мира, в котором обитает человек, и есть культурная картина мира – система образов, представлений, знаний об устройстве мира и месте человека в нем. Культурная картина строится с точки зрения того, что он (мир) значит для живущего в нем человека. Культурная картина мира складывается из тематически ясных, осмысленных и очевидных содержаний артефактов и неосознанных значений и личностных смыслов, а также опытов, переживаний, мотивов, оценок. Важнейшими компонентами картины мира, наряду с интуитивными представлениями, архетипами, способами мировосприятия, являются культурные нормы и ценности» [10, с. 124–125]. Ценности и нормы культуры изменчивы. Культура же отражает те изменения, которые претерпевает общество.

Основные изменения в обществе связаны с внедрением в социум информационно-коммуникационных технологий. В конце XX – начале XXI века переход культуры в цифровую форму стал свершившимся фактом. Электронные версии книг, музейных и архивных коллекций, фотографий, других объектов культурного наследия распространяются и потребляются в цифровом виде в масштабах, которые не уступают традиционным формам, а во многих случаях – превышают их, так как доля цифровых форм объектов культуры все время возрастает. При этом основной средой распространения и потребления цифровых форм объектов культуры сегодня стало глобальное информационное пространство, базирующееся на информационно-коммуникационных технологиях.

На сегодняшний день информационно-коммуникационные технологии нельзя рассматривать исключительно с позиций техники, так как они настолько глубоко проникли в обыденную жизнь людей, что отделить их от информационного мировоззрения невозможно. Современному человеку уже недостаточно умения оперировать информацией – у него должно сложиться информационное мировоззрение, осознание своего места и задач в формирующемся информационном обществе. Такое понимание связано с тем, что в конце XX века произошла смена мировоззренческих приоритетов в картине мира, что и сформировало более глубокое определение механизмов развития культуры, человеческой

цивилизации, в целом, с одной стороны, через культурную картину мира, с другой – через информационную картину мира.

Впервые информационная картина мира, в виде иерархии информационных систем, была представлена работами Н. Винера [3]. Картина мира как модель живой информационной системы рассмотрена В. И. Корогодиным [7]. Иначе рассматривает информационную картину мира Ю. Ф. Абрамов [1], определяя ее как картину особого вида движения материи – информационного. Информационная картина мира Р. Ф. Авдеева, представляющая модель-рисунок окружающего человека мира как схематически зафиксированную связанную совокупность различных по организации групп объектов незначительно отличается от представлений Н. Винера. Но у Р. Ф. Авдеева «информационная картина мира непременно включает в себя и Человека, место которого – на «границе» между естественной и искусственной природой. Он олицетворяет собой начало интенсификации информационных процессов и ускорения научно-технического и общественного развития» [2, с. 183]. Философский анализ информационной картины мира проведен В. В. Марычевым и А. В. Петровым [12]. В. В. Марычев исследует информационную картину мира с трех позиций: «1) образ мира создается самим индивидом, его предметная практика связана с познавательной практикой; 2) информационная картина мира создается в научном сообществе, которое институализировано, объединено общим видом познавательной деятельности, совокупностью его целей и задач; 3) картина мира получается как культурная мозаика, в сложении которой принимает участие все общество – различные сообщества, индивиды – поскольку на данном историческом этапе господствует конкретный набор ценностей – информационных технологий, информационных продуктов и т. д.» [11, с.177–178].

В этом контексте, в информационном образе реальности зафиксировано то общее, что представлено в культуре современного общества. В то же время понимание информационной картины как социокультурной реальности, транслируемой современному человеку информационной культурой и информационной цивилизацией, тесно связано с конкретно-историческим пониманием культурной картины мира. Культурная картина мира составляет определенный ракурс общей картины мира. И на нее также влияют разные факторы, в том числе образ жизни. А на сегодняшний день – это информационный образ жизни.

Рассмотрим характер взаимодействия культурной картины мира и информационной картины мира с четырех позиций: конфликт, симбиоз, адаптация и синтез.

Утверждение картины мира может происходить на основе конфликта. Традиционной культурной картиной мира общество пользуется до тех пор, пока эта картина не вступает в конфликт с изобретениями, открытиями, нововведениями и недавно появившимися теориями. Тогда создается картина мира на новой основе (в нашем случае информационной). Конфликт кроется как в существовании физических барьеров на пути передачи и получения информации, так и в количестве и многообразии информационных объектов и невозможности их разыскать и/или потребить, в силу ограниченности интеллектуальных и физических возможностей индивида, а также в связи со сложностью установления соответствия между информацией и потребителем. Эта серьезная проблема возникает потому, что в океане информации становится все труднее отличить надежный источник информации от всех остальных – ненужных и даже вредных. Итальянский философ Умберто Эко [13, с. 56] отмечает, что сегодня мы нуждаемся в новой форме критической компетенции, в искусстве отбора и усвоения информации. По мере роста количества информации эта проблема становится все более значимой. «В информационном мире, – пишет Э. Дайсон, – людям нужна не только информация, но и умение обрабатывать и интерпретировать ее» [6, с. 121]. Возникая одна вслед за другой, формы культуры развиваются параллельно и ныне сосуществуют, представляя собой многообразие форм культуры современного мира. Симбиоз как минимальное взаимодействие, при котором поддерживается относительно независимое сосуществование традиций и инноваций, проявляется в параллельном существовании устной, письменной, книжной, экранной, сетевой культур, без которых не смогла бы сформироваться ни культурная, ни информационная картина мира.

Так, в свое время, письменность, являясь инновацией для бесписьменного общества, соединившись с традиционными способами и формами общения, породила тексты. Записанные тексты можно по-разному интерпретировать, что делает их культурное содержание фактически неисчерпаемым. Время сделало инновационную форму привычной, обычной, традиционной. Культурная картина мира, с одной стороны, интуитивно стремится остаться верной традиционной динамике, но, с другой

стороны, она не может развиваться вне инновационного процесса. Плодотворное продолжение традиция находит именно в новации как критическом анализе и переработке старых, а также продуцировании новых ценностей.

В некотором смысле симптомом уже происшедших внутренних изменений культуры, по нашему мнению, является адаптация. Иными словами, адаптации подвергается не столько сам элемент культуры, сколько его отражение в восприятии культуры. Именно это отражение и выражает исходную готовность культурной картины мира к изменениям.

В связи с процессом адаптации вырабатываются разные механизмы культуры. В культуре жизнеобеспечения, во всех областях искусства, а отчасти и в соционормативной культуре созданы гибкие механизмы, дающие возможность включать инновации в имеющуюся систему. Что же пробуждает потребность в новациях? По нашему мнению – это процессы развития и изменения культурной информации. Соответственно адаптация культурной картины мира и информационной картины мира может быть связана с миметикой. Миметика (mimetics) – наука, появившаяся на свет с целью изучения мимов (memes), которые считаются единицей передачи культурной информации. Информационное понятие «мим» обозначает репликатор культурной информации (то есть копируемую информацию), в которой идеи – это единицы культурной информации, распространяемые между людьми посредством имитации, научения и др.

Для представителей миметики (R. Dawkins [14], L. Gabora [15]) именно адаптация считается механизмом, раскрывающим потребность в инновациях. Так, на уровне отбора в картине мира фиксируются только те идеи (как радикально новые, так и из числа существующих вариаций), которые носят адаптивный характер. Наиболее адаптивными на сегодняшний день являются информационно-коммуникационные технологии.

Процесс синтеза культурной картины мира и информационной картины мира связан с объединением информационно-коммуникационных технологий и культуры в антропотехнические комплексы, что придает новый вид и функции динамике техносферы, трансформируя тем самым культурную картину мира. В этом процессе стирается противопоставление обоих начал и возникает новое состояние культурной

картины мира, в целом означающее ее качественное преобразование при сохранении предшествующего достояния. С нашей точки зрения, новое состояние культурной картины мира связано с сетью телекоммуникаций, то есть Интернет. Здесь необходимо заметить, что основные технические и технологические вопросы формирования глобального информационного пространства, в принципе, уже решены. Центр тяжести перемещается в иную плоскость – в социально-культурную сферу. Глобальная сеть Интернет и информационно-коммуникационные технологии, встраиваясь в существующую систему отношений между элементами системы культуры, формируют два вектора реализации инноваций: вектор креативности (изменений, обновлений, творчества) и вектор структурирования (упорядочивания, нормативности, формализации). Вектор креативности, по нашему мнению, соответствует появлению электронной и виртуальной культуры. С вектором структурирования, мы считаем, связан процесс создания web-сайтов социокультурных институтов в сети Интернет.

Культурная картина мира и информационная картина мира существенно отличны друг от друга. Но, несмотря на различия, они соотносятся с реальным миром, отражают его и формируют его. Также нельзя отрицать и области их существенного пересечения и наложения, а также их постоянного взаимодействия и взаимообогащения. Речь идет об информационном миропонимании в конкретно-историческую эпоху, связанную с формированием информационного общества. Исходя из приведенных в статье определений, в самом широком смысле, информационную картину мира и культурную картину мира можно понимать как систему отношений между человеком и миром, посредством информации и культуры, где функция информации состоит в том, чтобы полученное знание упорядочить, систематизировать и актуализировать для его последующей трансляции в культуре.

Литература

1. Абрамов Ю. Ф. Картина мира и информация (философские очерки). Иркутск, 1988. 232 с.
2. Авдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. 366 с.
3. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. 199 с.
4. Гачев Г. А. Национальные образы мира: курс лекций. М., 1998. 430 с.

5. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. 350 с.
6. Дайсон Э. Жизнь в эпоху Интернета. М., 1998. 400 с.
7. Корогодин В. И. Информация и феномен жизни. Пушкино, 1991. 204 с.
8. Кузнецова Т. Ф. Картина мира и образы культуры // Культура: теории и проблемы / под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М., 1995. С.16–26.
9. Культурология: учеб. / под ред. Ю. Н. Солониной, М. С. Кагана. М., 2007. 566 с.
10. Культурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / под науч. ред. проф. Г. В. Драча. Ростов н/Д, 2005. 576 с.
11. Марычев В. В. Научная картина мира в культуре современного общества: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004. 200 с.
12. Петров А. В. Информационная картина мира: философско-методологический и теоретический анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2002. 197 с.
13. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу // Новое литературное обозрение. 1998. № 32 (4). С. 51–58.
14. Dawkins R. The extended phenotype. Oxford, 1982. 96 p.
15. Gabora L. The Origine and Evolution of Culture and Creativity // Journal of Mimetics – Evolutionary Models of Information Transmission. 1997. № 1. P. 11–19.

Т. А. Шимчук

ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В настоящее время все мы являемся свидетелями процесса реинституционализации (восстановления) Русской Православной Церкви (РПЦ) как социального института. В советский период РПЦ была лишена большей части своей собственности и социальных функций, которые передавались общественным и профсоюзным организациям. Церкви была разрешена только мистическая (основная), отчасти психологическая (утешение) и крайне ограниченная экономическая деятельность. В начале 90-х годов Церковь оказалась в новой ситуации. Она получила свободу и возможности для самостоятельной деятельности.

До конца 1980-х годов Церковь практически не имела никакого опыта работы в медийном пространстве. Малотиражные журналы, кото-

рые ей было позволено выпускать в Москве и Киеве, не были доступны даже всем приходам, не говоря уже о нецерковных людях. Кадры православных журналистов ограничивались тремя десятками людей. Тем удивительнее был быстрый расцвет православного печатного дела в 90-х годах. Но вскоре бум закончился (удорожание бумаги, обеднение прихожан), а светские издания стали публиковать нелюбезные материалы о священниках и приходах. Таким образом, к середине 90-х годов общецерковное информационное пространство оказалось разрушено, чтобы начать воссоздаваться на новых принципах.

Цель данного исследования состоит в выявлении состояния и основных принципов информационного взаимодействия Церкви и общества.

Эти принципы были сформулированы в «Основах социальной концепции РПЦ» [1]. Концепция регламентирует различные формы сотрудничества, которые включают не только СМИ (печатные, радиоэлектронные, компьютерные), но и различные варианты взаимодействия: создание в светских СМИ «особых форм церковного присутствия» (церковные приложения к газетам и журналам, специальные полосы, серии радиопередач и телесюжетов, интервью, участие в форумах, круглых столах, публичных диалогах, предоставление православного материала в виде аудио- и видеоматериалов).

Говоря о Церкви в современном информационном обществе, целесообразно выделить два аспекта проблемы – **социологический**, связанный с распространением влияния Церкви на социум, и **богословский**, который фиксирует внимание на том, что распространяется (Священное Писание). Такой подход зафиксирован в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви». В документе говорится, что в целях осуществления пастырского служения и просветительской миссии, каждый священник, сотрудничающий со светскими СМИ, должен проявлять осмотрительность, оценивая нравственную направленность тех информационных средств, с которыми возникает подобное сотрудничество [см.: 1, с. 124]. Социологический подход содержательно раскрывается еще через ряд аспектов: информационная политика Церкви, церковные СМИ, взаимоотношения Церкви со светскими СМИ; деятельность на рынке электронных СМИ: телевидение, радио, православный Интернет.

Концепция напоминает о взаимной ответственности Церкви и СМИ. Церковь оставляет за собой право прекратить взаимоотношения с соответствующими СМИ или журналистом, призвать верующих бойкотировать данное СМИ; обратиться в органы государственной власти для разрешения конфликта.

Органа, отвечающего за общецерковную информационную политику в РПЦ, не было до 31 марта 2009 года, когда постановлением Священного Синода РПЦ был впервые создан **Информационный отдел РПЦ** (на первом заседании Синода под председательством Патриарха Московского и всея Руси Кирилла). Информационный отдел РПЦ в настоящее время курирует контакты со светской центральной прессой и информирует архиереев через «Информационный бюллетень ОВЦС», а всех остальных верующих – через официальный сайт РПЦ (www.mospat.ru).

Председателем Синодального информационного отдела Московского Патриархата является в настоящее время Владимир Романович Легойда, общественный и церковный деятель, главный редактор журнала «Фома». Основная цель Информационного отдела – «формирование общей церковной информационной политики», что не просто с учетом формировавшихся веками особенностей церковной жизни – с одной стороны, и современных стандартов СМИ – с другой. Председатель Информационного отдела РПЦ выделил два основных направления деятельности отдела. Первое – это присутствие в светском пространстве. Второе – работа внутри Церкви (с церковными СМИ).

Документ, регламентирующий современную стратегию Церкви, еще находится в разработке в коллегии Информационного отдела. Работа ведется с привлечением широкого круга специалистов и экспертов. Особую проблему Информационный отдел видит в повышении квалификации церковных журналистов, епархиальных информационных отделов и пресс-служб. Для повышения качества изданий, присутствующих в церковной системе распространения, Священный Синод принял решение о введении обязательного грифа «Рекомендовано к изданию/производству Синодальным информационным отделом». Гриф «По благословению Патриарха Московского и всея Руси» для светских СМИ решено отменить.

В настоящее время общецерковными изданиями считаются «Журнал Московской Патриархии» (ЖМП) и газета «Церковные ведомости». В этом году «ЖМП» вышел в новом формате. Главный редактор журнала, С. В. Чапнин, отметил, что «новый макет – это свидетельство серьезных внутренних перемен». Если говорить о формате, то его увеличение вызвано тем, что прежний воспринимался «сниженно» – как бюллетень или брошюра, но никак не официальное издание.

Тираж «ЖМП» (систематически издается с 1989 года) не велик – 5 тыс. экземпляров. Главная целевая аудитория журнала – православное духовенство. На данном этапе ставится скромная первоочередная задача – сделать так, чтобы официальный журнал Русской Православной Церкви дошел хотя бы до каждого прихода. Это сложная задача. Многие священники подписку на «ЖМП» считают обузой, ненужной повинностью, пустой тратой денег. И в этом есть доля истины, так как долгие годы издание не отвечало нуждам и потребностям аудитории.

Самым лучшим церковным изданием считается «Церковный Вестник» (главный редактор – протоиерей Владимир Силовьев). Газета выходит с 1989 года. Тираж 30 тыс. экземпляров, периодичность – раз в две недели. Но, несмотря на то, что тираж газеты 30 тыс., подписчиков у нее всего 4 тыс. за пределами Москвы. С изданием этой православной газеты принято связывать начало возрождения церковной журналистики в России. Особое внимание редакция уделяет практическим вопросам – современному опыту миссионерской работы и социального служения Церкви, религиозному образованию, а также различным инициативам в области церковно-государственных отношений. Регулярно публикуются репортажи о церковной жизни в России и за ее пределами.

Свои газеты стремятся иметь и многие епархии. Но регулярное с 90-х годов печатное издание имеют только 60 % епархий. Однако информационная наполненность епархиальных газет оставляет желать лучшего. В ней в лучшем случае публикуются: хроника служб архиерея, информация о текущих православных праздниках, тексты проповедей, описание истории отдельных храмов, рубрика «Вопросы к священнику». Местные епархиальные издания чаще всего ограничиваются просветительскими и душеполезными публикациями. Также перепечатываются новостные сообщения из московской православной прессы, полученные, как правило, с помощью Интернета.

В епархиальных местных газетах практически невозможно встретить подробные отчеты о прошедшем епархиальном собрании, о работе епархиальных отделов. Очень редко можно прочесть интервью со священником или епископом. Невозможно встретить информацию, в которой обсуждаются проблемы деятельности епархиального управления, экономические аспекты деятельности приходов.

Таким образом, даже на фоне светских местных газет российской глубинки епархиальная пресса невероятно скучна для нецерковного читателя. Обычно газета продается в храме. Тираж от 1 до 5 тыс. экземпляров. Редакция включает, как правило, не более трех человек, которые часто используются епархией не по назначению. Поэтому выпуски епархиальных газет выходят редко и с задержкой.

Прорывом в области использования информационных технологий в деятельности Церкви считается создание уникального (частного) **церковного медиахолдинга в Екатеринбурге**, которым руководит игумен Дмитрий (Байбаков). В этот медиахолдинг входит несколько газет (в том числе еженедельных), три типографии, информационное агентство, книжное издательство, ежедневная телепрограмма «Новости епархии», несколько еженедельных телепрограмм и круглосуточный радиоканал «Воскресение» [см.: 3, с. 390–391].

Такова ситуация на сегодняшний день. До сих пор священнослужители придерживались следующих принципов общения с журналистами СМИ и в своей работе на православных сайтах (вряд ли эти неписанные правила подвергнутся существенному изменению).

Первый и главный принцип – «не навреди». Не навреди себе, епархии и Церкви. Второй принцип – собеседник должен быть равен тебе по статусу. Свой социальный статус священник оценивает очень высоко, поэтому руководитель отдела епархии не будет просто разговаривать с журналистом, если только не даны гарантии публикации положительной статьи. Третий принцип – «не обсуждай проблем Церкви с посторонними». Нормальными темами для бесед с журналистами являются тезисы о «возрождении православия» в данной местности, история строительства и реконструкции храмов, церковные праздники, деятельность сект. Темы внутрицерковной жизни, ее административной, организационной и экономической деятельности являются закрытыми.

Эти принципы распространяются и на православные сайты в Интернете. Интернет-сайты РПЦ появились в 1997 году. В настоящее время существует уже около одной тысячи сайтов, созданных РПЦ, церковными группировками, представителями альтернативных православных церквей и простыми верующими. За последние пять лет Интернет превратился в важнейший источник информации для активной части верующих.

Первая группа сайтов – синодальные, епархиальные, приходские и монастырские сайты, которые построены примерно по одному принципу. Они дают необходимый минимум информации об истории и текущей деятельности своих учредителей. Лучше всего в Интернете представлены сайты Синодальных отделов (6 из 8 отделов) и епархий. Более слабо развиты приходские и монастырские странички (несколько сотен сайтов). Главная проблема для них – отсутствие самостоятельной информации, поэтому они воспроизводят информацию с общецерковных сайтов Московской Патриархии. Многие сайты не обновляются годами или добавляют по одной – две новости в месяц.

Вторая крупная группа сайтов – это православные СМИ, как официальные, так и независимые. Для многих из них сеть стала буквально спасением и позволяет сохранить и расширить круг читателей. После открытия сайтов «Мир религий» (www.religio.ru), «Религия в светском обществе» (www.religion.sova-center.ru), а также «Портала “Credo.ru”» (www.portal.credo.ru) резко увеличились не только объем и скорость предоставляемой информации о православии в России, но и качество и объем аналитической информации.

Третья большая группа – сайты православных общественных организаций – в основном придерживающихся фундаменталистской ориентации и активно сотрудничающих с русской националистической оппозицией (например, сайты «Форум диакона Андрея Кураева», «Русское воскресение», «Апокалипсис»).

Большой популярностью в сети пользуются и православные библиотеки, виртуальные коллекции икон, форумы для любителей церковного пения и зодчества. С осени 2003 года в сети появилось первое российское православное Интернет-радио – Kolokola.ru, посвященное музыке и технологиям.

Произвести оценку посетителей православного Рунета не представляется возможным. По данным «Православного сетевого братства», публикующего отчеты, ежемесячное количество посетителей 250 крупнейших православных ресурсов составило 215 тыс. человек (то есть не более 7 тыс. человек в сутки). По данным портала Rambler, совокупная дневная аудитория религиозных сайтов насчитывает около 60 тыс. посетителей (0,3 % от общего числа аудитории Рунета) [2, с. 103]. Этого пока мало. Правда, как сообщает один из отцов-создателей православного Интернета Н. А. Ардабьевский (светский человек с техническим образованием, создавший, несмотря на скепсис церковных иерархов, первый православный сайт: www.spassi.ru), на некоторых крупных сайтах проводится целенаправленная «подкрутка счетчиков». В любом случае в настоящее время православный Интернет, несмотря на свой малый объем, является наиболее живым и динамичным сектором церковных СМИ.

Таким образом, Интернет становится мощным инструментом социального взаимодействия Церкви и общества. Единая информационная стратегия РПЦ (МП) в настоящее время еще только формируется. Всего год назад постановлением Священного Синода РПЦ от 31 марта 2009 года был создан Информационный отдел РПЦ. Документ, регламентирующий принципы взаимоотношений РПЦ и СМИ и стратегию Церкви в области информации, в данный момент находится в разработке.

Несмотря на широкую издательскую деятельность православных СМИ, открытие множества православных сайтов в Интернете, Церковь остается закрытым институтом. Это объясняется самоцензурой православных журналистов и принципами общения РПЦ со светскими журналистами. На освещение внутрицерковных проблем наложено своего рода «табу». На православных сайтах почти нет серьезных аналитических статей на богословские темы.

Иными словами, православные СМИ и журналисты видят свое призвание скорее в миссии, чем в рефлексии на внутрицерковные проблемы [3, с. 401]. Несмотря на усилия в области информационных технологий служителям Церкви пока не удастся существенно расширить свою аудиторию. Главная проблема состоит в неумении клира излагать информацию в цивилизованных формах. О повышении качества предос-

тавляемой православными СМИ информации говорил в своем недавнем выступлении патриарх Кирилл на заседании комиссии Межсоборного присутствия по вопросам взаимодействия Церкви, государства и общества [4].

Литература

1. Церковь и Мир: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. 187 с.
2. Яхонтова Е. С. Православная Церковь как социальный институт в современном информационном пространстве. СПб., 2008. 133 с.
3. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2006. 656 с.
4. Повестка дня Межсоборного присутствия РПЦ [Электронный ресурс]: Русская линия // URL: http://www.rusk.ru/tema/religia/povestka_dnya_mezhsobornogo_prisutstviya_rpc/ (дата обращения: 15.03.2010).

С. П. Елин

ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БЫТИИ

Одной из древнейших мировых культур, сохранившихся до наших дней, является китайская, у которой ещё в древности существовали оригинальные и глубокие представления об основах бытия.

«Мир для китайцев безостановочный процесс становления, поэтому представления о нём постоянно меняются. Истинное знание – не в исследовании объектов для дальнейшего их использования, а в достижении однобытия с миром. С традиционной восточной точки зрения подлинная реальность есть небытие, отсутствие формы, в котором, тем не менее, уже всё есть и в определенное время появляется в мире феноменов. Разница между бытием и небытием сводится к тому, что одно уже имеет форму, видимое обличье, а другое ещё не имеет. Между явившимся и неявившимся нет разрыва, они постоянно переходят друг в друга» [4, с. 32].

На протяжении длительного периода древнекитайские учения находились на периферии мировых размышлений о миропорядке, и лишь

совсем недавно, как на Западе, так и в России, заметно усилился интерес к восточным учениям и к даосизму в частности.

Даосы предлагают свою, отличающуюся от существующей в современной науке точку зрения, согласно которой мир является вечносуществующим, Вселенная возникает, развивается и исчезает и через какое-то время вновь появляется.

В предлагаемой статье будет сделана попытка, с учетом современной реконструкции исследователя, выявить особенности представлений о бытии в Древнем Китае.

Отличительной чертой древнекитайских представлений о бытии является то, что у них нет понятий «бытие» и «небытие», поскольку сам глагол «быть» отсутствует в древнекитайском языке. Он заменен глаголом «ю» («иметься», «наличествовать»), тогда как его антонимом будет отрицательный глагол «не иметься», «отсутствовать» («у»). Именно это слово («у») используется для выражения идеи потенциального, латентного состояния космоса, предшествующего появлению проявленного мира наличного бытия («ю»). Не бытие – бытие, а отсутствие – наличие образуют базовую метафизическую оппозицию китайской мысли. При этом именно «отсутствие» (оформленной телесности) является для древнекитайской мысли «субстанцией» и обладает безусловным первенством по отношению к «наличию» [см.: 9, с. 70].

Следует отметить, что термины «у» и «ю» не являются исходными категориями концепции мира. Они находятся в одном ряду с другими положениями и характеризуют определенные свойства проявленного мира. Китайской философии свойственно отсутствие наиболее общих понятий противоположных измерений мироздания. Они обозначаются целым рядом определений. А. Е. Лукьянов выделяет в тексте «Дао-дэ цзин» следующие определения противоположных аспектов мироздания:

- «у мин» (не обладающий именем) и «ю мин» (обладающий именем);
- «у юй» (не обладающий желанием) и «ю юй» (обладающий желанием);
- «у вэй» (не обладающий деянием) и «ю вэй» (обладающий деянием);
- «у дэ» (не обладающий «дэ») и «ю дэ» (обладающий «дэ»);

- «у у» (не обладающий вещественностью) и «ю у» (обладающий вещественностью);

- «у чжуан» (не обладающий изображением) и «ю чжуан» (обладающий изображением);

- «у цзянь» (не обладающий промежутком) и «ю цзянь» (обладающий промежутком) [см.: 5, с. 64].

В других произведениях также даётся целый ряд характеристик «у» и «ю». В «Ле-цзы» упоминаются такие определения «у», как: «не рождённое», неизменяющееся, а «ю» определяется как «рождённое», изменяющееся [см.: 3, с. 37].

Таким образом, древнекитайским философам несвойственно выделение каких-либо центральных определений слагающих мир «у» и «ю». Это является одной из причин существования проблемы точного понимания и перевода данных слов и в свою очередь осложняет анализ древнекитайской концепции мироздания как «у-ю»

Отечественные исследователи придерживаются нескольких точек зрения в понимании даосских определений. Ю. Канчуков, А. Е. Лукьянов, Т. П. Григорьева, Л. С. Васильев, Л. Е. Померанцева, А. А. Маслов, Ян Хин-шун переводят «у», «ю» и связанные с ними характеристики, как «небытие» и «бытие». В то же время А. Е. Лукьянов использует и понятия «пустота» и «полнота». Е. А. Торчинов и Б. Б. Виноградский определяют «у» и «ю» как «наличие» и «отсутствие», а В. В. Малявин определяет их, прежде всего, понятиями «присутствие» и «отсутствие» [см.: 9, с. 64]. Видимо, в различных случаях возможны несколько вариантов понимания перевода, которые раскрывают новые значения древнекитайских терминов.

Следующая особенность представлений о бытии у древних китайцев связана с рассмотрением свойств пустотности мироздания. Учение о пустотности мира является одним из узловых в структуре даосской модели проявленной Вселенной. Прежде всего, как отмечает В. В. Малявин, в даосизме пустота является прообразом высшей целостности мира и стоит в одном ряду с определениями всепроницающего единства, единения, согласия, единства, в пустоте нет каких-либо противопоставлений [см.: 6, с. 102].

Как предполагает Н. Жирардо, философема пустоты была подсказана представлением о пустоте внутри космического яйца, опосредовав-

шей полярные начала [см.: 6, с. 145]. Пустота – связывающий элемент мира. В изречении 11 «Дао дэ цзин» говорится: «Тридцать спиц соединяются в одной ступице; использование колеса зависит от этого пространства. Из глины делают сосуд; употребление сосуда зависит от этого пустого пространства. Пробивают окна и двери, чтобы сделать дом; использование дома зависит от этих пустых проемов» [8, с. 56]. В пустоте протекает главное содержание жизни мира, развитие которого зависит от полезности бытия и пригодности небытия.

Пустота – бытийственный и эпистемологический разрыв. Это что-то, чего уже нет и ещё нет. В пустоте противоположности расходятся, чтобы соединиться. Так происходит потому, что, будучи бесконечной перспективой, превосходя всякое наличное бытие, пустота дана только как не-данность. Пустота – среда и сила обновления. Теперь, когда выявлена значимость пустоты как промежутка без предела и различия вне форм, сможет получить обоснование концепция реальных перемен, то есть перемен, происходящих в бесконечности пространственно-временного континуума, и, стало быть, перемен неисчислимых и нефиксируемых [см.: 7, с. 27–28].

Для даосизма несвойственно смотреть на мир с точки зрения проблемы существования, так как все вещи живут и существуют и не существуют одновременно. Эти два качества неразделимы. Поэтому даосское «ю» отлично от понятия «бытие» европейской традиции. В свою очередь даосы не используют, а поэтому и не противопоставляют понятия «идеальное» и «материальное», для них главной проблемой является разделение подлинного и видимого уровней мироздания, которые не ограничиваются материальностью и принадлежностью к сознанию.

Таким образом, для даосов видимое – не подлинно, а подлинное – не видимо, то есть даосы считают пустое наиболее главной составляющей мироздания. В даосизме оформленность и пустотность мироздания соотносятся как неподлинное и подлинное. Тем самым даосская философия поднимает проблему соотношения реальности (видимое) и действительности (истинное) мира, где последняя – это пустота [1].

Для даосской философии характерно положение о том, что мир имеет природу, в которой пустота и оформленность не противоречат

друг другу, а составляют единую реальность, каждая из них обладает своей функцией в мироздании, но при этом наиболее важным аспектом проявленного мира является пустота, так как представляет собой «полноту свойств». Взгляд на пустоту как целостность мира является спецификой даосизма [см.: 1, с. 46].

Можно сделать выводы, изучая единство пустоты и оформленности мира:

- проявленный мир в даосской философии представлен как имеющий двойную природу, в которой пустота и оформленность не противоречат друг другу, а составляют единую реальность;

- пустота и оформленность в даосском понимании проявленного мира трактуются в качестве тождественных аспектов мироздания;

- в даосской онтологии они составляют единую реальность, но не рассматриваются в качестве равнозначных, так как оформленность, в конечном счете, обуславливается пустотой;

- состояние пустоты и оформленности определяет даосскую трактовку проявленного мира как единого организма.

Другая особенность представлений о бытии связана с Дао, которая есть некая единая целостность, стоящая и над бытием и над небытием, характеризующаяся в даосской философии различными терминами: «Хаос», «Единое», «Одно», «Великое единое». Это «Единое» представляется как недифференцированное единство, которое содержит в себе все вещи. Все вещи в Поднебесной рождаются в бытии, а бытие рождается в небытии [см.: 2, с. 37].

Изначально Дао, по мнению даосских мудрецов, представляет собой единое целое двух ипостасей: проявленного (бытие) и непроявленного (небытие), где проявленное Дао – это поток непрекращающихся превращений, источником которых является безымянное Дао, а все вещи-сущности претерпевают метаморфозы.

С точки зрения даосизма, непроявленное (небытие) и проявленное (бытие) Дао не являются обособленными, поэтому сами термины в определенном смысле условны, в действительности это одно единое Дао, а «Беспредельное» и «Великий предел» есть его составляющие [см.: 1, с. 25]. Таким образом, проявленный мир и Дао представляют как единое целое, причем Дао «вмещает» в себя весь мир.

В произведении «Дао дэ цзин» по-разному определяется небытие: в одном случае оно означает бытие другого, бытие «предыдущего», а в другом – присущий всем вещам неосязаемый естественный закон [см.: 10, с. 53].

Даосское учение о проявленном Дао (бытие) является весьма специфической философской концепцией. Она охватывает вопросы возникновения мира, его сущности, особенности протекающих в нём процессов, истоки мироустройства и путь жизни Вселенной. Характерными чертами этой составляющей даосского учения являются идеи сосуществования проявленного мира и породившей его абсолютной сущности, пронизывающей всю Вселенную, понимания Дао как Пути мироздания, трактовка мира как живого существа, являющегося одновременно проявленным (бытие) и непроявленным (небытие) [см.: 1, с. 30].

Можно предположить, что в даосизме существует идея о том, что Дао, одновременно пребывая в единстве с миром, находится вне его, то есть трансцендентно и имманентно по отношению к Вселенной. В то же время следует подчеркнуть, что для даосской философии свойственно, прежде всего, осознание имманентности высшей сущности в отличие от понимания трансцендентности Бога в христианской традиции [см.: 1, с. 30].

Нельзя не сказать о такой особенности в мировоззрении китайцев, как отсутствие проблемы первичности бытия и небытия, которая существовала в древнезападной философии.

В Дао ничто не первично: ни небытие, ни бытие. Процесс генезиса идёт с обеих сторон и одновременно. В той мере, в какой небытие порождает бытие, в той же мере бытие порождает небытие. Они пронизают друг друга и в генетических пределах трансформируются в свою противоположность [см.: 5, с. 66].

У Лао-цзы, в 12-м изречении, есть фраза об однонаправленности порождения бытия и вещей из небытия: «Мириады вещей в мире возникают из “присутствия” – “присутствие” возникает из “отсутствия”» [8, с. 58]. Она не должна нас смущать своим кажущимся противоречием положению об обоюдном генезисе небытия и бытия. В ней только конкретизируется состав бытия, в который включаются мириады вещей.

Они не рождаются из бытия, как некое третье первоначало, продолжающее бесконечную линию первоначал. Они также не замыкают космогенез своим множеством на третьей ступени от небытия. Вещи рождаются в бытии и в небытии как законные дети своих родителей. В них столько же бытия, сколько и небытия, и каждый из них выполняет в вещах свою функцию.

Таким образом, небытие в китайской философии – это не нечто потустороннее, это не исчезновение, это есть ещё не раскрывшееся, не ставшее бытие. Мир не сотворён, он спонтанно развивается из самого себя, небытие есть источник бытия, источник саморазвития всего, в котором духовное начало (небытие) и физическая природа (бытие) рассматриваются в единстве.

Литература

1. Бондаренко Г. В. Даосская концепция проявленного Дао: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. БГУ. Уфа, 2004. 132 с.
2. Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия: учеб. пособие. М., 2008. 480 с.
3. Дао: гармония мира. М., 2002. 864 с.
4. Кохановский В. П., Яковлев В. П. История философии: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004. 736 с.
5. Лукьянов А. Е. Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. М., 2001. 384 с.
6. Малявин В. В. Чжуан-цзы. М., 1985. 310 с.
7. Малявин В. В. Чжуан-цзы. Ле-цзы. М., 1995. 439 с.
8. Стивен Ходж. Дао дэ цзин. М., 2006. 176 с.
9. Горчинов Е. А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб., 1993. 448 с.
10. Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М., 1950. 160 с.

Р. Г. Розанцев

ПОТРЕБНОСТЬ В ИДЕАЛЬНОМ

В современном обществе с гигантской индустрией и электронными средствами массовой информации индивид, который не контролирует своей работы и отчужден от результатов своего труда, чувствует свою

ничтожность перед созданными им грозными и анонимными для него машинами, он перестает быть деятельным человеком, то есть он теряет свою сущность. Ведь человек по своей сущности социально-деятельное существо и, с потерей этой сущности, он умирает как человек.

Для него все становится статьей потребления: сигареты, ликер, секс, книги. Мощь рекламы делает ячейку мегаполиса такой же хрупкой структурой, столь сиюминутной и слабой, как и сама ткань, связующая прошлое с будущим.

Алчность к потреблению становится доминирующей психической силой в современном постиндустриальном обществе. Чем больше власти человек имеет над машиной, тем более властно эта машина использует свое существование, чем больше он потребляет, тем больше становится рабом своего продукта. Тем не менее, свобода в потреблении – остается сущностью «человека свободы». Человек-потребитель в его крайних формах есть психоаналитический тип алкоголика, наркомана, больного СПИДом. Он – продукт застойного потребительского общества, скроенного по канонам рыночной экономики. Человеку мыслящему противостоит его кривое отражение в форме «веселого робота» [4, с. 303]. Задавая вопрос о причинах, сформировавших современного человека, нетрудно представить, что именно спрос определяет предложение, а не наоборот. Реклама с легкостью формирует коллективное сознание в том русле, которое противоречит индивидуальности каждого человека. Этот механизм становится до конца понятным, если учесть, что человек – существо социальное. А в дуализме бытия и сознания существует также и синтез, который проявляется, на наш взгляд, не только в конформизме общества по отношению к индивиду, с одной стороны, и к отчужденности личности от общества – с другой, но и в стремлении этот антагонизм нивелировать, как со стороны общества, так и со стороны индивида.

Актуальность сказанного выше заключается в необходимости затронуть проблему значения для нас понятия «потребности в идеальном», как ключевую и смыслообразующую, определить сферы применения и цели использования, а также проиллюстрировать наши умозаключения максимально доступно.

В своей работе мы используем индуктивный метод ограничений пределов наиболее общих понятий менее общими. Исходя из выбранных

нами значений идеального, взятых в ключе философских течений, о которых речь пойдет ниже, мы интерполируем общее определение на частно затрагиваемые нами аспекты. На основе рассмотренного нами понятия «потребности в идеальном» и детального анализа структуры общества потребления, массовой и камерной культур, как его неотъемлемых составляющих, мы попытаемся раскрыть смежные дискуссионные темы.

Прежде чем пускаться в дальнейшие размышления, отметим сферы пресечения самих понятий «потребность» и «идеальное».

Потребность – это состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития, и выступающее источником его активности.

Идеальный – образцовый, совершенный, соответствующий идеалу или стремящийся к нему; существующий лишь как идея, не реальный, не действительный. Мы будем использовать еще более широкое определение идеального. В нашем понимании «идеальное» – продукт познания субъектом всеобщих свойств «материи».

Следует добавить, что идеальное здесь выступает в ключе неоплатонической философии, а также как «крайний предел» или «абсолютный дух» Гегеля.

Плюс ко всему, чтобы целостно понять выражение «потребность в идеальном», надо определить понятие «физис», которое ограничивает это выражение со стороны категорий материи, телесности и которое в стоической школе определялось как тело, костяк, структура, завершенность. При этом, греческое «физис» означает для нас именно то, что диалектически сочетает в себе одновременно продукт мышления как предел абстрактно-конкретного и полное отсутствие любой возможной интенции как тривиальное неосознанное, став для нас теперь тем базисом, от которого мы будем отталкиваться в желании понять описываемое нами. Так вписывая потребность как абстрактную категорию в схему «сознание – пустая интенция», мы получаем закономерность: чем абстрактнее потребность, тем реальнее наличие в ее осуществлении осознанного, и напротив, чем более конкретна, телесно осязаема потребность, тем более она примитивна и пуста содержанием на уровне интенции.

Естественно, что без осознания потребность не может носить идеального характера. Осознание этого принципа определяет как раз ту си-

туацию, когда закрыт доступ к осуществлению потребности неосознанно. Идеальное может стать таковым, лишь будучи сознательно отделенным в диалектическом биноме сознания и пустой интенции.

Следовательно, разрыв между массовой и камерной культурами – это и есть последовательное развитие данного бинорма в рамках таких пределов, как культура и общество. Единственный путь сокращения разрыва между оппозициями – это осмысленное прочтение реальности этих барьеров. То есть необходима переоценка продуктов массовой культуры как смещения в область «удовлетворения» потребности в идеальном. Именно диалектическое развитие барьера должно стать сутью его преодолением.

Существует лишь осознание потребности как поступательное движение саморазвивающейся мысли, в противовес неосознанному влечению к объекту желания. Так, в строгом смысле не существует именно «удовлетворения» потребности в идеальном, возможно лишь либо тривиальное влечение к объекту, либо познание реальности незавершенного характера.

Эти рассуждения подводят нас к следующей мысли, что «потребность в идеальном» не что иное как – высшая человеческая потребность и единственный способ культивации действительности, без материальных изменений ее структуры. Потребительское же прочтение культуры лишь притупляет способность к познанию. Реализация потребностей становится невозможной.

Опять же, по отношению к категориям «свободы» и «общества» бесконечное стремление к саморазвитию, потребность в интеллигентном раскрепощает «свободного человека», настаивая на его праве выбора между приземленным и возвышенным, телесностью и приближенным к миру духа, догматике и свободе деятельности. На наш взгляд, примат разума над материей – это единственный императив, которому необходимо следовать в отношении прочтения культуры. С другой же стороны, понимание иллюзорности этого противоречия и будет синтезом и девальвацией этого противоречия. Предельным следствием данного рассуждения будет понимание априорности существования культуры лишь в осмысленном его значении. А следовательно, любая массовая культура в дискурсе наших суждений является «лжекультурой».

Понятие «потребности в идеальном» по отношению к этим массовым лжекультурам распадается на находящиеся по разные стороны бинома сознания и пустой интенции: сартровский «самообман» и доподлинное, последовательное стремление к истине. Сартровский «самообман» – это и есть неререфлективное, свойственное греческой героике, позднейшим религиям спасения, а в нашем понимании – инструмент манипуляции социумом единицами, который служил прикрытием для преступлений против человечества. Доказательством наших суждений может стать, например, религиозно-догматическая картина мира Средневековья или идеология фашистской Германии.

Свойственное именно массовой культуре подобное псевдознание – это барьер, который видел уже в XIX веке такой философ, как Ницше. «Бог умер» не потому, что Ницше был ярким противником религии, но ввиду того, что религия, пусть даже в таком своем проявлении, как «категорический императив», перестала быть средством индивидуального спасения.

В проекции на современное общество религию заменили такие инструменты общественного влияния, как национальные идеологии и во всемирном масштабе – реклама или брендовая политика транснациональных экономических гигантов. Совсем недавнее еще прошлое показывает нам пример использования чисто научных и рациональных философских теорий в качестве способов удовлетворения сиюминутных, пусть даже в глобальном масштабе, потребностей единиц или групп людей под видом общественной необходимости.

Культура – это прежде всего свободная творческая и интеллектуальная деятельность, само существование которой означает возможность критики и рационального осмысления социальной реальности. Массовая культура, превратившаяся в индустрию, полностью утрачивает эти функции и служит утверждению и легализации общества потребления, интересам власти и бизнеса. Она парализует критическое мышление, служит своеобразным наркотиком, отвлекающим людей от реальных проблем и противоречий общественной жизни.

Аудитория СМИ, потребляющая стандартную «культурную продукцию», становится пассивной и легкоуправляемой, приучается мыслить стереотипами. Индустрия культуры становится механизмом

воспроизводства тотальной потребительской идеологии, легитимизирующей сложившийся социальный порядок.

Стандартизированное культурное производство есть логическое продолжение стандартизированного производства товаров в других сферах экономики. Собственно, сама культура превращается с помощью средств массовой коммуникации в одну из отраслей экономики. Она утрачивает функции духовного развития человека.

Переизбыток информации, производимый современными СМИ, уничтожает категорию смысла. Смысл как таковой перестает существовать. «Мы производим в изобилии образы, которые не передают никакого смысла. Большинство образов, которые доносят до нас телевидение, живопись, образы аудиовизуальные или синтетические образы – все они не значат ничего» [5].

Созерцая мир через призму СМИ, человек видит только то, что ему показывают, и считает реальным то, что видит. Все, что не попадает в поле зрения СМИ, как бы не существует вообще, поскольку не получает репрезентации. С другой стороны, все, что попадает в объектив, а затем на экран, неизбежно становится зрелищем, даже если речь идет о войне или катастрофе. Таким образом, будучи преобразованными СМИ, события утрачивают свое подлинное значение. То же самое происходит с реальностью в целом. На смену естественному приходит искусственное, на смену реальному – виртуальное.

Подводя итог всего вышесказанного, хотелось бы отметить, что понятие «потребности в идеальном» можно понимать лишь как условное, эта условность определяется типами мировоззрения, а также сферой толкования.

Литература

1. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
3. Сартр Ж. Бытие и ничто. М.: Республика, 2002.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. Мн.: Попурри, 2000.
5. Бодрийар Ж. От сопротивления к гиперконформизму // Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. С. 214.

Раздел 2. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

П. В. Аксенов

ЭЛИТЫ КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Исследование элитарных структур, принципов их формирования и функционирования, роли и места в истории всегда волновало умы как российских, так и зарубежных исследователей. Однако в последние два десятилетия эта проблема стала особенно острой для научной среды в России, что является неслучайным. Переломные и кризисные моменты, произошедшие в данный период времени, заставили задуматься об источниках их возникновения, той движущей силе, которая является главным инициатором и регулятором этих явлений. Исследователи различных научных областей по-разному характеризуют и описывают происходящие процессы, однако все они схожи в одном – постулировании доминирующей роли элит в происходящем общественном процессе. На всем протяжении истории, а тем более сейчас, роль элит в обществе трудно переоценить, поскольку в переломные исторические эпохи элиты, от которых во многом зависит формирование экономики, политики, культуры, становятся главным фактором в жизни социума. Исследование элит, принципы их формирования, культурно-нравственные и ценностные ориентиры, интенсивность и направленность мобильности – ответы на эти вопросы помогают зафиксировать суть происходящих в нашем обществе процессов.

Ввиду того, что сама по себе дефиниция «элита» многоаспектна и не является постоянной, неизменной и строго определенной, то дать четкую и однозначную характеристику этому явлению на современном этапе развития научной мысли не представляется возможным. Понимание элиты в различных социологических, политологических и культурологических концепциях неоднозначно. Начиная с классиков элитологии

итальянцев Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса и по сегодняшний день идет интенсивная дискуссия относительно содержания данного термина. Одни понимают под элитой сугубо интеллектуальную элиту, другие – бизнес-элиту, третьи – государственный аппарат и т. д. В любом из случаев будет своя «правда», обусловленная задачами анализа конкретного исследования. Если предельно сгруппировать все имеющиеся подходы к осмыслению термина «элита», то можно выделить два направления в научном исследовании. Первое – структурно-функциональное (или позиционное), согласно которому под элитой понимаются индивиды, имеющие влияние и определенные позиции во власти, вес в обществе, благодаря чему могут непосредственно воздействовать на важнейшие для всего общества процессы, принимая соответствующие решения. Второе направление – ценностное (или аксиологическое) получило широкое распространение в культурологии и философии. Элита в этом случае определяется как особый слой общества, наделенный специфическими духовными способностями. С точки зрения этого подхода, понятием «элита» обозначается не просто правящая верхушка общества, а та часть общества, которая способна к духовной деятельности, одарена высокими нравственными и эстетическими качествами. Именно она обеспечивает общественный прогресс, является идеологом и локомотивом общественного развития. Необходимо сказать, что оба этих подхода имеют свои преимущества и недостатки, как ценностная, так и функциональная интерпретация понятия элиты не свободны от серьезных недочетов.

В результате понятие «элита» в различных научных исследованиях рассматривается с точки зрения своего объекта и предмета исследования. Так выделяются экономические, политические, культурные, научные и др. элиты. Кроме того, сам термин «элита» (от латинского *eligere* – «выбираю» и французского *elite* – «лучшее, отборное, избранное») не является четко определенным. Наличие значительного числа существенно отличающихся друг от друга теоретических подходов к исследованию элиты, с одной стороны, и многоаспектность самого этого феномена – с другой, свидетельствуют о безусловной сложности, глубине и неоднозначности рассматриваемого явления. Г. К. Ашин в этом отношении справедливо отмечает, что «все говорящие и пишущие об элите интуитивно понимают, о чем идет речь, но как только они пытаются эксплици-

ровать это понимание, так неминуемо возникают разногласия, обнаруживается огромный разброс мнений и точек зрения, порой диаметрально противоположных» [1, с. 176]. В данной работе мы сознательно уходим от подробного анализа понимания термина «элита», так как это представляет собой отдельный специальный вопрос. Подробный анализ всех существующих на сегодняшний день элитологических концепций можно встретить в трудах современных российских элитологов Г. К. Ашина, О. В. Гаман-Голутвиной, О. Крыштановской и других [1; 2; 7].

Нас же в большей степени интересует именно культурологический подход к определению элиты, а не описанный ранее структурно-функциональный, который в настоящее время является универсальным при проведении такого рода анализа. Объект внимания при исследовании элит в культурологическом ракурсе должен быть направлен на определение закономерностей становления, функционирования и развития элитных групп как субъектов культуры, а также на выявление сущности и содержания процессов сохранения, трансляции, освоения и изменения их ценностей, норм, поведенческих установок и моральных кодексов.

Исторический опыт показывает, что ключевые общественные процессы иницируются, воплощаются в жизнь и поддерживаются ни кем иным, как элитами; причем жизненная необходимость государственного, культурного или общесоциального значения диктует заниматься этим именно элитам. В социологии и культурологии термин «элита» понимается как высшие привилегированные слои в обществе, осуществляющие функции управления, развития науки и культуры [см.: 9, с. 559]. Представители элит обладают специфическими личностными особенностями и профессиональными качествами, делающими их элитой, то есть «избранными», в той или иной сфере общественной жизни [см.: 6, с. 459–460].

Культурологические представления об элите должны исходить из понятия о ней не только как об определенном социальном слое, но и как о функциональной группе наиболее влиятельных и высокопоставленных представителей различных общественных институтов, что позволяет элите осуществлять в обществе стабилизирующие/дестабилизирующие и интегративные/деинтегративные функции [см.: 3, с. 126]. Иными словами, именно элита ответственна за поддержание как институционального положения, так и осуществление социокультур-

ной динамики посредством изменения черт культуры и общества в целом.

Проблемам социокультурной динамики посвящены работы П. Сорокина, А. Моля и других. К динамике культуры относятся те средства, механизмы и процессы, которые описывают трансформацию культуры, её изменение. Понятие «социокультура» ввел в научный обиход Питирим Сорокин. В широком смысле он называл им весь суперорганический мир, всю ту новую вселенную, которые были сотворены Человеком. Составными частями социокультуры являются:

1) бесконечно богатая идеологическая вселенная смыслов, объединённых в системе языка, науки, религии, философии, права, этики, литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, музыки, драмы, экономики, политических и социальных теорий и т. д.;

2) материальная культура, представляющая собой воплощение всех этих смыслов в биологической среде, начиная с простых орудий и кончая наисложнейшим оборудованием, книгами, картинами и прочим;

3) все скрытые и открытые действия, церемонии, ритуалы, поступки, в которых индивиды и их группы осуществляют и принимают тот или иной набор смыслов [см.: 9, с. 453].

В интересующем нас контексте субъектами действия для социокультурной динамики выступают элиты, осуществляющие свою морально-творческую деятельность с помощью кодов культуры, то есть с помощью совокупности знаков, символов, смыслов и их комбинаций, которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека. Также динамика изменений, происходящих в сознании элиты, в значительной степени обусловлена сменой культурных парадигм, что имеет место при переходе от одной эпохи в развитии культуры к другой, а также эволюционными трансформациями этих парадигм внутри отдельных эпох. В то же время сами эти изменения и трансформации существенным образом обусловлены деятельностью представителей элиты.

Таким образом, прослеживается двоякая динамика: как элита генерирует нравственно-ценностные установки, которые в дальнейшем распространяются во внеэлитные слои, так и ценностные ориентации интегрируют элиту, составляют характерный для нее образ мыслей и образ действий, в соответствии с которыми определяются приоритеты, цели

и приемлемые средства их достижения. Более того, ценностные установки являются не только интеграционной составляющей, но и определяют характер воспроизводства и наследования элит. Именно они обуславливают стабильность круга элит, посредством поддержания должного уровня нравственно-ценностной атмосферы [см.: 4, с. 64–65].

Предметом культурологического осмысления элит является также: сплоченность (посредством рассмотренных нравственно-ценностных установок); осознание своих групповых интересов; отсутствие четкой грани, разделяющей служебную деятельность и частную жизнь; развитая сеть неформальных коммуникаций, скрытых от сторонних наблюдателей и прозрачных для представителей элит. Последнее обстоятельство ярко выражено феноменом клуба элит. Данное явление, на наш взгляд, имеет много перспектив для исследования, так как (при всем многообразии трактовок элиты и критериев отнесения к ней) является немаловажным критерием отнесения к элите того или иного субъекта общественного процесса. В последнее время в зарубежных и отечественных публикациях стало встречаться понятие «клубы элит» в значении неформальных ассоциаций влиятельных лиц, представителей деловых кругов, культурной элиты и т. д. Эти «клубы» отличаются закрытостью и фиксированным членством и выступают центрами взаимодействия близких по статусу людей: политиков, представителей бизнеса, деятелей культуры, искусства, науки. Известный российский элитолог О. В. Крыштановская при исследовании характеристик высокостатусных групп отмечает, что элита – это «внутренне гомогенная, сплоченная группа, обладающая самосознанием, которая вовсе не является объединением изолированных индивидов. Принадлежность к элите больше похожа на членство в эксклюзивном клубе, чем на формальную идентификацию себя с абстрактным классом» [7, с. 86]. Таким образом, клубы элит представляют собой определенные неформальные объединения-организации, имеющие статус клуба, устав, обязательное членство, распространяющееся на представителей элиты.

Для вступления в подобные элитарные клубы обязательно наличие приглашения и рекомендаций действующих членов сообщества. Это немаловажный фактор, свидетельствующий об их закрытости. Членство в том или ином клубе является четким показателем вхождения конкретного индивида в элиту, признаком его подтвержденного статуса. Человек

при соответствующем карьерном росте входит с течением времени в более и более уважаемые клубы.

Большое внимание вопросу изучения клубов элит уделил американский социолог Джордж Уильям Домхофф, который определяет принадлежность человека к элитным кругам по его членству в клубах. В качестве одного из критериев выступало членство как минимум в одном из трех клубов («New Haven Lawn Club», «New Haven Country Club», «Graduate Club»). Общение в подобных элитных клубах для представителей высшего класса достаточно важно, поскольку клубы усиливают социальную связь элиты, предоставляют приватную обстановку, в которой важные и имеющие последствия для общества вопросы могут быть рассмотрены неформально [см.: 10, с. 13]. При рассмотрении связей членов клубов элит Домхофф выявил, что многие из их членов являются руководителями крупнейших компаний, первыми лицами исследовательских центров, в том числе и членами клубов элит по всей стране. «Большая часть клубов элит ограничивается богатыми людьми и топ-менеджерами в компаниях, принадлежащих первым. Только немногие клубы, такие как “Century” в Нью-Йорке и “Tavern” в Бостоне, так же как и “Bohemian Club”, объединяют вместе писателей и артистов с банкирами и бизнесменами» [11].

В настоящее время в России (преимущественно в Санкт-Петербурге и Москве) насчитывается существенное количество клубов. Наиболее известными из них являются Санкт-Петербургский Английский Клуб и Ротари-клубы города, Международный Бриллиантовый клуб, Московский Международный Нефтяной клуб и другие. В состав клубов элит входят представители государственной власти, бизнеса, банковского сектора, деятели науки и культуры, журналисты. Как правило, они являются достаточно значимыми фигурами в своей сфере деятельности. Например в Английском Клубе непосредственно требуется успешность в деле, которым занимаешься; безупречная репутация; активность.

Подводя итоги, можно выдвинуть предположение, что современные российские клубы элит в целом являются, с одной стороны, консолидирующим элементом, а с другой – социализирующим элементом для современной элиты. Исследование клубов элиты, «понимание их сущности и социодинамических и педагогических механизмов организации клубного общения позволит более эффективно реализовывать функ-

ции социально-культурной деятельности как во внутренней среде клуба, так и во внешней – социуме» [8, с. 130]. Современные клубы элит являются неотъемлемой частью происходящих общественных процессов.

Изучение феномена клуба элит невозможно без обращения к опыту прошлого. Поэтому в структуру предмета культурологии при исследовании элит непременно должна входить история развития знаний об элитах. Изучение истории элит открывает культурологу неограниченные возможности познания их глубинных основ, чего не может дать политическая трактовка элит, основанная на констатации сложившейся действительности. В центре истории развития элит находится исследование ее законов – законов функционирования системы элит, взаимодействия элементов этой системы, зависимостей между различными ее компонентами, наконец, законов развития этой системы, перехода ее с одного уровня на качественно другой. В идеале целостная система культуры направлена, с одной стороны, на сохранение и воспроизводство собственного традиционного ценностно-нормативного ядра, а с другой – на создание лучших представителей, которые войдут в состав элиты и станут доминирующими субъектами культурных процессов.

Исследователи отмечают, что современная правящая элита России отличается от предыдущей советской многими важными качествами: генезисом, моделями рекрутирования, социально-профессиональным составом, внутренней организацией, политической ментальностью, характером отношений с обществом, уровнем реформаторского потенциала [см.: 5, с. 289].

Существенные периоды преобразований, с которыми столкнулась Россия в конце XX – начале XXI века требуют от исследователей качественно нового осмысления складывающейся действительности. Ряд исследовательских проблем, в частности, анализ трансформирующихся социальных структур, социальных институтов (видоизменение оставшихся от предыдущей общественной системы и возникновение новых), а также проблема роли элиты в обществе – все это является предметом особого исследования культурологии, поскольку в переходные исторические эпохи элиты, от которых во многом зависит формирование экономики, политики, культуры и др., становятся главным действующим лицом в жизни социума.

Литература

1. Ашин Г. К. Курс истории элитологии: учеб. пособие. М., 2003. 302 с.
2. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. 488 с.
3. Дука А. В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // Полития. 2003. № 2. С. 126–149.
4. Дука А. В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 1. С. 50–70.
5. Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: учеб. пособие. М., 2004. 397 с.
6. Краткий словарь по социологии / под ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. М., 1989. 479 с.
7. Крыштыновская О. Анатомия российской элиты. М., 2005. 384 с.
8. Секретова Л. В. Элитарные клубы, постановка проблемы исследования // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2003. № 3. С. 126–130.
9. Хоруженко К. М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов н/Д, 1997. 640 с.
10. Domhoff G. W. The Bohemian Grove and Other Retreats: a study in ruling-class cohesiveness. New York: Harper Colophon Books, 1975. 116 p.
11. Domhoff G.W. Social Cohesion & the Bohemian Grove. The Power Elite at Summer Camp. [Электронный ресурс]. URL: http://sociology.ucsc.edu/whorulesamerica/power/bohemian_grove.html.

Н. Д. Бибикова

СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

В связи с ухудшением экологической обстановки во всех регионах мира особое значение приобрела проблема воспитания экологической культуры у населения. На протяжении всей истории в обществе не было сформировано элементарных представлений о рациональном природопользовании, и лишь в последние десятилетия в кругах мирового научного сообщества все чаще звучит идея о необходимости воспитания экологической культуры.

Загрязнение воды, почвы, атмосферы, разрушение озонового слоя Земли, радиация – все это является следствием неразумной деятельности человека, его захватнического отношения к окружающей среде. Ухудше-

ние качества среды обитания человека ведет к снижению продолжительности жизни, увеличению заболеваемости, смертности и ухудшению генофонда населения, а также к образованию новых обширных по территории зон экологического неблагополучия и бедствия, росту социальной напряженности в результате неблагополучной экологической обстановки. Таким образом, границы экологии, которую все учебники определяют как исключительно биологическую науку, изучающую взаимодействие организмов и среды, значительно расширились, и существующие определения уже не соответствуют современным реалиям. Так, ученые-экологи с середины XX века из пассивных наблюдателей процессов, происходящих в природе, превращаются в активных экспериментаторов, которые пытаются найти способы спасения нашей планеты от экологического кризиса. Экология становится более практической, жизненно необходимой наукой в условиях послевоенного индустриального роста. С появлением «зеленых» партий происходит политизация экологии, она перестает быть наукой, которой занимается часть ученого сообщества, и становится достоянием общественности. И нельзя не отметить, что сейчас экология призвана не только вывести мир из экологического кризиса, но и разрешить социальные, экономические и культурологические проблемы современного общества.

В результате концентрации внимания общественности на решении экологических проблем возникла необходимость системного изменения отношения человека к окружающей его среде, а именно необходимость воспитания экологической культуры. Экологическая культура – это новое понятие для мирового сообщества, пока еще не нашедшее точного определения в научных кругах.

Наиболее общим и простым является определение этого понятия как способа «социоприродного развития общества, когда обеспечивается сохранение и по возможности улучшение окружающей природной среды» [2].

Распространенное определение дает Р. И. Пазова: экологическая культура, по ее мнению, это «интегративное качество личности, отражающее систему экологических знаний, ценностных ориентаций на природу, нравственно-эстетические чувства и экологическую деятельность». Таким образом, «понятие “экологическая культура” соединяет в себе знание основных законов природы; понимание необхо-

димости считаться с этими законами и руководствоваться ими во всякого рода индивидуальной и коллективной деятельности; стремление к оптимальности в процессе личного и производственного природопользования; выработку чувства ответственного отношения к природе, окружающей человека среде, здоровью людей» [6, с. 121].

В целом почти все исследователи выделяют такие черты экологической культуры: 1) она является частью общей культуры человека; 2) это понятие базируется на системе «человек-природа-общество»; 3) ее формирование влечет за собой улучшение качества окружающей природной среды.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать экологическую культуру как синтез трех элементов:

- 1) экологических знаний (интеллектуальный компонент);
- 2) экологического сознания и поведения в природе (ценностный компонент);
- 3) запаса практических умений и навыков в деле охраны природы (деятельностный компонент).

Эти три компонента – деятельностный, ценностный и интеллектуальный – определяют формирование экологической культуры [см.: 5, с. 108].

Особенно остро вопрос о воспитании экологической культуры у населения стоит в индустриальных регионах России, в частности в Кемеровской области, где природные ресурсы в течение долгого времени подвергались беспощадной эксплуатации в результате интенсивной разработки месторождений полезных ископаемых, неравномерного размещения крупных промышленных предприятий [1].

Непоправимые последствия для природы нашей области имела деятельность советского периода по освоению природных ресурсов. В это время Кузбасс рассматривался как сырьевая база для развития промышленности Урала. Многие решения в то время принимались людьми, не имевшими необходимого для этого образования и квалификации и не учитывавшими последствия своих решений. В результате уже в 1920–1930 годах XX века в Кузбассе сложилась неблагоприятная санитарно-гигиеническая обстановка. В годы Великой Отечественной войны экологическая ситуация обострилась еще и вследствие того, что

в Кузбассе работали эвакуированные анилино-красочный, химико-фармацевтический, электро-механический и другие заводы.

Таким образом, из-за интенсивного освоения природы в годы войны, послевоенный период, а также в 1960–1970 годы Кузбасс столкнулся с целым комплексом экологических проблем: загрязнением воды, воздуха вредными веществами, деградацией земель и лесов, и как следствие – ухудшением здоровья населения.

Сегодня Кузбасс – крупный территориально-производственный комплекс Российской Федерации с территорией 95,5 тыс. кв. км, с 21 городом, с численностью населения 2822 тыс. человек и плотностью – 29 чел./кв. м. (самая высокая плотность в Сибирском федеральном округе). Основные отрасли промышленности: горнодобывающая – добыча каменного угля (Кузнецкий угольный бассейн – концерн «Кузбассуголь», угольные компании «Кузнецкуголь», «Прокопьевскгидроуголь», АО «Кузбассразрезуголь», АО «Южный Кузбасс», АО «Севкузбассуголь»), железных, марганцевых и полиметаллических руд; черная (АО «Кузнецкий металлургический комбинат», АО «Западно-Сибирский металлургический комбинат», Кузнецкий завод ферросплавов) и цветная металлургия (Новокузнецкий алюминиевый завод, Беловский цинковый завод), химическая (минеральные удобрения, химические волокна, синтетические смолы и пластмассы – ПО «Азот», «Химволокно») и др. Высокая плотность населения и промышленных предприятий усугубляет экологические проблемы региона:

- уровень выбросов в атмосферу загрязняющих веществ промышленными предприятиями значительно превышает допустимые нормы, особенно это заметно в таких промышленных центрах, как Кемерово, Новокузнецк, Ленинск-Кузнецкий и др.;

- недостаточная обеспеченность водными ресурсами, в центральных районах области, большой объем загрязненных стоков сочетается с высоким уровнем изъятия вод;

- значительные объемы образования твердых промышленных и бытовых отходов (800 тыс. кв. км и 4,5 тыс. кв. км в год соответственно) в сочетании с отсутствием мощностей по их переработке – все это остается нерешенной проблемой [3].

С 1990-х годов общественность нашей области заговорила о необходимости заниматься экологическим образованием и воспитанием подрастающего поколения. Взаимодействие мировых тенденций и местных общественных инициатив привело к формированию трех направлений воспитания экологической культуры у населения Кузбасса: через специализированные общественные организации, через средства массовой информации и через экологические образовательные программы.

Основная нагрузка по воспитанию экологической культуры у населения по всем трем составным частям этого понятия приходится на общественные организации. В нашей области существует около двадцати общественных организаций (ИнЭкА, «Глубинная экология», «Защитим будущее», Эко-Пресс-Клуб в г. Новокузнецке, ДЮЭП, Союз экологов Кузбасса, Областная станция юных натуралистов в г. Кемерово и др.), ставящих своей целью воспитание экологической культуры у населения.

Старейшей организацией в сфере экологии по праву считается Областная станция юных натуралистов, основанная в 1957 году. В настоящее время станция ведет работу с детьми и учителями биологии по линии института усовершенствования учителей и организует эколого-массовые мероприятия.

Развивается обмен опытом по воспитанию экологической культуры с другими странами. Самой деятельной организацией в этом направлении является Региональная общественная организация «Информационное экологическое агентство» (ИнЭкА). Основной акцент в своей деятельности специалисты агентства делают на привлечении общественности к процессу принятия экологически значимых решений и регулированию сферы охраны окружающей среды в Кузбассе.

Так, в 2000 году ИнЭкА предложило проект разработки экологической политики Кузбасса. В качестве целей проекта были определены:

- разработка документа «Концепция экологической политики Кемеровской области. Взаимодействие власти, бизнеса и общественности»,
- привлечение широкой общественности к обсуждению экологических проблем Кузбасса,
- организация и проведение областной программы грантов «Поддержка общественных инициатив в сфере экологии».

Реализация этого проекта стала возможна благодаря помощи в поиске спонсора, оказанной Министерством международного развития правительства Великобритании. В процессе осуществления проекта было проведено одиннадцать межрегиональных конференций, семинаров с участием политических деятелей, бизнесменов и представителей общественности. В результате была разработана «Концепция экологической политики Кемеровской области», устанавливающая приоритеты природоохранной деятельности в регионе с учетом интересов всех секторов общества.

Новокузнецкая региональная общественная организация «Эко-Пресс-Клуб», созданная инициативной группой журналистов, занимается составлением карт загрязнения г. Новокузнецка и распространением их в СМИ.

С 2000 года действует Кемеровская региональная общественная организация «Детско-юношеский экологический парламент» (КРОО «ДЮЭП»), членами которой стали школьники, студенты, учителя сначала г. Кемерово, а потом и других городов Кузбасса. Основная цель организации – развитие гражданского самосознания, понимания собственной ответственности за состояние окружающей среды у подрастающего поколения. Члены этой организации пробуют себя в различных направлениях деятельности: от участия в акциях по уборке территории до обсуждения природоохранного законодательства и внесения поправок в законопроекты. На реализацию своих проектов по воспитанию экологической культуры у населения Кемеровской области ДЮЭП сумел привлечь средства Фонда Форда, Департамента международного развития правительства Великобритании, программы MATRA правительства Королевства Нидерландов и Агентства международного развития США в рамках Программы поддержки некоммерческого сектора.

Таким образом, неправительственные общественные организации нашей области занимаются экологическим воспитанием населения: они подключают подрастающее поколение и взрослых жителей нашей области к реализации проектов по созданию законодательной базы охраны природы, к творческим проектам, к практической деятельности через массовые акции.

Важную роль в воспитании экологической культуры играют специализированные средства массовой информации.

С 2001 года ежемесячно РОО «ИнЭкА» выпускает информационный журнал «Эко-бюллетень ИнЭкА», в котором анализируются законопроекты в сфере защиты окружающей среды, описывается опыт российских и иностранных организаций в решении экологических проблем, предлагаются различные конкурсы на экологическую тематику.

С 2000 года в сети Интернет начал свою работу Экологический сервер Кузбасса – <http://www.nvkz.kuzbass.net/ecology/>. Основная цель этого информационного ресурса – распространение экологического опыта и результатов деятельности природоохранных общественных организаций Кемеровской области в сети Интернет. Одной из приоритетных задач сервера является экологическое просвещение населения. Для реализации этой задачи на сервере размещается информация о состоянии окружающей среды по районам области, предоставлен доступ к экологическому атласу Кемеровской области.

И, наконец, следует отметить блок экологических образовательных программ, осуществляемых в школьных и дошкольных учреждениях нашей области. Как было отмечено в Рекомендации участников круглого стола Общественной палаты Кемеровской области на тему: «Межрегиональные проблемы экологического воспитания и образования учащихся» от 9 октября 2009 года, в Кузбассе реализуется более пятидесяти программ экологического образования учебного, оздоровительного, культурно-досугового характера, что позволяет воспитать подрастающее поколение «в духе экологического мышления» [см.: 4, с. 1].

Итак, процесс воспитания экологической культуры в нашей области протекает интенсивно. Важным фактором развития является то, что инициатива исходит от общественности, а не сверху, что облегчает внедрение экологических идей в массы. Направления деятельности общественных организаций очень разнообразны, что позволяет воздействовать на разные слои населения.

Между тем, существуют и препятствия на пути распространения экологической культуры среди населения.

Во-первых, весь процесс сконцентрирован на учащихся школьных учреждений и в небольшой степени затрагивает студенческую среду. В вузах области ведутся курсы по экологии, но их содержание сводится к биологическим процессам, описанию экологических проблем и предполагаемых способов их решения на глобальном уровне, то есть не учи-

тывается ценностный и практический компоненты экологической культуры, а также региональные особенности. Что касается работающего населения, экологические идеи до него практически не доводятся. Единственный путь воздействия на самосознание работающей части населения – это средства массовой информации, но специализированные экологические СМИ не имеют широкого распространения среди населения нашей области, а в популярных изданиях этим вопросам почти не уделяется внимания.

Во-вторых, в нашей области до сих пор отсутствует единая система воспитания экологической культуры, проекты носят единичный характер и базируются, главным образом, в гг. Кемерово и Новокузнецке, не охватывая другие города и сельское население.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что в нашей области экологическая культура должна играть важную роль в воспитании подрастающего поколения. В области действуют общественные организации в сфере защиты окружающей среды, реализовано множество экологических проектов, направленных против захватнического отношения к окружающей среде, в школах вводятся специализированные образовательные программы. Тем не менее, нельзя говорить об успешном распространении экологической культуры в нашем регионе, так как существуют значительные препятствия на пути этого процесса: охвачены не все территории и возрастные группы. На наш взгляд, первостепенной задачей в деле воспитания экологической культуры в данный момент является консолидация усилий общественности и государственных структур для преодоления этих трудностей.

Литература

1. Агеенко Г. К. Созидая не разрушай, или что мы оставим потомкам. Кемерово, 2004. 22 с.
2. Иванов В. Н., Латрушев В. И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления [Электронный ресурс] // Экономико-правовая библиотека. URL: <http://vuzlib.net/beta3/html/1/-4864/4889/> (дата обращения: 23.03.2010).
3. Косинский П. Д., Шабашев В. А. Экологические последствия региональной экономической политики и их влияние на качество жизни населения (на примере Кемеровской области) [Электронный ресурс] // Проблемы современной экономики. 2004. № 3 (19). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=21649> (дата обращения: 22.03.2010).

4. Межрегиональные проблемы экологического воспитания и образования учащихся: метод. рекомендации. Кемерово, 2009. 3 с.
5. Недюрмагомедов Д. Д. Формирование экологической культуры как цель экологического образования старшеклассников // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 51. С. 105–111.
6. Пазова Р. И. Психолого-педагогические подходы к понятию экологической культуры младших школьников [Электронный ресурс] // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. СПб., 2009. № 109. С. 120–125. URL: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/razova_109_p_120_125.pdf (дата обращения: 22.03.2010).

О. С. Красильникова

ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ, СПЕЦИФИКА

Энциклопедия «Культурология. XX век» следующим образом определяет национальный характер – устойчивые личностные особенности, характерные для членов той или иной этнической группы. Разные интерпретации «национального характера» объединяет общее понимание того, что у представителей той или иной культурной традиции есть такие общие личностные элементы и структуры, которые обеспечивают для всех них (или доминирующие у них) формы мировосприятия, поведения и мышления. Эта совокупность особых личностных и поведенческих качеств отличает одну этническую общность от другой [5, с. 73].

Это определение в отечественной культурологии появилось в конце 90-х годов XX века. До этого на страницах журнала «Советская этнография» в 1973 году проходила дискуссия по вопросу: имеет ли право на существование такое понятие, как «национальный характер» [3, с. 69–83]. Современная отечественная культурология положительно отвечает на этот вопрос. Тем не менее, проблема дефиниции национального характера остается открытой по причине сложности этого явления. Если национальный характер – это набор определенных характеристик, свойственных каждому человеку, принадлежащему к своей культуре, тогда как эти схематические групповые образцы соотносятся с индиви-

дуальным поведением? Возникает вопрос, возможны ли этнические стереотипы о среднестатистическом русском – гостеприимен, ленив, щедрая душа – распространять на каждого русского? Разве любой немец – сверхпунктуален, педантичен, подчинен порядку; и каждый ли американец – законопослушен, предприимчив и наивен?

Мы полагаем, что это одна из проблем изучения национального характера, которую можно сформулировать следующим образом: насколько существующие стереотипные представления о своей и чужой культурах соответствуют реальности.

Национальный характер – это всегда некое обобщенное, схематическое представление. Исследователю следует помнить об этом, чтобы не выносить категорических суждений о представителях разных культур.

Проблему соотношения общего и индивидуального в коллективном характере отмечали отечественные мыслители в конце XIX – начале XX века.

Впервые Г. Г. Шпет проанализировал термин «духовный уклад» народа, «коллективный характер» в работе «Введение в этническую психологию». Исследователь этнической психологии обращает внимание на то, что каждая социальная общность обладает свойственной только ей формой переживания окружающего мира, особой реакцией на события, которая проявляется в «характерных чертах поведения народа». Сопоставляя характер и коллективность, Г. Г. Шпет указывает на нечто общее, типичное в переживаниях, откликах на происходящее. Коллективное отношение к идеалам, идеям ярко проявляется в созданных самим народом ценностях, его оценках. Характерные черты поведения народа существуют постоянно и проявляются в его реакциях – это можно считать коллективным, народным характером. Элементами коллективного характера являются переживания, действия, присущие всей социальной общности. Коллективный характер предполагает переживания национальной принадлежности. Поэтому каждый коллектив, объединенный национально, по-своему переживает, воображает, любит, оценивает, ненавидит текущие события. Индивиды должны быть объединены общностью национальной идеи, субъективным осознанием принадлежности к своему народу [6].

Проблеме русского «национального характера» посвящены работы Н. А. Бердяева «Судьба России», «Душа России», «Русская идея». В от-

личие от произведений Г. Г. Шпета в работах Н. А. Бердяева отсутствуют четкие дефиниции этого явления. Он считает, что невозможно строго научно определить национальный характер, поскольку этот вопрос не эмпирический, а умопостигаемый, связанный с осмыслением образа своего народа. Н. А. Бердяев метафорично описывает национальный характер, одновременно с этим термином указывает на «народную душу», «национальный тип», «особый духовный склад». Между национальным характером и исторической судьбой государства существует внутренняя взаимосвязь.

С понятием национального характера связано и национальное самосознание, которое раскрывается в отношении нации к самой себе и другим, в представлении о ее достоинствах и недостатках. Осмысление национального выступает в форме национальной идеи, которая может быть осознана в размышлениях о исторической роли, своем призвании. Это определяет специфику национального типа. Важное значение в формировании национального характера имеет и географический фактор. Мыслитель полагает, что необъятность русских просторов обусловили устремленность в бесконечность. Он рассматривает национальный характер в тезисах об антиномичности, противоречивости русской истории. Противоречивым оказывается и русский национальный характер, «русская душа». Благодаря безграничности просторов в русской культуре появляется тип странника, не привязанного к миру мещанской рутины, ищущего правду Божию. Но обратной стороной безграничной свободы становится безграничное рабство. Для русской души самыми важными вопросами остаются «проклятые вопросы о смысле жизни» [1].

Мы проанализировали в работах Н. А. Бердяева его точку зрения на черты русского национального характера (беспечность, отсутствие инициативы, свободомыслие) и факторы, которые его формируют. На основании этого мы сформулировали, что национальный характер – это качества, присущие данной нации и возникшие под влиянием природных и исторических условий.

В. Ф. Эрн в письменной дискуссии выступил против перечисленных Н. А. Бердяевым противоречивых черт русского национального характера. Русская история, по его мнению, изобилует подвигами, подтверждающими мужественность, поэтому «неуместно говорить о вечно бабьем в русской душе». Он также указывает на антиномичность

русского бытия, которое выражается качественно по-иному. Это сочетание изобилия и нищеты. В. Ф. Эрн, в размышлениях об армии как органе, в котором сосредоточена народная энергия и народный характер, находит подтверждение мужественности, которая является определяющей чертой русского национального характера [7].

К проблеме национального характера обращался Н. О. Лосский в своей работе «Характер русского народа». Характер он определяет следующим образом: «это совокупность стойких свойств индивида, выражимых в системе отвлеченных понятий (добрый, отзывчивый и т. д.), которые составляют природу личности». Это определение невозможно применить автоматически к целому народу. Поскольку возникает противоречие о соотношении индивидуального и национального. Русскому национальному характеру свойственны: религиозность, искание абсолютного добра, широта натуры, склонность к анархии, нигилизм и хулиганство. Означает ли это, что эти черты должен обнаружить каждый русский человек? Разрешение подобного противоречия возможно благодаря позиции, обозначенной философом как «метафизика иерархического персонализма». Уникальность этого подхода объясняет возникающие противоречия между указанными чертами русского национального характера и примерами из жизни, истории, художественных произведений, которые эти же самые черты опровергают. Характер личности и характер народа не должны совпадать, а наоборот, оба явления – характер народа и характер личности – должны быть независимыми друг от друга. Согласно взглядам Н. О. Лосского, каждое общественное целое: нация, государство, национальный характер – есть личность высшего порядка, в основе которого находится душа, организующая его как общественное целое, а люди, входящие в этот организм, служат ему как целому органу. Следовательно, народный характер – это большой организм, наделенный собственной душой, а индивидуальный характер – его часть, которая может отличаться личностной неповторимостью. Общие свойства национального характера дают представления о том, какие черты чаще встречаются в среде данного народа [4].

Н. О. Лосский отмечал, что многие черты могут принадлежать не только русским. Например, религиозность в равной мере можно отнести как к русским, так и к испанцам. Религиозность испанцев связана с католичеством, а значит, их религиозность принципиально отличается

от русской. Характер народа может быть раскрыт как некая целостность только при исследовании его достоинств и недостатков. Представления об этом можно получить, анализируя произведения элитарной и народной культуры. Культурная элита беспощадно критикует русский народ, но в своих дневниках, переписке (Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин) наоборот, ярко описывает достоинства своего народа [4]. Заслуга Н. О. Лосского в том, что он, что кроме описательных характеристик, типичных черт русского национального характера предлагает и методы исследования этого сложного феномена. К методам он относит анализ художественной литературы, сравнительный анализ, который помогает понять суть изучаемого явления.

Современному исследователю стоит помнить, что национальный характер – это личность высшего порядка, следовательно, каждый тип национального характера неповторим, незаменим по своей ценности.

Итак, к теме русского национального характера в отечественной философии обращаются с XIX века. Особое рассмотрение этот вопрос получил в XX веке в связи с попытками осмысления национальной и культурной идентичности, анализа причин и последствий революции. Изучение национального характера обозначило следующие проблемы. Во-первых, это специфика самого понятия, которое, по образному выражению Г. Д. Гачева, «трудно уловимая материя»: ощущаешь, что он есть, но, как только пытаешься его определить, ловишь себя на мысли, что говоришь банальности. Во-вторых, это соотношение национального и индивидуального характера. Обозначенные проблемы позволяют продолжить изучение национального характера.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России // Судьба России. Самопознание. Ростов н/Д, 1997. С. 4–308.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. М., 2000. 400 с.
3. Козлов В. И., Шепелев Г. В. Национальный характер и проблемы его исследования // Советская этнография. 1973. № 2. С. 69–83.
4. Лосский Н. О. Характер русского народа. М., 2005. 336 с.
5. Николаев В. Н. Национального характера концепции // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб., 1998. С. 73–77.
6. Шпет Г. Г. Сочинения. СПб., 1996. 155 с.
7. Эрн В. Ф. Время славянофильствует // Сочинения. М., 1991. С. 175–195.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭСТЕТИКИ МОДЕРНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКЕ XX ВЕКА

К началу нового столетия различные аспекты эстетики периода модерн, привлекающие пристальное внимание критиков, хотя и нашли отражение в ряде монографий, диссертаций, научных и критических статей, но в положениях музыкальной эстетики еще не получили достаточного осмысления. Поэтому в настоящей статье предпринят подход к осмыслению общей картины развития отечественной музыкальной эстетики первой половины прошлого века. Считаем возможным соотнести эстетические оценки исследователей, адресованные наиболее значимым композиторам того времени и их сочинениям, опираясь на метод историографии. Предпринятый анализ позволит выделить и объяснить взаимосвязи идей в трудах исследователей, сделать обобщения и выводы по поводу возникновения новых тенденций в музыкальной эстетике данного периода. В дальнейшем это будет способствовать воссозданию целостной картины культурных и художественных особенностей стиля модерн в развитии отечественной музыкальной эстетики XX века. Подчеркнем, что автор в данной статье не ставил своей задачей полное освещение всех известных работ по указанной тематике. Были выбраны лишь те, которые, с его точки зрения, в наибольшей степени отражают основные аспекты исследуемой темы.

Напомним: состояние искусства к началу XX столетия неизменно воспринималось его критиками и современниками в контексте кризиса традиционных ценностных представлений. Кроме того, XX век знаменует собой существенный перелом в истории человека и в формах его культурной деятельности. Мы являемся свидетелями мозаичных, не укладывающихся в единую формулу художественных поисков. «Принципиальное отличие художественных процессов XX века состоит в том, что разнородные художественные течения развиваются не последовательно, а параллельно и при этом развиваются как равноправные. Все их многоголосие создает стереоскопический, всеобъемлющий собирательный портрет человека XX века» [4, с. 411]. Принципиально новое качество искусства начала XX столетия было подготовлено вполне объективными обстоятельствами. Отметим, что эпоха модерна, смело заявившая о себе

еще в конце XVII века, особенно ярко проявляется в начале XX столетия и продолжается по настоящее время [2]. Разрушение старой картины мира в эпоху Просвещения проявилось во всех областях культуры: сошлемся на опыты по расщеплению ядра, возникновение теории относительности, развитие психоанализа, интерес к бессознательной сфере человека и т. д. Небывалые изменения и поиски в искусстве следует связать и с напряженностью исторических событий начала XX века, имеется в виду революция в России и Первая мировая война. Но, несмотря на сложившуюся в историческом развитии страны ситуацию, повлиявшую в свою очередь и на культурный кризис, спустя почти столетие исследователи характеризуют период начала XX века и до 1940-х годов не только как целостный в своем развитии, но и во многом определяющий пути искусства всего XX столетия.

Новые формы культурного самосознания привели к смене художественного видения мира. Во всех видах искусства наблюдается вторжение «неклассических форм» творчества. Доминантой нового искусства выступило нечто расплывчатое и неуловимое. Например, в литературе возникают не рельефно очерченные персонажи, а некие иллюзии, фантомы. В живописи А. Н. Бенуа, В. Э. Борисов-Мусатов и другие представители «Мира искусства» активно экспериментируют в области света, композиции, не опираясь в своих работах на явную предметность. Глобальные изменения происходят и в музыкальном искусстве: каждое новое музыкальное произведение относительно предыдущего становится гораздо более новаторским, чем музыка всего XIX века по отношению к музыке всего XVIII. Таким образом, задача творца художественных произведений заключалась в следующем: найти замену старым приемам искусства, не адекватным духу времени и новому чувству жизни. В данном исследовании делается акцент на музыкальном искусстве, так как именно в музыке критики видят некую избранницу среди других искусств, которой более всего подвластно «неизмеримое», «непостижимое», «неизреченное».

Для выявления новейших тенденций и приемов в искусстве мы остановимся на творчестве крупнейших композиторов эпохи модерна, подробнее рассмотрев развитие музыкально-критической деятельности от начала XX века до 1940-х годов, анализируя труды ведущих исследователей Б. Асафьева и В. Каратыгина.

Известно, что вопросы специфики музыкального искусства привлекали внимание талантливого критика начала прошлого века В. Г. Каратыгина. Например, в статье «Элемент формы у Скрябина» исследователь отмечает, что уже в Первой (1900 год), Второй (1901 год) и Третьей (1904 год) симфониях Скрябина очевидны новейшие тенденции в области формы, гармонии и тембра, которые вполне отчетливо прослеживаются в двух последних симфонических произведениях композитора, в «Поэме экстаза» и «Поэме огня». Симфонии имеют сонатную форму, где части партитур посвящены кодам, а значение средних частей минимизируется. Тем самым композитор достигает ощущения одночастности и целостности музыкального построения. Такое стремление к формообразованию связано с самой идеей творчества Скрябина – сосредоточение всех душевных и мировых сил в одной точке Я, в конечном счете, объединяющей микрокосм и макрокосм в одно понятие Духа. Вероятно, в период хаоса и социальных потрясений стремление композитора в своих произведениях к объединению всех душевных сил, к созданию целостного, вечного не случайно, а закономерно.

Емко и многогранно В. Г. Каратыгин характеризует симфоническое творчество А. Скрябина в своей работе «Памяти Скрябина». Приведем цитату исследователя, подтверждающую данное высказывание: «И искусство его, вводящее нас в сферу нового звукового созерцания, где нет тональностей, и нет трезвучий, и нет закругленной мелодики, ни четкой ритмики, но есть причудливые многозвучия из высших призвуков натурального ряда тонов, и есть темы, похожие то на крики и вопли, то на молитвенные возгласы и громовые проклятия, и есть поразительная упругость внутреннего пульса каждой фразы и сплошная текучая волна подъемов и падения экстатического пафоса, – это искусство есть подлинно революционное искусство...» [3, с. 223].

О появлении нового в образной сфере, в гармонии современных музыкальных произведений говорится в работах В. Каратыгина «Весна священная» (1914 год), «Достоевский и музыка» (1921 год) и т. д.

В статье «Весна священная» критик утверждает, что в основу сюжета балета положены обряды древних славян. Первобытность, стихийность быта доисторического славянства показана через сочетание резких самодовлеющих диссонансов с примитивными конструкциями из голых унисонов, кварт и квинт. Как констатирует В. Каратыгин, боль-

шую находчивость и логику проявляет И. Стравинский в области политональных созвучий. Так, например, педальный фон в «Весенних гаданиях» из «Весны священной» состоит из соединения трезвучий полутонном одно ниже другого. Кроме того, ученый дает историческое обоснование данному произведению, считая партитуру Стравинского одним из самых характерных и самых ярких порождений современного импрессионистского звукосозерцания и импрессионистской психологии творчества.

В исследовании «Достоевский и музыка» Каратыгин указывает на то, что музыка оперы С. Прокофьева «Игрок» (1915 год) построена на мелодиях и гармониях, далеко выходящих за грани употребительных даже в новейшей музыке. Кроме того, характеризуя оперу «Игрок», критик считает, что обращение композитора именно к творчеству Достоевского не случайно. Обращение в «Игроке» к религиозно-философской теме, также как и возвращение к язычеству в «Весне священной», говорит о том, что композиторы и вообще художники того времени уходили от реальной действительности в духовную сферу, сферу природной стихии, чтобы спастись от смертельной тоски торжествующей цивилизации и, возможно, наметить пути для будущего в культуре.

Обратимся еще к одному из крупнейших критиков того времени – Б. Асафьеву. В развитии русского музыкознания Б. Асафьев является продолжателем его лучших дореволюционных традиций.

Если рассматривать работы более раннего периода, то в таких статьях, как «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего» (1923 год) и «Стальной Скок» (1928 год) Б. Асафьев указывает на появление новых черт в области ритма, композиции, выявляет возникновение нового стиля. Ученый считает, что композиционную технику «Шута» можно уподобить технике наборной мозаики. В «Стальном Скоке», в эпизоде «Фабрика», показано последовательное вращательное движение машины, музыка «Молотов» – это мужественный гимн рабочей энергии. Эти эпизоды выражаются в кованных ритмах, в упругих интонациях, в музыкальных приливах и отливах, подобных дыханию гигантских мехов. Асафьев считает, что вся музыка «Стального Скока» симфонично-театральна, она отображает новую идею индустриализации нашей страны. Это музыкальный, художественно-реалистический, конструк-

тивный стиль, без тени стремления к натуралистическому подобию, но с постоянным активным ощущением живой действительности.

Большое количество работ Б. Асафьев посвящает исследованию в области формообразования. Так, в статьях «Любовь к трем апельсинам» (1926 год) и «К 25-летию музыкальной деятельности С. С. Прокофьева» (1934 год), которая также посвящена характеристике данной оперы, Асафьев считает, что это произведение абсолютно новаторское в области формообразования. Беря в основу что-то вроде сказки, Прокофьев пользуется ею не ради сказочности как таковой, а как материалом для конструктивной спайки. Чтобы сочетать частью комедийные, частью сказочно-театральные элементы в целостном живом действии, Прокофьев выбрал новый метод воздействия – темп и динамику, подобные кино. Таким образом, в театральном творчестве С. Прокофьева отразился весь динамизм XX века, в котором утверждается идея прогресса, порожденная еще в эпоху Просвещения.

В более поздних работах Б. Асафьев обращается к творчеству Д. Шостаковича. В своих очерках «Опера» (1944 год), «Симфония» (1944 год), он говорит о том, что в оперном жанре появляются гротескная опера «Нос» и опера «Леди Макбет» с ее искаженным чувством любви. В «Леди Макбет», как считает Б. Асафьев, раскрывается сфера нового образа русской женщины, где от первого к четвертому акту этой оперы перед нами интенсивный рост женщины-личности через невольное преступление. Приведем цитату исследователя: «В “Леди Макбет” право женщин любить по личному выбору, как давняя тема русских опер, вырастает до высоты социального протеста против окружающего насилия благодаря ярко раскрытым героям насильнического мира, мира наживы, скарденности, тупости, садизма, издевательства над подневольными, мира взяток и сонной одури и скуки» [1, с. 217]. Таким образом, в операх Шостаковича чувствовалась тревога, напряжение, отражался весь ужас психологического состояния в душах мыслящих людей того времени.

В своем очерке «Симфония» (1944 год) Б. Асафьев отмечает, что, наряду с перечисленными новейшими тенденциями в музыкальном искусстве, в новаторских завоеваниях отечественного симфонизма возникает стремление динамизировать все части цикла, преодолеть длительность элегических раздумий, завоевать подступы к решению проблемы финалов как финалов. В условиях ускорения исторического процесса

появление динамизированных симфоний не случайно, приведем цитату исследователя, подтверждающую данную мысль: «В советских симфониях, под воздействием напряженнейшего тока жизни громадной страны за четверть века, каждая часть становится глашатаем новых форм жизни и чувствований» [5, с. 386].

Если подвести итог критической деятельности В. Каратыгина и Б. Асафьева, то можно отметить, что оба исследователя в своих трудах обращаются к крупнейшим композиторам XX века: А. Скрябину, И. Стравинскому, С. Прокофьеву, Д. Шостаковичу. Ученые рассматривают творчество композиторов на основе следующих жанров: фортепианная музыка, концерт, симфония, опера, балет. В исследованиях они выявляют новейшие тенденции в области ритма, тембра, композиции, стиля, формы, образной сферы и т. д. Подробно, с учетом малейших нюансов критики раскрывают в своих работах появление новейших тенденций в сфере средств музыкальной выразительности, говорят о возникновении новых идей и образов в музыкальных произведениях данного периода. Характерно, что исследователи рассматривают новейшие тенденции через призму исторических событий, в тесной связи с общественной и культурной жизнью этого времени. Также можно отметить, что оба исследователя, обращаясь в своих трудах к крупнейшим композиторам XX века: А. Скрябину, И. Стравинскому, С. Прокофьеву, Д. Шостаковичу, считают их не только новаторами в области музыкального языка, но еще и деятелями, которые шагнули далеко вперед за пределы своего времени, указав тем самым дальнейшие пути развития, как для музыкальной эстетики, так и для культуры России в целом.

Следует сделать вывод, что к началу прошлого века в отечественной музыкальной критике появляются не только рецензии, но и статьи теоретического, исторического содержания, очерки по эстетике, то есть специальная музыкальная пресса оформляется в особую сферу. На основе предреволюционной прессы развивается дальнейшее отечественное музыкознание. Своеобразной вершиной музыкально-исследовательской мысли первой половины XX столетия являются труды Б. В. Асафьева и В. Г. Каратыгина, которые в своих работах обобщают всю деятельность критиков этого времени. Они не только анализируют музыкальные произведения, рассматривая их через призму историзма, социологии, культурологии, но и дают обоснование этим явлениям в своих трудах.

В заключение необходимо констатировать следующее. Отечественная музыкально-критическая мысль первой половины XX века в условиях глубочайшего кризиса культуры, творческого брожения сумела выделить самое важное в музыкальном искусстве и дать ему оценку. Исследователи в своих трудах поддержали новаторские устремления ведущих композиторов данного времени, выявив и обобщив через призму культурно-исторического контекста эпохи новейшие тенденции развития музыкальной эстетики в области стиля, направлений, средств музыкальной выразительности, в сфере музыкальных идей и образов. Поэтому первую половину XX века можно обозначить как один из важнейших этапов становления и развития музыкальной эстетики данного столетия. На основании вышесказанного важно сделать вывод, что творческие завоевания крупнейших композиторов этого периода во многом повлияли на эстетику модерна всего XX века.

Литература

1. Асафьев Б. В. Об опере: избранные статьи. Л., 1985. 344 с.
2. Бердяев Н. Смысл Истории. М., 1990. 162 с.
3. Каратыгин В. Г. Избранные статьи. М., 1965. 351 с.
4. Кривцун О. А. Эстетика. М., 1998. 430 с.
5. Орлова Е. М., Асафьев Б. В. Путь исследователя и публициста. М., 1964. 461 с.

А. И. Глушкова

РЕЦЕПТИВНАЯ ЭСТЕТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Постмодерн постулирует совершенно новую установку культурного сознания, порожденного эпохой конца целого тысячелетия, состоянием договаривания старого и тревожного предчувствия новых перемен. В предельно широком контексте постмодернизм понимается как вся сумма направлений и философских тенденций, связанных с ощущением завершенности целого этапа развития культуры. Постсовременные философско-мировоззренческие ориентации автора определяют прошлое, которое просвечивается сквозь настоящее, проповедуя идею культурного диалога прошлого и настоящего. Искусство, творимое самими людьми,

подвергается переосмыслению соответственно их представлениям о прекрасном, безобразном, эпатажирующем, абсурдном, возвышенном, комическом и т. д. Канал трансляции прошлого через настоящее в художественном восприятии культурного наследия именуется рецепцией. Рецепции в художественной культуре существовали всегда, но теоретическое осмысление эти вопросы получили в 70–80-е годы XX века, став объектом исследований в области рецептивной эстетики.

Понятие «рецепция» (от лат. *receptio* – принятие) в современном понимании встречается в разных значениях – от физиологического до астрологического, от теорий информационных систем до культурных форм. Большой энциклопедический словарь терминов и понятий дает следующее определение термина «рецепция»: «в физиологии рецепция – осуществляемое рецепторами восприятие энергии раздражителей и преобразование ее в нервное возбуждение» [4]. В толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова читаем об этом понятии: «Усвоение и приспособление данным обществом социологических и культурных форм, возникших в другой общественной среде. Рецепция римского права в странах Западной Европы» [4].

Культурологический словарь дает несколько иное толкование значения рецепции: «в широком смысле осознанное заимствование и освоение богатства чужой культуры в целях обогащения собственной. Таким образом, рецепция античности означает усвоение античной культуры, ценностей позднейшими обществами. Под рецепцией в узком смысле понимается использование системы римского права в некоторых европейских странах, особенно в Германии, начавшееся в XII веке и достигшее высшего подъема в XV–XVI веках...» [4].

В вопросе определения термина «рецепция» исследователи сходятся и расходятся во мнениях, но для настоящей работы существенным моментом является тот факт, что его значение присутствует во всех полидисциплинарных пространствах гуманитарного знания последних десятилетий. Семантика понятия «рецепция» связана с восприятием, заимствованием и приспособлением каких-либо общественно-социальных и культурных форм, возникших в другой стилистической среде, в другой исторический период. Стоит добавить, что в соответствии с мнениями литературоведов, «художественное восприятие имеет три временных плана: рецепция настоящего (непосредственно сиюминутное восприятие

изображенного на полотне, читаемого в данный момент), рецепция прошлого (непрерывное сравнение с уже прослушанным, виденным или прочитанным домысливанием событий, предшествующих изображений) и рецепция будущего (предвосхищение на основе проникновения в логику движения художественной мысли дальнейшего ее развития)» [1, с. 271]. Современный автор часто создает продукт художественного творчества на основе собственного осмысления информации об искусстве разных исторических эпох и под впечатлением образов, связанных с культурой того времени.

Поэтому актуальность настоящего исследования определяется тем фактом, что в художественной традиции постмодерна постулируется практика многомерности или плюрализма. Возникает необходимость коммуникативного художественного понимания идей эпохи постмодерна, которая содержит образы уходящих эпох, возникающие в процессе художественной интерпретации современного автора и восприятия реципиента.

Цель данного исследования – выявить значение рецептивной эстетики в художественной культуре постмодерна.

Подобные исследования заявили о себе в 1970–1980-х годах в трудах англоязычной традиции, закрепившейся под названием «рецептивная эстетика». Среди этих исследователей – представители Констанцской школы: Х. Р. Яусс, В. Изер, Г. Гримм, М. Риффатер, С. Фиш и другие, работы которых использовались в теории наук о коммуникации, в социологии литературы и искусства, философской герменевтике. Названные исследователи переосмысливали проблему авторства текста. На протяжении многих веков права текста казались незыблемыми по отношению к автору, в то время как проблема реципиента занимала весьма скромное место. Представители Констанцской школы выдвинули иной подход, который заключался «...в том, что значение сообщения ставится в зависимости от интерпретативных предпочтений реципиента, где даже наиболее простое сообщение, высказанное в процессе обыденного коммуникативного акта, опирается на восприятие интеллектуала нашего времени, и это восприятие некоторым образом детерминировано контекстом» [6].

Сформулированная на этом основании теория межкультурной коммуникации Ханса Роберта Яусса заключалась в том, что он попытал-

ся преодолеть разделение литературы и истории, исторического и литературного познания, добавив необходимость изучать современную для реципиента социальную ситуацию. «Произведение рассматривается как исторически открытое явление, ценность и смысл которого исторически подвижны, изменчивы и поддаются переосмыслению» [6]. Особо следует отметить, что и современные англоязычные исследователи рецепций пытаются развивать теорию Х. Р. Яусса, идею о рецепции как культурном диалоге прошлого и настоящего. Ввиду вышесказанного, в художественной культуре постмодерна рецепция Средневековья просвечивается через идеи религиозного. Композиторы-постмодернисты часто обращаются к религиозным сюжетам и темам, к каноническим текстам: Владимир Мартынов – в опере «Плач пророка Иеремии» (1992 г.) на либретто по материалам Гвидо Аретинского, Антон Висков – в опере «Мистерия по земной жизни пресвятой Богородицы девы Марии матери Господа нашего Иисуса Христа» (1997 г.), либретто по тексту Священного писания, Родион Щедрин – в Хоровой опере «Боярыня Морозова» (2006 год) на житийные первоисточники («Житие протопопа Аввакума» и «Житие боярыни Морозовой»).

Культура постмодерна, представляющая собой, прежде всего, отказ «...от понимания бытия как чего-то абсолютного и неизменного, действительность не есть данность, она формируется под воздействием человеческих желаний и поступков, подчас не мотивированных и непредсказуемых. Мысль при этом находится в постоянном становлении и движется в мире случая, игры, неопределенности. В таком процессе невозможен диктат логики и порядка» [5, с. 35]. В XX веке все труднее становится защитить представление о человеке как центре мироздания, как это было в периоды Возрождения, классицизма, романтизма. Поэтому иногда искусство постмодерна характеризуют как «постнаправленческое» (термин И. П. Никитиной) [см.: 3, с. 495]. Современное состояние искусства воспринимается как состояние хаоса, констатируется «смерть художественного основания Бога» (Ницше), «смерть автора» (Барт).

Прототипом разнообразных течений эпохи постмодерна выступает образ личной свободы. Прошлое как бы просвечивается в постмодернизме сквозь наслоившиеся стереотипы о нем. Акт творчества демонстрирует умение художника выйти за пределы себя, когда его душа проникает в мир запредельных сущностей. Художественная культура постмодерна

заимствует идеи, символы, образы, ценности, стереотипы ушедших эпох, вплетая и демонстрируя эклектическую мозаику познания, «по сути дела, постмодернизм обращается к готовому, прошлому, уже состоявшемуся с целью восполнить недостаток собственного содержания» [2]. Другими словами, современный художник не создает произведений искусства, а отбирает, комбинирует, переносит и размещает их на новом месте.

В культуре постмодерна актуализировались рецепции средневекового искусства. Они реконструируются в художественном мышлении в разных формах: в контексте восстановления религиозного сознания, в идеях, замыслах, сюжетах, образах, материале. Рецепции Средневековья в художественных текстах постмодерна появляются как психологический невроз: необходимо предостеречь человеческое сознание от процессов глобализации через механизм возврата в прошлое. «Особенность постмодернизма в том, что он является игрой особого, ранее не встречавшегося в искусстве типа и открыто заявляет о том, что представляет собой игру», – пишет И. Никитина [3, с. 525]. Игровое содержание представляет состояние нонсенса, в процессе хаотичного бессознательного блуждания мыслей автора.

Возврат автора к рецепции Средневековья если и носит смысловой характер, то подчас известный только ему; на деле это представляет процесс культурного диалога в со-творении текста. Эти сюжеты облачены в современные онтологические смыслы, наряду с имеющимися чертами средневекового канона. Однако в современном искусстве церковной традиции рецепции Средневековья не становятся диссонансом, а для художественного творчества светского направления они, подчас, встраиваются не совсем органично, их появление достаточно спонтанно и не имеет теоретического обоснования. Но, тем не менее, их присутствие необходимо констатировать и исследовать. Приведем несколько примеров из области современного музыкального театра: опера Владимира Пальчуна «Крещение Руси» на либретто «Повести временных лет», опера Виталия Лорионова «Иов страдающий» на либретто канонического текста Библии, балеты Валерия Кикты «Фрески святой Софии Киевской», «Владимир Креститель».

По мнению французского постмодернистского философа и социолога Ж. Бодрийяра, сущностью современной культуры является цитиро-

вание, симуляция, ре-апроприация. Постмодерн легко осваивает прошлое, только делает это таким образом, что прошлое оказывается составной частью существующих представлений о настоящем. Например: «постмодернистская картина может быть стилизованной “Венерой” Боттичелли (стиль Возрождения), греческим атлетом (стиль древнего искусства) и Микки-Маусом (поп-арт), собранными вместе на фоне какого-нибудь нереалистического пейзажа. Административное здание, построенное в постмодернистском духе, может представлять собой сочетание модернистских стекла и стали со средневековыми рыльцами водосточных труб в виде фантастических фигур и барочными завитушками» [3, с. 530].

Таким образом, культура современного общества не предполагает единых стандартов, ценностей, стилей, символов, языка, которые все равны и актуальны одинаково, ни один не лучше другого. «Современная социальная система окончательно утратила связь с прошлым, предпочитая жить в “вечном настоящем”...» [3, с. 531]. Именно поэтому ценность рецептивной эстетики в художественной культуре постмодерна обусловлена крайней ее значимостью. Для рецептивной эстетики не существует ушедших и возродившихся смыслов. Процесс разведения взаимодействующих культур во времени возможен только в сознании познающего субъекта.

Литература

1. Борев Ю. Б. Эстетика: учебник. М., 1988. 496 с.
2. Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]: Постмодернизм. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Постмодерн](http://ru.wikipedia.org/wiki/Постмодерн) (дата обращения: 08.03.2010).
3. Никитина И. П. Философия искусства: учеб. пособие. М., 2008. 560 с.
4. Русский гуманитарный университет – словари и справочники [Электронный ресурс]. URL: <http://www.i-u.ru/biblio/dict.aspxfind> (дата обращения: 08.03.2010).
5. Синельникова О. В. Принцип монтажа в инструментальной музыке Родиона Щедрина: монография. Кемерово, 2007. 291 с.
6. Энциклопедия постмодернизма [Электронный ресурс]: Постмодернизм. URL: <http://culture.niv.ru/doc/philosophy/encyclopedia-post-modern/533.htm>. (дата обращения: 08.03.2010).

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОССИИ

Герменевтика всегда была вплетена в живую ткань социальной и культурной деятельности людей. В настоящее время происходят серьезные изменения практически в любой сфере: в науке, политике, коммуникативной деятельности и образовании. Действительность предъявляет теперь повышенные требования к коммуникативным навыкам и способностям современного человека, который должен приспособливаться к изменившимся ценностям, отношениям, способам общения. Как следствие, интерес к герменевтической проблематике вновь усиливается, поскольку в ее основе – движение к идеалам духовности на основе гуманистического миропонимания. Это, безусловно, способствует созданию новой ценностной системы общества – открытой, вариативной, духовно и культурно насыщенной, диалогичной, толерантной, собирающей воедино современные социально значимые ценности и установки и мировые многовековые традиции.

Несмотря на довольно длительную историю герменевтики как искусства толкования и интерпретации текстов, только в XX веке центральная категория герменевтики – понимание – становится основополагающей характеристикой человеческого бытия благодаря работам В. Дильтея, М. Хайдеггера, П. Рикера.

Если рассматривать герменевтику в процессе ее становления, то можно заметить, что основные ее положения получают бурное развитие тогда, когда для этого возникают определенные социальные условия, связанные с переоценкой ценностей и необходимостью сохранения традиции.

Первые значительные программы по теории понимания и толкования текстов были вызваны проникновением в античный мир христианской культуры, когда происходил интенсивный торговый, экономический, научно-философский обмен между Востоком и Западом, потребовавший развития переводческой деятельности. В эпоху Реформации возникает новый социальный запрос на герменевтику, связанный с задачами критики католицизма и обоснования нового религиозного движения. В начале XIX века, когда наука совершает значительный ска-

чок в своем развитии и стремится охватить области истории, психологии, языка и культуры, движение по расширению предмета герменевтики становится еще более интенсивным.

Во второй половине XIX века естественнонаучный идеал познания ощущает некую ограниченность. Дихотомия наук о природе и о духе, выдвинутая В. Дильтеем, требовала создания специфической методологии гуманитарного знания и выявления некоей общенаучной дисциплины, которой с этого времени становится герменевтика.

В конце XX века, когда велась речь об «антропологической катастрофе», смене культурных парадигм, герменевтика с ее категориями смысла, понимания, диалога вновь актуализируется и становится востребованной.

В современной России состояние духовной культуры представляет сложную, переломную картину в связи с изменением основ жизни общества. Возрастают и усложняются информационно-коммуникативные связи, меняются образ мира и место в нем человека. В такой ситуации требуется переосмысление жизненного опыта, как конкретной личности, так и всего общества, взаимное признание и понимание между различными культурами, этносами, социальными группами, установление надежных механизмов трансляции культурных ценностей. В последнее время все чаще поднимается вопрос о диалоге культур, когда происходит «познание иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу» [1]. В связи с этим активно используется методологический аппарат герменевтики, который весьма востребован в западной культуре мышления.

Интерес к герменевтической проблематике характерен и для современной российской гуманитарной мысли. В отечественной истории развития герменевтики происходит не только ассимиляция западноевропейской герменевтической традиции, но и накапливаются собственные разработки проблемы понимания. В наиболее концептуально и теоретически завершенном виде этот вопрос выделился в начале XX века и связан с именами А. Ф. Лосева, Г. Г. Шпета, М. М. Бахтина и др. Интенсивное развитие идей герменевтики в России конца XIX – первой половины XX века совпало с крупнейшими историческими событиями и определялось практическими потребностями людей. Мы полагаем, что анализ развития российской герменевтической проблематики поможет лучше

понять и определить варианты дальнейшего развития современной герменевтики.

У нас в стране изучение герменевтики началось в начале прошлого века – это традиция, идущая от Г. Шпета, которая прервалась, возобновившись лишь в научных изысканиях 1970–1980-х годов.

Основной герменевтический труд Шпета «Герменевтика и ее проблемы» был закончен в 1918 году. В то время под герменевтикой обычно понимали искусство постижения смысла текста. Оно представляло собой прежде всего совокупность психологических приемов проникновения во внутренний мир автора текста. Шпет полагал, что искусство постижения смысла текста (герменевтика) должно неизбежно включить в себя семиотические методы, логические и феноменологические приемы. Они направлены на постижение (изучение, исследование, но не схватывание, не вчувствование) объективного, внутреннего смысла текста. Все остальные моменты смысловой структуры текста, навеянные психологическими особенностями автора, историческими и социальными условиями, являются внешними факторами, они своеобразно влияют на смысл текста, безусловно, должны учитываться и включаться в исследования текстов [см.: 2]. Таким образом, исследование сосредоточено на проблеме специфики гуманитарного познания и разработке методологических стандартов для изучения гуманитарных наук.

В 1970-х годах рост интереса к герменевтике в России, как и в Европе, был вызван выходом в свет книги Ганса Георга Гадамера «Истина и метод». Одной из первых отечественных работ современного этапа исследований стала критическая статья Эвальда Ильенкова [3], повлиявшая на восприятие герменевтики как, прежде всего, «идеалистической философии» языка.

В 1974 году П. П. Гайденко в статье «Герменевтика и кризис буржуазной культурно-исторической традиции» обратилась к вопросу необходимости использования герменевтической методологии в связи с задачей интерпретации современной литературы. В частности, она указывает на тот факт, что современное произведение адресовано не непосредственно читателю, а нуждается в предварительной интерпретации специалиста-критика. Без нее оно, как правило, читателю непонятно [4]. Уже тогда П. П. Гайденко поднимает вопрос о диалоге культур и герменевтике, как о способе решить проблему понимания чужой культуры.

«Такой диалог ведется с сознанием того, что и внутри чужой культуры, и внутри своей мы имеем дело с истиной, а не с множеством истин и что диалог – путь к ней» [4, с. 165].

В современной отечественной философской литературе существует ряд статей, посвященных разным аспектам герменевтики и изучению ее понятийно-категориального аппарата. Проблема понимания как основная проблема герменевтики рассматривается у С. С. Гусева и Г. Л. Тульчинского в работе «Проблема понимания в философии». В частности, эти исследователи отметили, что сам термин «понимание» отсутствует в наших философских и литературных словарях. «Вопрос о природе понимания... почти не обсуждался в нашей научной литературе» [5].

Своеобразным подведением итогов этого первого этапа стал известный сборник «Герменевтика: история и современность», выпущенный издательством «Мысль» в 1985 году. В частности, там высказывается мысль, что герменевтика возникла вместе или вслед за появлением письменности и с тех пор имеет право на существование, «ибо проблема правильного или искажающего понимания и толкования письменных источников была всегда и остается в наше время актуальной для каждого грамотного человека» [6].

В первый период освоения герменевтики отечественной наукой она рассматривалась преимущественно как новая гуманитарная методология. В современных исследованиях большее внимание уделяется роли и значению традиции, соотношению герменевтических и других подходов к решению проблем современной философии, истории, культуры, литературы. В настоящее время существуют различные герменевтики – филологическая, поэтическая, герменевтика религиозного текста и др.

Филологическая герменевтика получила свое развитие в Тверском государственном университете на основе герменевтической школы под руководством профессора, доктора филологических наук Богина Георгия Исаевича. В этом же университете в 1997 году был основан электронный журнал «Герменевтика в России» («Hermeneutics in Russia»).

В Шуйском государственном педагогическом университете основателем научной школы «Герменевтика словесности и культуры» стал доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии Океанский Вячеслав Петрович. В 2008 году эта научная школа получила

финансовую поддержку Совета ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» на осуществление научно-исследовательского проекта «Антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры конца Нового времени».

В 2008 году в Воронежском государственном университете состоялся научный семинар «Герменевтика в России», на котором с докладами выступили ведущие исследователи герменевтических традиций из Москвы и Санкт-Петербурга.

Работа в области изучения этногерменевтики ведется в Кемеровском государственном университете под руководством доктора филологических наук, профессора Пименова Евгения Александровича.

Таким образом, можно отметить, что всестороннее изучение герменевтической проблематики является весьма актуальным для современных отечественных гуманитарных исследований и способствует межкультурной коммуникации и взаимопониманию культур.

В настоящее время очень важно обращение к герменевтике, которая предстает в современной культуре как одна из форм осмысления человеческого духовного опыта, как наука о порождении и понимании гуманитарных смыслов и ценностей. Герменевтика как «интерпретация сохранившихся в тексте остатков человеческой жизни» [7] ориентирована на то, что ученый (филолог, социолог или культуролог) должны вести диалог с текстами с целью получения ответов на вопросы жизни не от текстов, а от их интерпретаций. Это существенно облегчает раскрытие природы, функциональной и содержательной сущности межличностной коммуникации. Немаловажным фактором в неослабевающем интересе к герменевтике является то, что герменевтические традиции учитывают как субъективные качества участников коммуникации, так и влияние духовных традиций и культурного фона.

Литература

1. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: учеб. пособие. М., 2007. 286 с.
2. Кузнецов В. Г. Русская герменевтика, или прерванный полет (опыт интерпретации философии Густава Шпета): интернет-журнал «Ломоносов» [Электронный ресурс]. URL:<http://www.nature.web.ru> (дата обращения: 25.04.2010).

3. Ильенков Э. В. Гегель и герменевтика // Вопросы философии. 1974. № 8. С. 66–78.
4. Гайденок П. П. Герменевтика и кризис буржуазной культурно-исторической традиции // Вопросы литературы. 1977. № 5. С. 130–166.
5. Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии. М., 1985. 192 с.
6. Фогелер Я. Г. История возникновения и этапы эволюции философской герменевтики // Герменевтика: история и современность: сб. ст. М., 1985. С. 11–39.
7. Основные идеи философии Дильтея [Электронный ресурс]. URL:<http://www.filosof.historic.ru> (дата обращения: 20.10.2008).

Л. М. Губкина

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ДИАЛОГЕ ВЕРЫ, КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ

Истоки перемен в современном отечественном изобразительном искусстве, как и в русской культуре в целом, коренятся в глобальных общественных и мировоззренческих процессах, которыми отмечена вторая половина XX века. Схожая социокультурная ситуация сложилась в русской культуре на рубеже XIX–XX веков. Сегодня в прессе и на телевидении активно обсуждается послание президента, в котором расставлены новые акценты и приоритеты: модернизация российского общества, его либерализация и гуманизация, возвращение к фундаментальным духовным ценностям. Острота начавшейся дискуссии в том, что и деятели культуры, и служители Православной церкви, и политологи сходятся в одном: модернизация – это не IT и нано-технологии, не научно-технический прогресс, а качественное изменение самого человека. Вопрос: «Какое качественное изменение необходимо нашему обществу?» – вызывает самую живую дискуссию. Либо мы берем на вооружение западный вариант с его прагматизмом и любовью ко всему земному, материальному; либо возвращаемся к истокам, к идеям христианства как религии Бого-человеческой, остаемся верными себе, своей национальной особенности, но, при этом, не забываем о том, что в мире несовершенном

достоин существования только тот, кто совершенствуется. Если мы «считаем себя уже совершенными, то это есть безумие и богохульство и отречение от образа и подобия Божией бесконечности в человеке» [2, с. 576]. В человеке должна «жить и разгораться искра высшей божественной природы, поднимающей его над средою людской повседневности» [2, с. 604]. Действительные успехи достигаются внутренним прогрессом.

Невозможно рассматривать специфику русского искусства, русской культуры в целом вне эстетических, религиозных и социальных идей времени. Усложняющаяся социально-культурная жизнь России, будь это время централизации верховной власти в эпоху Ивана Грозного, время смуты или начало XIX, XX веков, а теперь и начало XXI века, с особой остротой ставит вопрос о взаимоотношении искусства и жизни. Рождаются новые идеалы, но главным, все-таки, остается вопрос ментальности, культурного сознания, позволяющего понять значение каждого периода и направление развития общества. В русском культурном менталитете исторически сложилась бинарность культуры (Запад – Восток), как парность (язычество и христианство) – результат раскола XVII века и петровских реформ. История России поражает бесконечной разорванностью и постоянством, с каким она возвращается к исходным позициям в своем развитии. Поиск согласованности между этическим и эстетическим длится постоянно. Красота – Любовь – Добро – основные составляющие идеи русской духовности [см.: 4, с. 120–121], имеющие свои корни в мистическом христианстве и византийском православии. В ситуации поиска основополагающих принципов национальной идеи сегодня оказалось и искусство, и этические принципы русского символизма становятся как никогда актуальными.

Символ – это одно из центральных понятий философии, эстетики, филологии, без символа невозможно построить теорию познания. Он имеет более чем двухтысячелетнюю историю осмысления, но целостного представления о нем до сих пор нет. Символисты определяли понятие «символ» как тот знак, который соединяет две реальности, два мира – земной и небесный, и связь эта устанавливается только чувствами, интуитивно, иррационально. Отец Павел Флоренский в «Иконостасе» так описывает внутреннюю диалектику символа: «Общий закон везде один: воспарив горé, в невидимое, душа опускается снова

к видимому, и тогда пред нею возникают уже символические образы мира невидимого. Да, жизнь нашей собственной души дает опорную точку для суждения об этой границе соприкосновения двух миров, ибо и в нас самих жизнь в видимом чередуется с жизнью в невидимом, и тем самым бывают времена, когда оба мира соприкасаются, и нами созерцается самое это прикосновение» [3, с. 162]. Символ – ознаменование, указание; он имеет душу и внутреннее развитие, он живет и перерождается. Исследуемые в своих исторических судьбах символы действительны сосредоточенным в них обаянием древнейшего богочувствования. «Символы – зарницы еще далекой и немой грозы, вести грядущего соединения взаимно ищущих полюсов единой силы, а мы беспомощны пред их целостным тайным смыслом» [3, с. 74]. Символизм – это, прежде всего, новаторское и прогрессивное течение, а символист – творец новой жизни и помощник в создании нового человека. Поэтому символизм был так актуален на рубеже XIX–XX веков, имея прочные корни у себя на родине, в России, потому что рубеж XIX–XX веков – время больших перемен в экономических, политических и социальных сферах и нарастающей неоднородности общества. По тем же причинам в начале XXI века этические принципы символизма становятся вновь актуальными:

- духовное наследование православной эстетики и этики, что наиболее полно выражено в философии рубежа XIX–XX веков;

- многие аспекты духовного постижения Бытия и Природы в русской культуре сформировались в эмоционально-чувственный образ в поэзии и живописи XIX века;

- вопреки распространяющимся идеям протестантизма и католицизма русский духовный менталитет глубоко укоренен в русской картине мира, в первую очередь, в поэтике живописи с её архетипами русского православного сознания;

- слово переходит в цвет, пластику, метафору, открывая следующие этапы развития. Русский художник актуализирует не форму, а «созерцание», ищет покоя и гармонии. Эмпирический образ пейзажа отражает не только метафизическое, но и глубоко православное мировоззрение. Отсюда такая насыщенность смыслами «незатейливых» мотивов, и самое важное в композиции пейзажного пространства – воссоединение верхней и нижней частей: неба и земли;

- русский художник, как бы ни стремился подчинить себя общественным идеалам времени, все равно остается выразителем религиозной христианской этики: отсутствие мистицизма, человеколюбие, стремление ко всемирности и всечеловечности, милосердию, состраданию;

- в личности Христа абсолютный идеал стал конкретной реальностью, а слово стало плотью;

- духовно-эстетическая идея требует нового языка, позволяющего в полной мере развернуть художественную палитру.

Обратившись к творческому наследию и сравнивая изобразительное искусство России и Запада, мы увидим, что на рациональном Западе всегда увлекала умы тема Человека, которая мыслилась каждым поколением по-своему. В русской живописи – одно человеколюбие, один Христов образ, своеобразие личности и дел Христа, идея Слова как воплощенного деяния: у Иванова жест выражает энергию Слова, а у Жерико – энергию действия. Не случайно в русской живописи по смыслу – образу совпадают такие жанры, как портрет, религиозная картина и пейзаж («Христос в пустыне» И. Крамского, «Оттепель» Ф. Васильева). Все три жанра сливаются в единый в философских картинах Михаила Нестерова. На первом плане – образ внутренней гармонии, душевной Красоты личности как отражения в человеке божественного лика.

Мистицизм, захвативший многие умы на Западе, не коснулся русской живописи. Классические установки академической школы исключали символизм немецкого толка. Созерцание, покой, раздумья – основа поэтики русского искусства – единство Природы и Человека, Души и Духа. Русский пейзаж есть глубоко укоренившаяся картина мира русского человека, ее «главное эстетическое воплощение в особой Поэтике Бытия» [4, с. 123]. С какой бы позиции мы ни изучали русскую живопись, главным остается вопрос ментальности, «осознание вечной ответственности перед Богом и основного закона – закона любви к ближнему» [4, с. 130]. Религиозно-философская идея проходит через всю русскую живопись, все ее жанры и особенно пейзаж. У Федора Васильева, Михаила Нестерова, Василия Поленова, Алексея Саврасова прослеживается «сопричастность к Тайнам Божественного мира через Природу, через Душу человека» [4, с. 131]. Школа Саврасова – Поленова сыграла важную роль в создании национального пейзажа.

Традиции этой школы продолжают развивать художники рубежа XX–XXI веков. Изменилась техника, появились новые материалы, расширились пластические возможности живописи, тем не менее, современные художники сохраняют верность этическим и эстетическим принципам русского символизма. Достаточно обратиться к творчеству сибирских художников, в чьих пейзажах звучит та же ностальгия по дороге, ведущей к храму, забытым православным символам, по мифотворчеству, – «живопись хочет фрески», художники хотят служения в творчестве (В. Иванов). Красноярские, новосибирские, алтайские, новокузнецкие и кемеровские мастера, молодые живописцы традиционными и современными художественными средствами заново осмысливают сакральное пространство реалистического русского пейзажа. В работах алтайцев Владимира Гречухина «Возвращение домой» (1998 год), Пиргельды Широва «Катунь» (2001 год), Алины Хайрулиновой «Свято-Георгиевский храм» (2002 год), Владимира Стволова «Просторы», «Малая Родина» (1999 год), «Зима. Сторож и солнце», «Журавли, курлыча, улетают» (2002 год); новокузнецчина Николая Ротко «Сенокосный день», «Тридцатая верста» (1998 год); кемеровчан Владимира Зевакина «Березовое сито» (1991 год), Николая Шемарова «Мартовский вечер» (1998 год) и Вольдемара Бурмакина «Загорск, первый снег» (2001 год), «Снег выпал в сентябре. Кемское» (2002 год), «Илимский городок. Байкал» (2003 год) – в этих пейзажах та же звонкая даль Нестерова и Поленова, одинокие силуэты храмов в окружении тонкоствольных берез, бескрайние просторы, где небо отражается в излучине реки. В каждом пейзаже – «пейзаж русской души» (Н. Бердяев), тоска по Граду Божьему. Есть работы сибирских авторов, наиболее близкие по сюжету и трактовке образов к русскому реалистическому символизму конца XIX века, – это «Июнь 1941 года» В. Бурмакина (1998 год), «Русь» В. Зевакина (2000 год), «Странник» П. Широва (2004 год), «Вечный сад» Александра Макеева (2006 год) – авторы возвращаются к синтезу пейзажа и религиозной символики, воскрешают национальные православные архетипы, возрождают утраченные византийские каноны.

«Языческий Рим пал потому, что его идея абсолютного, обожествленного государства была несовместима с открывшеюся в христианстве истиной – верховная государственная власть есть делегация абсолютной богочеловеческой власти Христовой... Византия пала потому, что, при-

няв на словах идею христианского царства, отказалась от нее на деле: языческую жизнь она покрывала внешним покровом христианских догматов и священнодействий. Византия погибла еще и потому, что не хотела совершенствоваться. Царства гибнут только от грехов собирательных – всенародных – и спасаются только исправлением всего общественного строя» [2, с. 562–564]. Истинная вера обязывает переменить правила жизни, своей и общей, согласно с духом веры, давая норму настоящей деятельности, и живет в будущем, радостно предваря наступление полного совершенства – не только духовной, но и материальной жизни. Исторический народ не может оставаться только народом, только одной из наций, – ему неизбежно перерасти самого себя, почувствовать себя больше, чем народом, уйти в интересы сверхнациональные, в жизнь всемирно-историческую [см.: 2, с. 604–605]. Век XXI может стать для нас веком осмысления и понимания собственного исторического пути, веком возрождения национального сознания и постижения русским народом православной этики, эстетических и этических принципов символизма.

Литература

1. Иванов В. О художнике // Родное и Вселенское. М., 1994. 427 с.
2. Соловьев В. С. Византия и Русь // Собр. соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 1. 735 с.
3. Флоренский П. А. Иконостас. М., 2007. 464 с.
4. Худоногова Е. Ю. Образ и мировоззрение в русском искусстве. Красноярск, 2004. 285 с.

Л. С. Алексеева

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Россия сегодня переживает один из сложных периодов своей истории, который характеризуется сменой ценностных ориентиров и общественных идеалов. Возможно, поэтому в последнее время, российская общественность все чаще высказывается о необходимости возрождения не только нравственного, но и духовного воспитания подрастающего поколения.

Существует несколько систем, в которых осуществляется воспитание подрастающего поколения – это семья, школа и Церковь. Ведущую позицию в воспитательном процессе занимают образовательные учреждения, так как большую часть своего времени ученик проводит в школе, где приобретаются не только знания, но и формируются духовные ценности. В последние годы Русская православная церковь стремится к сотрудничеству с образовательными учреждениями. Так, например, Святейший Патриарх Кирилл в минувшем 2009 году неоднократно выступал с докладами о необходимости сотрудничества институтов семьи, школы и Церкви, и только при таком сотрудничестве, как он считает, у нас «было бы совсем другое качество жизни и другое общество» [2]. Однако сегодня семья все больше утрачивает свою воспитательную функцию. Этим, пожалуй, можно объяснить стремление Церкви к сотрудничеству со школой. Сегодня духовенство, служители различных религиозных конфессий активно участвуют совместно с образовательными организациями, современными школами в обновлении и усилении духовной и нравственной составляющей российского образования. Это, естественно, вызывает различные оценки в разных слоях нашего общества, в частности и резко негативное отношение отдельных педагогов, работников образования. Однако здесь следует учитывать конституционный принцип свободы совести и вероисповедания. Конечно, встречи с духовенством не должны навязываться детям. С другой стороны, нет никаких ограничений для организации таких встреч во внеучебное время, если имеется желание учащихся и их родителей. Одежда или статус служителя культа не могут ограничивать для него возможности посещения школы как родителя школьника или его педагогическую работу в школе, если он имеет соответствующее светское образование. Что же касается вопросов духовно-нравственного воспитания, то здесь без взаимодействия, сотрудничества органов управления образования, образовательных учреждений с соответствующими религиозными конфессиями, их официальными представителями, служителями культа не обойтись.

Введение курса «Основы православной культуры» является одной из форм сотрудничества школы и Церкви [3]. В настоящее время работа по организации изучения истории и культуры религии ведется во многих областях Российской Федерации. Учитывая многоконфессиональность в стране, ведется параллельное изучение исторических и культурных ос-

нов религий, к которым принадлежит большая часть населения того или иного региона за счет регионального или школьного компонента, а при малом количестве желающих – за счет факультативных часов. Представим и кратко охарактеризуем регионы и их деятельность по ведению курса «Основы православной культуры»:

1. Калининградская область: на 2006/2007 учебный год преподавание предмета «Основы православной культуры» осуществлялось в 136 школах области (521 класс, что составляет более 10000 школьников).

2. Курская область: курс «Основы православной культуры» изучают в 780 школах области более 45 тысяч обучающихся, количество классов (со 2-го по 11-й) – 5233.

3. Костромская область: в школах области работает 51 религиозно-педагогический кружок. Все занятия ведутся с согласия детей и родителей вне рамок образовательных программ. Для старших классов преподаются религиозно-педагогические курсы: «Религии мира», «История мировых религий», «Мироведение», а также курсы религиозной культуры: «Основы православной культуры», «Основы православия» и т. п. Для учащихся младшего и среднего возраста разработаны и проводятся такие курсы, как «Знакомство с детской Библией», «Первоначальные сведения о православной культуре и морали», «Таинства и обряды Русской Церкви», «Художественная культура России», «Постижение духовно-нравственных традиций русского народа» (на примере духовных традиций Костромского края) и др.

4. Краснодарский край: в 2006/2007 учебном году курс «Основы православной культуры» изучался (в различных формах) в более чем 1300 общеобразовательных учебных заведениях. В настоящее время, помимо изучения данного предмета на уроках, в 88 общеобразовательных учреждениях области знакомство с культурой православия осуществляется через систему дополнительного образования детей, в кружках.

5. Псковская область: преподавание курса «Основы православной культуры» в Псковской области началось в 2001 году, данный курс изучается в 50 образовательных учреждениях в городах Пскове, Великие Луки и других в 17 районах области. Преподавание осуществляется с 1-го по 11-й классы. Для изучения исторических и культурных основ ведущих мировых религий выделяются учебные часы в рамках факуль-

татива «История мировых религий», курса «Русская национальная культура». В настоящее время в области, наряду с курсом «Основы православной культуры», изучаются такие близкие к нему по содержанию предметы, как «Православная культура России», «Основы православия», «Русская народная культура», «Основы православного мировоззрения», «Основы православной культуры и этики», «Твой духовный мир. Православный путь к сердцу», «Русь православная» и др.

6. Республика Калмыкия: изучение религии, религиозной культуры в республике ведется в рамках факультативных курсов по истории, обществоведению и мировой художественной культуре. Такого рода «составляющая» входит также в содержание предмета региональной компетенции «История и культура родного края». В школах в 8–11-х классах преподается религиоведческий курс «Основы буддизма».

7. Республика Карачаево-Черкесия: в 2003/2004 учебном году в республике проводился эксперимент по введению курса «История и культура традиционных религий народов Карачаево-Черкесии» в рамках регионального предмета «История и культура народов Карачаево-Черкесской Республики», который дал положительный результат. В настоящее время этот предмет ведется во всех средних общеобразовательных учреждениях республики в 10 и 11-х классах: это более 150 школ, 474 класса, почти 8 тысяч учащихся.

8. Ростовская область: вопросы изучения в школах области истории и культуры религий неоднократно рассматривались министерством образования Ростовской области. В 2002 году проведено социологическое исследование «Изучение образовательного запроса на преподавание религиоведческих дисциплин в общеобразовательных учреждениях Ростовской области». В результате сформировалось согласованное мнение о необходимости изучения традиционных религий, использовании их нравственно-духовного потенциала для воспитания толерантного сознания личности в условиях поликультурности и поликонфессиональности региона. Признано целесообразным изучение основ традиционных для России культуuroобразующих религий: православного христианства, ислама, иудаизма, буддизма – в форме самостоятельных курсов. В настоящее время в общеобразовательных учреждениях области изучаются как религиоведческие курсы («Религии мира»), так и курсы религиозной

культуры (в основном, православной), общий охват обучающихся составляет более 1700 человек.

9. Свердловская область: в области, наряду с предметом «Основы православной культуры», ведутся и такие курсы, как «Духовная жизнь России. XX век», «Основы православия», «Уроки добра», «Христианская мораль» и др.

10. Смоленская область: с 2003/2004 учебного года в базисный учебный план Смоленской области в качестве регионального компонента введен предмет «История православной культуры земли Смоленской». Основанием является Договор о сотрудничестве в сфере образовательной, социальной и культурно-просветительской деятельности между администрацией Смоленской области и Смоленско-Калининградской епархией Русской православной церкви, утвержденный распоряжением главы администрации Смоленской области и одобренный решением областного Народного собора. В настоящее время в более чем 500 школах (8-й класс) изучается курс «История православной культуры земли Смоленской», количество обучающихся составляет более 9 тысяч человек.

11. Ставропольский край: курс православной культуры в качестве факультатива введен в 10 % школ области (более 70). В 40 % школ изучают основы мировых религий. Религиоведческие курсы и курсы религиозной культуры учитывают возрастные особенности школьников. В ряде школ введены такие факультативы, как «История мировых религий», «История христианства», «История христианской культуры», «Духовная музыка и история русской православной церкви» и др. «Основы православной культуры» в крае изучают почти 4000 школьников.

12. Тюменская область: в школах юга Тюменской области изучается предмет «Основы духовно-нравственной культуры» в рамках национально-регионального компонента. Этот курс изучается как самостоятельный или интегрированный в разделе гуманитарно-эстетического цикла. В настоящее время большинство учащихся области знакомится с азами православной культуры в рамках учебного курса «Основы духовно-нравственной культуры», который включает, помимо прочего, региональный компонент.

13. Кемеровская область: в Кемеровской области с 2003 года проводится эксперимент по формированию единого образовательного пространства на этнокультурной (православной) основе, в котором 11 учре-

ждений дошкольного, общего и дополнительного образования имеют статус экспериментальных площадок и 10 учреждений – статус претендентов на участие в эксперименте. Основы православной культуры преподаются в школах Кемеровской области как собственно учебный предмет, как раздел в курсе МХК и как направление в курсе литературы и истории. В настоящее время в нашей области курс «Основы православной культуры» читается в 193 школах, охват учеников составляет 12 000 человек.

Как мы видим из вышеприведенных материалов, в России накоплен опыт взаимодействия Церкви и школы, с доминирующей ролью Русской православной церкви. Однако это не единственная форма совместной просветительской деятельности органов управления образования и религиозных организаций, которая ограничивается рамками уроков образовательных учреждений.

В последние годы сложились новые для современной России формы сотрудничества органов образовательных учреждений и религиозных организаций. Наиболее распространенными являются следующие формы:

1. Создание школ, классов на основе религиозной традиции

Организация отдельных классов и школ в России пока еще является новой тенденцией. На сегодняшний день не существует пакета нормативных документов, не до конца определен статус школы, есть вопросы, связанные со спецификой содержания образования. Но очевидно то, что в таких школах должны работать педагоги, хорошо знающие христианские традиции и являющиеся их компетентными носителями. Очевидно и то, что деятельность, основанная на традиции, в наибольшей степени связана со всем укладом жизни образовательного учреждения и семьи. В нашей области примерами создания таких школ являются Муниципальное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 79», г. Кемерово, Муниципальное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 17 им. Кирилла и Мефодия», г. Прокопьевск.

2. Проведение совместных конференций, семинаров, чтений, круглых столов

Совместное проведение семинаров, конференций, чтений органами управления образования, государственными и муниципальными образо-

вательными учреждениями и традиционными конфессиями становится традицией. За счет большого количества участников дискуссий возможно обсуждение наиболее актуальных вопросов. Прерогативой таких дискуссий является то, что компетентные участники сообща рассматривают вопросы образования, духовно-нравственного воспитания с различных точек зрения, а также изыскивают пути координации действий и результативных решений наиболее острых проблем.

3. Совместное проведение церковно-государственных праздников

Праздник служит объединяющим началом социально-культурной жизни общества, он является ее кульминацией, эмоциональным подкреплением «трудовых буден». Праздник необходим и детям, и взрослым. Государственно-церковные праздники, помимо прочего, позволяют обратиться к истории России, вспомнить ее лучшие традиции. Они несут большую смысловую нагрузку, «проявляют» те ценности, которые исповедуют наше государство и общество. Многие религиозные праздники, памятные даты (православные, мусульманские и др.) становятся неотъемлемой частью общественной жизни в регионах России, празднуются «всем миром». В том числе, с активным участием системы образования, образовательных учреждений в регионах.

4. Организация летнего отдыха

Наполненное, содержательное проведение школьных каникул – серьезная проблема для семьи и школы. Большую помощь в этом плане могут оказать и оказывают образовательным учреждениям религиозные организации. Так, в Кемеровской области при управлении Кемеровской и Новокузнецкой епархией действует штаб «Братство Православных следопытов». На протяжении нескольких лет руководителями (о. Сергием Семиковым и о. Евгением Сидориным) и активом братства организуются походы по области с обучающейся молодежью, в ходе которых ребята расширяют свой кругозор, как в светском, так и в духовном плане [5].

5. Краеведческая деятельность («духовное краеведение»)

Школьное краеведение – достаточно важная и распространенная форма привлечения учеников к научно-поисковой работе. Это неоднократно отмечается в научно-исследовательских публикациях, освещающих работу музеев образовательных учреждений. С недавнего времени

появилась новая форма школьного краеведения – духовное краеведение. Работа по краеведению опирается на духовную основу, которая связана с историей религии региона и т. п.

Нельзя не отметить деятельность Кемеровской области в данном направлении. Так, например, в городе Кемерово существует МОУ «СОШ № 79» (директор – Зайцева Татьяна Дмитриевна), основанная в 1997 году по просьбе верующих православных родителей и с благословения владыки Софрония, епископа Кемеровского и Новокузнецкого [4]. Целью православной школы является духовно-нравственное воспитание, а также формирование православного мировоззрения у подрастающего поколения на основе православной педагогики, участия в богослужениях Русской православной церкви. При школе действует музей «История православной культуры» (руководитель – Л. А. Еременко), актив которого ведет научно-поисковую работу, связанную с историей Русской православной церкви региона. На базе музея действуют постоянные выставки: «История православия в России», «История создания Кемеровской и Новокузнецкой епархии», «Быт и искусство русского народа» и т. д.; передвижные выставки: «Старинная рождественская игрушка», «Пасхальный благовест», «Старинная русская икона».

Следующая школа, на которую хотелось бы обратить внимание более подробно, – МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 17» г. Прокопьевска (директор – В. В. Холкин) [см.: 1, с. 8–24]. С 2001 года школа стала инновационной площадкой по духовно-нравственному воспитанию на базе Центра духовно-нравственного воспитания и образования Новокузнецкого института повышения квалификации. Данной школой разработана и проходит апробацию программа «Духовное возрождение», которая содержит следующие направления деятельности:

1. Православное краеведение, в котором предусматривается научно-исследовательская деятельность учащихся и педагогов;

2. В образовательной деятельности предусматривается ведение факультативов, связанных с основами православной культуры, историей религий и т. д.;

3. Просветительская деятельность включает в себя музыкальные абонементы, классные часы, способствующие расширению кругозора школьников.

Большую помощь в работе школы оказывает музей школы. Музей имеет историко-краеведческий профиль, экспозиции музея содержат в себе историю школы, историю святых Кирилла и Мефодия, историю православия Кузбасса. Музей предоставляет широкие возможности для использования экспонатов в учебно-воспитательном процессе – в ходе учебных, факультативных и внеурочных занятий. Несмотря на то что школьный музей существует всего 5 лет (основан 24 мая 2005 года), его деятельность известна не только на региональном уровне, но и на областном. Руководитель и актив музея, в который входят школьники с 5-го по 11-й классы, неоднократно выступали с представлением научных работ на конкурсах-смотре, семинарах, конференциях, на которых работы учеников высоко оценивались. Частыми гостями школы и музея им. Кирилла и Мефодия являются правящий архиерей Аристарх, епископ Кемеровский и Новокузнецкий, и многие другие священнослужители Русской православной церкви Кемеровской епархии.

Помимо научно-исследовательской работы с учениками, музей осуществляет краеведческие экскурсии по музеям и паломнические поездки по святым местам Кемеровской области. В ходе таких поездок у учеников воспитывается уважение и любовь к истории, обычаям и традициям русского народа. По мнению директора школы им. Кирилла и Мефодия Холкина Владимира Валерьевича, школы и музеи с православным уклоном просто необходимы для воспитания «здорового» общества [см.: 1, с. 51].

Как мы увидели из приведенных фактов, в современном российском обществе складывается устойчивая форма сотрудничества Церкви и школы. Она выражается в стремлении обеих сторон к активному взаимодействию при поддержке государства. Наблюдается тенденция к расширению этого сотрудничества. В этом процессе участвуют все традиционные конфессии: христианство, мусульманство и др. При этом доминирующую позицию занимает Русская православная церковь.

При сохранении данной тенденции в случае стабильного развития российского общества можно предполагать, что в ближайшем будущем произойдет принципиальное слияние образования и духовного формирования подрастающего поколения.

Литература

1. Гончарова Н. И. Школьный музей в системе экспериментальной работы. Прокопьевск, 2008. 53 с.
2. Кирилл (Гундяев) (Святейший Патриарх Кирилл). Мы должны действовать сегодня [Электронный ресурс]. URL: //http://www.verav.ru (дата обращения: 17.03.2010).
3. Петракова Т. И. Изучение истории и культуры религий: монография. М., 2008. 240 с.
4. Система духовно-нравственного воспитания и образования МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 79» г. Кемерово: [Электронный ресурс]. URL: //http://www.school79kemerovo.ru (дата обращения: 17.03.2010).
5. Сайт Кемеровской и Новокузнецкой епархии: www.novoletie.ru

Н. Н. Осипенко

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ – ИСПОЛНИТЕЛЬ»

В современной музыкальной науке и практике актуальна проблема комплексного анализа музыкального текста и музыкального творчества в широком социокультурном контексте и осмысление их социально-духовной, антропологической проблематики: философской, мировоззренческой, личностно-психологической, историко-культурной. Это отвечает природе и возможностям музыкальной науки как самостоятельного и специфического вида научной деятельности, направленной на духовную актуализацию и интерпретацию музыкально-художественных ценностей. Важными моментами такой интерпретации являются:

- стремление к адекватному художественному «переводу» с языка музыки на язык слова;
- прочувствованное изучение музыкального текста во всем многообразии его социокультурных связей – «тайны» его идейно-смыслового содержания;

– воссоздание целостности произведения как художественного мира в его духовной содержательности, конкретно-исторической обусловленности и всемирно-исторической значимости;

– выражение этой целостности с помощью оригинального и органичного «сплава» научных и художественных средств [см.: 4, с. 3].

В последней четверти прошлого века в отечественном музыковедении становится актуальным культурологический подход к музыке. В его основе лежит идея социально необходимой органической включенности искусства в культуру, его происхождения и бытия как специфического феномена культуры. «Музыка – часть культуры, вырастает из нее и, как вся культура в целом, служит человеку – выражает его потребности и цели, решает его проблемы, хранит его опыт, воплощает и развивает его сущностные силы, служит утверждению и самоосуществлению человека в мире» [4, с. 6]. Музыковеды и исполнители, искусствоведы и культурологи советского периода пытались найти верные ориентации, взглянуть на музыку с позиции общей картины мира и места человека и его музыкального искусства в нем.

В работах М. С. Кагана, П. С. Гуревича, Л. А. Закса, М. Л. Мугинштейна, В. В. Медушевского, Б. А. Каца, М. Г. Арановского, И. А. Барсовой кроме аспектно-аналитического знания обозначилось стремление к интеграции дисциплин, к комплексному подходу, системным исследованиям. Причиной считается логика современной ситуации. «Человек должен вернуть себе и своему взгляду на мир целостность. Логика интегративного познания требует одномоментного охвата совокупности музыки, культуры, природы, человека в качестве единого цельного предмета изучения» [4, с. 45–46]. Вопросы интерпретации и анализа музыкального текста актуализировали проблему взаимодействия «текст-исполнитель». Музыкальный текст изучается не только традиционными методами музыковедения, но и рассматривается во всем многообразии его социокультурных связей, духовной содержательности, конкретно-исторической обусловленности, всемирно-исторической значимости [см.: 4, с. 4]. Цель данной работы – попытка рассмотреть вышеозначенную проблему с помощью анализа художественного мышления исполнителя и культурных факторов формирования музыкального восприятия.

Нотный или музыкальный текст можно рассматривать как разновидность художественного текста с присущими ему закономерностями и

спецификой. Разбирая нотный текст, исполнитель исследует познавательные, коммуникативные, эмоционально-экспрессивные аспекты музыки, раскрывает авторский замысел и образное содержание музыкального произведения, вырабатывает свою концепцию исполнения. Художественное мышление проявляется наиболее ярко при озвучивании, анализе и запоминании музыки.

Важным элементом в этом звучащем слухо-мыслительном процессе является восприятие интонаций-значений, их переживание и осмысление, так как они выражают определенные понятия, эмоции, идеи. По Асафьеву, музыка – это «искусство интонируемого смысла» [1, с. 344], а интонация является смысловой единицей музыкальной выразительности и первоосновой музыкально-эстетического переживания.

В последней четверти XX века феномен музыкальной интонации активно изучается и исследуется в работах В. В. Медушевского, И. И. Земцовского, Е. А. Ручьевской, Р. А. Тельчаровой, В. Б. Носиной, Л. А. Закса. Определяя культуру как «мир реализованных ценностей» (Н. З. Чавчавадзе), музыковеды и историки культуры сочли возможным говорить о музыкальном интонировании как о «художественном способе образного моделирования, осмысления и коммуникации духовных ценностей действительности. Музыкальная интонация духовно-ценностна по своим культурным истокам: ее выделение, относительно самостоятельное существование и развитие обусловлены выделением и развитием духовно-ценностной стороны культуры» [4, с. 22]. Например, Б. В. Асафьев точно сформулировал характер содержания европейского хорального мелоса как «интонирование возвышенного этического строя мыслей и чувств общины, “коллективной души”» [1, с. 316–317]. Понадобилось многовековое развитие общества, культуры, самой музыки, чтобы на коллективной интонационной основе смогла рельефно обозначиться и утвердиться духовная и психофизиологическая индивидуальность интонаций. Релевантность биологической информации, ее актуализация в музыке обусловлена и опосредована культурой. Например, любовная лирика в операх В. А. Моцарта ярко отражает эротически окрашенную галантную чувствительность в дворянской европейской культуре конца XVIII века. В. В. Медушевский характеризует интонацию как способ «свернутого» синкретического существования многоаспектного биологического и социокультурного опыта человека [см.: 4, с. 18–19].

Социокультурное назначение и интонационная специфика музыки позволяют говорить о ней как об интонационной ткани культуры, интонационно-звуковой объективации и осуществлении ее смыслового напряжения и динамики. Таким образом, категория интонации может считаться не только смысловой единицей музыкальной выразительности и первоосновой переживания, но и музыкальным коррелятом (кодом) духовно-ценностной культуры. Б. В. Асафьев определил музыку как искусство интонируемого смысла задолго до появления аксиологического подхода в эстетике, но терминологически и по существу это определение совпадает с современными философскими, эстетическими и психологическими концепциями, схватывает единство культурно общего и музыкально-специфического [см.: 4, с. 23].

Осмысление интонаций порождает в восприятии исполнителя художественно-интонационный или музыкальный образ. Его ядром является художественная эмоция – сложный сплав эмоционального и мыслительного процессов в музыкальном восприятии. Здесь «эмоциональный и рациональный ряды сливаются в целостный феномен – музыкально-интонационную систему, основу которой составляет эмоция-мысль» [2, с. 8]. Л. С. Выготский называл такое явление в искусстве эмоциональным мышлением и доказывал, что оно подчиняется другим законам, отличающимся от законов обычного воображения и логически-дискурсивного мышления [см.: 3, с. 49]. Музыкальное мышление включает в себя отражение в сознании исполнителя музыкального образа, представляющего собой единство «эмоциональных и рациональных компонентов психики, но с неперменной доминантой переживания и на его основе» [4, с. 22]. В музыке «духовно-содержательное, ценностно-смысловое богатство человеческого мироотношения реализуется и открывается исполнителю как богатство смыслопереживательных духовно-душевных состояний. Это могут быть конкретные эмоции и обобщенные чувства, переживания мира и себя в нем, ровные, устойчивые чувствования и спонтанные аффекты, различные душевные движения. И все это – в силу культурно-исторических и индивидуально-психологических особенностей – различного смыслового наполнения, эмоциональной силы, темпоритма» [4, с. 23].

Музыкальный образ как особую ценностно-смысловую реальность нельзя понять полностью без знания и понимания культурно-смыслового

пространства, в контексте которого этот образ создавался композитором: системы ценностей эпохи создания, традиций исполнения, особенностей восприятия. В работе над текстом исполнителю необходимо изучать эти культурные контексты, формировать свой музыкальный тезаурус. Культурологическая специфика проблемы взаимодействия «текст-исполнитель» проявляется в содержательной взаимосвязи музыкального (или художественно-интонационного) образа и культуры.

Творческая индивидуальность музыканта выражается в интерпретации им музыки. Работа над текстом музыкального произведения – это сложный комплекс действий, связанный с художественным мышлением исполнителя, учетом эмоционально-смыслового фактора переживания и осмысления музыки и культурологической специфики категории интонации. Исполнителю необходимо осмыслить, понять, «раскодировать» текст музыкального произведения, постигнуть авторский замысел, выстроить свою интерпретацию. При этом процесс понимания реализуется в формах конкретного воображения и фантазии. В основе этого лежит «эстетическая реакция или художественная эмоция» (Л. С. Выготский), которую порождает сама структура исполняемой музыки, ее ладо-интонационная основа и другие комплексы – стереотипы интонационного смысла и средства музыкальной выразительности, применяемые композитором, выстраивающим текст музыки по закону художественного творчества с целью вызвать эмоциональный взрыв – сложное превращение чувств (катарсис) в психике воспринимающего [3]. При этом в сознании исполнителя происходит сложный процесс неразрывного взаимодействия эмоционального и рационального компонентов, выявляется и осмысливается содержание музыки, идет процесс «переплава» эмоции и мысли [2]. Разработка и изучение проблемы взаимодействия «исполнитель – текст» всегда актуальна и востребована в теории и практике музыкального исполнительства, в музыкальной педагогике, музыковедческих и искусствоведческих исследованиях. Тесная связь с культурой помогает, дополняет и конкретизирует решение этой проблемы.

Литература

1. Асафьев Б. В. Избранные труды: в 5 т. М., 1957. Т. 5. 385 с.
2. Бобровский В. П. Тематизм как фактор музыкального мышления: очерки: в 2 вып. М., 1989. Вып. 1. 268 с.

3. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1987. 344 с.
4. Музыка – культура – человек: сб. науч. тр. / отв. ред. М. Л. Мугинштейн. Свердловск, 1988. 208 с.

Т. Н. Самофеева

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО КАНОНА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

С 70-х годов XX века в искусстве, в том числе в музыке, появляются тенденции, связанные с возвратом канона, – неоканонические тенденции. Сейчас возрождается музыкальный церковный канон, архитектурный и, в большей мере, иконографический. Т. В. Чередниченко отмечает «поворот к неоканонической композиции, опирающейся на средневековую символику, на идеалы надличного, “надавторского” творчества» [7, с. 112]. И. Ф. Стравинский в произведениях «Священное песнопение» (1955 год), «Заупокойные песнопения» (1966 год) обозначает начало неоканонизма в музыке XX века. Позже к сакральному канону обращаются С. Губайдулина («Семь слов», «Страсти по Иоанну»), А. Шнитке (Реквием, «Стихи покаянные», Симфония № 2, Хоровой концерт на стихи Г. Нарекаци), А. Пярт (Te Deum, Stabat Mater, Берлинская месса), Р. Щедрин («Запечатленный ангел») и др. Отечественные композиторы последней трети XX – начала XXI века часто обращают внимание на жанры духовной музыки. Происходит настоящее возрождение жанров мессы, особенно заупокойной, Stabat Mater, православной литургии, хорового духовного концерта, духовной кантаты. Реквиемы писали А. Шнитке, С. Слонимский, Э. Денисов, А. Караманов, В. Сильвестров, В. Мартынов, В. Артемов, С. Беринский, Е. Фирсова и др. К жанру Stabat Mater обращались В. Мартынов, А. Караманов, М. Брунер, А. Пярт, Г. Дмитриев, М. Гагнидзе, Ю. Каспаров.

Причем, в творчестве российских композиторов наблюдается возросшая потребность жанров католической традиции, намного превышающая обращение к традиционным жанрам православной музыки. Вероятно, такая направленность связана с принципиальным отличием двух ветвей

христианства: в восточно-христианском (от Греции и Византии) искусстве типично воспроизведение первоначальной модели канона, а в католическом (от Рима) искусстве канон более свободен, он более открыт для проникновения нового.

Что стимулировало возникновение неоканонических тенденций в отечественной музыке? Во-первых, это массовое возрождение веры и церковной жизни, возможность открыто обращаться к религиозным жанрам. Внешним стимулом стала дата тысячелетия Крещения Руси. Во-вторых, авторское творчество на определенной стадии развития культуры в какой-то мере себя исчерпывает. Как и любое явление, композиторская музыка не может существовать долго как чисто авторский феномен без внешней подпитки – это интонационно-мелодические модели, на которые ориентировались композиторы в разные эпохи (григорианские мелодии, знаменный распев, фольклорные образцы и т. п.). В-третьих, композитор стремится восстановить утраченную мировую гармонию, а поиски её ведут в Средневековье. И композитор обращается к средневековому канону. Но в ситуации неоканонического направления современной музыки наиболее очевидной становится проблема сложного переплетения и соотношения религиозного и художественного канона в отдельно взятом музыкальном произведении, в творчестве конкретного композитора и его мировоззрении, наконец, в музыкальной и художественной культуре нашего времени в целом.

Актуальность заявленной темы обусловлена потребностью осмыслить это явление музыкальной культуры в рамках данного периода, которое мощно функционирует в практике музыкального творчества и исполнительства, но пока еще не получило отражения в исследованиях музыковедов, искусствоведов и культурологов.

Цель настоящей работы – проследить процессы взаимодействия религиозного и художественного канона в западноевропейском музыкальном искусстве в контексте художественной культуры, обозначить узловые точки их сплетения в музыкальных жанрах разных исторических эпох.

Канон – сложное проявление ценностных представлений социума в рамках художественной системы [см.: 2, с. 5], характерное для культового и фольклорного искусства. Проявляется канон в бесконечном

варьировании одной художественной идеи. Как структурным принципом, каноном пронизана вся система художественных образов.

В эпоху Средневековья искусство выполняло, главным образом, прикладную функцию. Величайшие представители Ренессанса привнесли эстетическое начало – образы должны быть ещё и красивыми. Искусствоведы отмечают положительную и отрицательную (сдерживающую) функции канона. С одной стороны, канон ставит границы. В профессиональной музыке Средневековья эта черта проявилась в невозможности выйти за рамки григорианского хорала, а художники Возрождения даже в рамках светского искусства не могли выйти за пределы религиозных сюжетов. Ориентация на систему музыкально-риторических фигур в музыке эпохи барокко – это тоже художественный канон, определяющий не только творческий процесс, но и психологию восприятия произведения музыкального искусства.

В XX столетии формируются свои художественные каноны, но они чрезвычайно разветвленны и множественны, что обусловлено полифоническим и полистилистическим типом современной культуры. В теории и практике различных стилевых направлений складывается система правил. Так, композитор, сочиняющий в рамках серийной или сериальной техники, вынужден придерживаться разработанных норм структурирования подобных композиций. Сторонники минимализма принимают правила репетитивной техники, а авторы сонорной музыки пользуются набором элементов этой звуковысотной системы (кластеров разного типа). С другой стороны, самые высокие взлеты всех культур древности и Средневековья относятся к каноническим искусствам.

Основанием духовной культуры европейцев явилось христианство. Музыка, организованная по законам религиозного канона, строилась на сакрально-вечных категориях [см.: 7, с. 137], на отношении человеческой природы и божественного миропорядка. Профессиональное искусство Средних веков полностью было подчинено церковным канонам. Монах, сочинявший мелодию, не считал себя композитором. Для передачи Божьей воли он создавал хорал по правилам, стараясь не отклониться от принятых норм. Одноголосная традиция пения в храме являлась символом единого Бога и единой Церкви. Культовое искусство воспринималось как божественная истина, а «нарушение его стереотипных правил

расценивалось как преступление перед богом, церковью и обществом», пишет К. М. Герасимова.

В средневековом обществе канону, который распространяется на разные сферы деятельности, придается более символический смысл конкретного неукоснительного правила [см.: 6, с. 3]. Канонизируются все области средневекового искусства. Религиозные каноны в эту эпоху определяют музыкальное мышление. Для средневекового мыслителя, по мнению Ю. М. Лотмана, «истина не в количественном накоплении, а в углублении (не надо читать много книг – много слов, – а вчитываться в одно слово, не накапливать новые знания, а толковать старые)» [4, с. 35]. Религиозные идеи проникли и в светскую музыку, привнося свои законы. Каноны современного искусства, сочетавшие светскую и религиозную традиции, усложнились по сравнению с древним искусством, вобрав духовный опыт разных религиозных систем. В то же время они стали более гибкими.

Линейная нотация, сменившая буквенную и невменную, ознаменовала конец анонимного творчества и начало эпохи композиторов¹, которые теперь смогли сочинять новую музыку, до того не существовавшую, а буквенная и невменная могли лишь фиксировать уже существующие модели [см.: 5, с. 239]. С появлением авторской традиции, когда композитор смог воплощать свои творческие замыслы, на первый план вышел индивидуальный стиль, а принципы работы композиторов все меньше и меньше связывались с каноном.

В XIII веке сложился стойкий художественный канон сочинения полимелодических разнотекстовых мотетов, который просуществовал почти три столетия. Такой мотет представлял собой ярусную композицию, сочетающую в разных голосах цитаты нескольких напевов с сохранением их собственных слов, которые могли быть на разных языках (латынь, старофранцузский). В семантике этого жанра очевидна тенденция к сохранению канона, поскольку один из голосов (тенор или мотетус) часто проводил григорианский хорал с текстом на латинском языке. В то же время невозможно игнорировать светское антиканоническое (индивидуальное) начало в средневековом мотете – наложение на тему григорианского напева мелодии (или мелодий) известных светских песен

---

¹ Первые композиторы появились в Европе в XV веке.

(виреле, шансон) на французском языке. Многоярусная вертикальная композиция мотета XIII–XIV веков явилась своего рода музыкальной метафорой Вселенной. Схожее явление наблюдалось в изобразительном искусстве: подобно голосам мотета, в одной плоскости картины сочетались несколько сюжетных повествований (средневековая книжная миниатюра, фрески Джотто, полотна Эль Греко).

В эпоху *Arg nova* (XIV век) композиторы Г. де Машо, Ф. де Витри продолжают сочинять полимелодические и разнотекстовые мотеты. У композиторов высокого Ренессанса – Ж. Дебре, О. Лассо, Д. Палестрины – только монотекстовые. На этом традиция подобного взаимодействия церковного и художественного канона прерывается, а вместе с ней уходит в прошлое и жанр мотета. В последующие эпохи истории музыкальной культуры наблюдается лишь точечная реконструкция этого жанра в творчестве отдельных композиторов, но совсем в иных композиционных решениях: С. Слонимский – «Симфонический мотет», С. Беринский – мотет «На 7.12.88» для смешанного хора.

В наиболее распространенной полифонической форме и технике сочинения церковной музыки эпохи Ренессанса – каноне – на первый план вышла тема произведения – пропоста. «Между этой темой и остальными голосами – респостами – устанавливались отношения подобно отношениям “Творца и творения”. Респосты, канонически или имитационно контрапунктировавшие с пропостой, как бы символизировали людей, индивидов, личностей, свободно вверивших свои судьбы и души Всевышнему. Контрапунктические голоса стали голосами человеческого мира, всего совершенного мироздания – образа и подобия Божьего ...Строгое письмо превратило музыку в эквивалент божественной онтологии», – пишет Т. В. Чередниченко [7, с. 35].

Эпоха Возрождения с ее мироощущением постепенно нарушает канонический тип мышления. Мастера Возрождения работали под влиянием античности, пытаясь найти в ней идеал гармоничного человека. В музыке ориентация на античность была не такой явной, как в других видах искусства. Наиболее отчетливо она выразилась в жанре мадригала, появившемся в XIV веке. В чем же выразилась ориентация на античные прообразы в мадригале? Именно мадригал – тот жанр музыкального искусства Возрождения, где наиболее ярко реализовались гуманистические основы ренессансного мировоззрения: признание человека самоценной

личностью в полнозвучной гармонии его духовного и душевного потенциала (например, линия «петраркизма» в итальянском мадригале, то есть воспевание неразделенного любовного чувства и образа возлюбленной, или поиски «взволнованного стиля», предвосхитившего рождение оперы в позднем мадригале К. Монтеверди). Отсюда – подчеркнутое внимание к выразительной стороне музыки и содержанию текста, детальное воплощение поэтического образа в музыкальном, тщательный отбор композиторами текстов по степени художественных достоинств и тяготение к воплощению поэтических произведений самых выдающихся поэтов своего времени (Ф. Петрарка, Т. Тассо, Микеланджело, Дж. Боккаччо), возрастание значимости символики и музыкальной риторики. В то же время произошло разделение церковных жанров на две ветви – культовую и концертную (месса и *Stabat Mater*). Мадригал, изначально сочетавший элементы религиозного и светского искусства, в XV веке более приблизился к религиозному.

У композиторов XV–XVI веков символические функции выполнял контрапункт, а в эпоху барокко в духовных концертах, ораториях и пассионах – генерал-бас. Духовные сочинения писались на библейский или евангельский текст, а так как он символичен, то мелодии должны были символизировать смысл слова [см.: 7, с. 54]. Символичность заключалась в музыкально-риторических фигурах. В оратории и кантате эпохи барокко за партиями сопрано и альты закрепились роль души и «Агнца Божьего». Проявлением канона является и символика числа: 3+1=Троица и Крест. Они давались на самых важных словах.

Эпоха барокко ознаменовалась доминированием светского искусства, уходом от канона. Весь мир стал театром, а музыка – искусством выражения и изложения. Библейские тексты лежали в основе оратории, возникшей в середине XVII века, и духовной кантаты. Взаимодействие религиозного и художественного канонов более усложнилось: добавилось наполнение канонических жанров барочной символикой – контрастами, драматизмом. Однако влияние религиозного мышления на светскую музыку было еще очень сильно.

Четкое разделение церковного и светского искусства произошло в эпоху классицизма. Акцент смещается на светские жанры, в которых остаются лишь следы религиозных канонов, ассоциации и скрытая программность в инструментальных произведениях.

Эпоха романтизма ознаменована негативным отношением к канону. До конца XIX века канон в искусствоведении рассматривался с негативной точки зрения как сдерживающий для развития искусства и мешающий самовыражению художника: не успевая за изменением художественного метода, он становился консервативной силой [см.: 1, с. 101]. Отец П. Флоренский придерживался другой точки зрения, считая, что канон не сковывает, а освобождает [см.: 3]. Ведь обращение к канону часто являлось вершиной творчества композиторов, и подтверждений тому множество в классико-романтической музыке. В эпоху романтизма пласт духовных жанров концертной ветви весьма узкий по сравнению с огромным количеством произведений светских: оратория «Семь слов Спасителя на кресте» Й. Гайдна, *Stabat Mater* Д. Перголези, Д. Верди, А. Дворжака, Реквиемы В. Моцарта и Д. Верди, Торжественная месса Л. Бетховена, Немецкий реквием И. Брамса и др. Но даже духовные сочинения романтиков на канонические тексты эмоционально насыщены ярким проявлением индивидуального стиля (Р. Шуберт – песенность в мессах, Д. Верди, Д. Россини – театральность в Реквиеме и *Stabat Mater*, Г. Форе – лирическая камерность и просветленный характер Реквиема без *Dies Irae*). Подобная индивидуализация канонических моделей была невозможна в эпохи Средневековья и Возрождения.

Религиозный и художественный каноны в западноевропейском искусстве взаимодействовали в разные эпохи по-разному. В период Средневековья явно преобладал религиозный канон, влияние которого в последующие эпохи уменьшалось. Музыкальная культура XIV века еще основана на каноне. С XVI века начинается интенсивный отход от канона, а явное разделение произошло в эпоху классицизма. Время их наибольшего взаимного влияния – эпоха Возрождения. В духовных концертных жанрах романтизма очень весома личная нота, еще более разделяющая религиозную и художественную составляющую канона. Яркое проявление индивидуального авторского стиля интенсивно влияет на обе линии канона. Однако религиозный канон во все эпохи истории художественной культуры оказывается более мощной стабилизирующей силой, сохраняющей выработанные веками нормы и правила, сдерживающей мощный поток авторского произвола. При этом религиозные образы и тексты всегда вдохновляли художников и композиторов на создание величайших шедевров мирового искусства. Эта стимулирующая сила рели-

гиозного канона оказалась очень востребованной в отечественной музыкальной культуре рубежа XX–XXI веков. Художественный канон предстает как более мобильный и изменчивый феномен: каждая эпоха, воспринимая достижения предшественников, вырабатывает свои жанры, формы, правила построения произведений искусства. Обращаясь к каноническим музыкальным жанрам, сформировавшимся в эпоху Средневековья и Возрождения (месса, литургия, *Stabat Mater*, мотет), отечественные композиторы реконструируют и художественные каноны, на которых базировались эти композиции.

Литература

1. Герасимова К. М. Тибетский канон пропорций // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: сб. ст. М., 1973. С. 90–102.
2. Лесовиченко А. М. Система музыкально-культурных канонов в европейской культуре: автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2004. 28 с.
3. Лепахин В. В. Каноничность иконы [Электронный ресурс] // Слово. Православный образовательный портал. URL: <http://www.portal-slovo.ru/> (дата обращения: 22.01.2010).
4. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 2000. 704 с.
5. Мартынов В. И. Конец времени композиторов. М., 2002. 296 с.
6. Муриан И. Ф. Введение // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: сб. ст. М., 1973. С. 3–5.
7. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры. Курс лекций для студентов-немузыкантов, а также для всех, кто интересуется музыкальным искусством. Долгопрудный, 1994. Вып. 2. 175 с.

О. С. Иванова

ПОЛИФОНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ С. ЭЙЗЕНШТЕЙНА

Проблема полифонической смыслообразующей структуры является одной из важнейших на современном этапе развития культуры и искусства. Принцип полифонии отражает саму суть картины и нового мышления человека XXI века. Вспомним классическое определение понятия «полифония»: вид многоголосия, основанный на одновременном

звучании двух и более мелодических линий или мелодических голосов. Этимология термина «контрапункт» (*punctum contra punctum* – нота против ноты) весьма многозначна. Основные значения термина таковы: 1) область учения о музыке; 2) склад многоголосия и само многоголосие; 3) композиция; 4) музыкальное произведение; 5) род искусства (*ars contrapuncti*). Термин «контрапункт», синоним термина «полифония», был введен в XIV веке. Понятие «полифония» появилось еще в эпоху античности. Термин «полифония» обозначает склад музыкальной фактуры, который противопоставляется гомофонии и аккордовому складу. Линейность музыкальной ткани, мелодическая выразительность всех голосов, преобладание постепенного движения (певучесть), функциональное равноправие голосов – главные принципы полифонического склада. Непрерывность движения является основой полифонической формы. В соотношении голосов полифонической фактуры соблюдается комплементарность, которая заключается в избегании совместных остановок (каденций) всех голосов, вуалировании регулярной метрической акцентности. Совместное действие названных принципов образует целостную систему полифонического мышления.

Именно в XX веке это понятие, перешагнув грань музыкального искусства, составило значимую для современных художников сторону содержания произведений. Феномен полифонии расширяет свои границы и вырывается из музыкальной сферы. Термин «полифония» применяется сейчас в исследовательской литературе, относящейся к разным наукам, искусствам, видам гуманитарной деятельности, начиная от эссе писателя с мировым именем и заканчивая беглыми заметками Т. Манна, В. Набокова, Д. Лихачева, А. Михайлова, Ю. Линника, М. Бахтина, В. Мейерхольда, В. Гаевского и других авторов. В XX веке понятия «полифония», «контрапункт», «фуга», «канон», сходные по своему содержанию, стали использоваться для анализа произведений других видов художественного творчества – театрального искусства, кинематографа, изобразительного искусства, литературы. Это является следствием художественного мышления человека XX века и полифонизации сознания. Эпохальный сдвиг, по мнению К. Ясперса, связан с формированием современного научного мышления и развитием техники, когда преобразование мира под воздействием науки стремительно ускоряется, оказывается «великим культурным кризисом эпохи крушения древнего мира» [цит. по: 3, с. 6].

Человеческая история XX века приобрела направленность единого, общепланетарного процесса, в который вовлечены все континенты, регионы, народы Земли и культура Новейшего времени. Отсюда множество контрастов. Историческая особенность XX века – это культурное многоязычие. Межкультурные взаимодействия уже возникали в прошлом. Они сопровождались значительными сдвигами в судьбах народов. Техническое совершенствование в XX веке способствует новой культурно-коммуникативной ситуации, которая обогащается все более совершенными возможностями передачи информации. Информационное поле приобрело большие размеры разнообразного и противоречивого характера и воздействует с каждым этносом и каждым человеком, трансформирует его индивидуальную психику, общественную психологию, состав культуры [см.: 3, с. 6–10].

Интеллектуальные возможности человека сделали шаг вперед в сторону поиска новых форм мышления, направленных на построение сложных развивающих структур из простых. Привилегия полифонической формы заключается в том, что за короткий промежуток времени можно высказать большое количество информации. Пространственное поле расширяется, а время в структуре сюжета сжимается, чем и достигается сильное эмоциональное воздействие на зрителя. Потребность современного человека к более сложным мыслительным процессам заставляет представителей художественной культуры, творцов произведений искусства вне музыки обратиться именно к форме полифонии как выразительному средству. Полифонические произведения – инвенция, fuga, ричеркар – являются наиболее сложными для музыкального исполнения. Чтобы их осмыслить, нужно затратить много сил и времени. Это требует концентрации внимания, сосредоточенности и высокого интеллектуального напряжения. То же самое свойственно формам полифонических композиций XX–начала XXI века в других видах художественного творчества. Кинематограф, театр, живопись, балет, литература, поэзия обогатились новыми способами выражения, которые у творцов и искусствоведов вызывают ассоциации с музыкальной полифонической логикой.

Крупнейший новатор кино С. Эйзенштейн анализирует в своих работах контрапунктический принцип строения художественного произведения, приводит множество примеров из других видов искусства в подтверждение и доказательство распространения в наше время этого явления. Проблемы композиции, полифонии, контрапункта занимали

С. Эйзенштейна не только по отношению к кино, но и применительно к другим видам искусства – когда он анализировал романы Достоевского (полифоническое строение которых было в те же годы раскрыто в классическом исследовании М. М. Бахтина), мизансцены Мейерхольда, старинные китайские пейзажи. Он рассматривает полифонический диалог также как средство «заражения» эмоциональным зарядом. В первую очередь параллель обнаруживается в синтетических искусствах. Например, живопись Восточной Азии, а именно произведения, принадлежащие кисти мастера Сессю, где одно сплетается с другим. Одна тема затухает и вводит в действие новую, глубоким аккордам мотива горного хребта вторят нежно растворяющиеся тона туманов, повисших над водными просторами, из которых вдали проступает лишь одинокий парус. Полнозвучно вступает мотив крутого берега, и в торжественные аккорды горных цепей игриво вплетается суэта людского муравейника. Снежные вершины проступают в глубине, чередуя резкие подъемы и быстрые спады, а великолепная каденция изображения дерева завершает многоголосное пение этой пейзажной поэмы [см.: 4, с. 268].

Основная линия развития художественной культуры, по С. Эйзенштейну, состоит в том, что в искусстве происходит «стремительное прогрессивное вознесение по линии высоких идейных ступеней сознания и одновременно же проникновение через строение формы в слои самого глубинного чувственного мышления» [1, с. 50]. С. Эйзенштейн ставит акцент на том, что в XX веке человечество сознательно возвращается, по спирали, к синкретизму восприятия шедевров творчества, основанному на нерасчлененности различных видов искусства, как это было в древние века. Такое восприятие было характерно для стадий культурного развития. За «ультрасовременными обличиями» Эйзенштейн старается найти далекие, очень глубокие истоки представлений.

С ускорением темпа жизни, с наступлением века высоких технологий и коммуникаций границы обособленных явлений и процессов размываются и не только вступают в простое взаимодействие, но и обретают взаимосвязь, единую природу. На каком же психологическом феномене базируется возможность равноправного сочетания звукозрительных элементов – элементов звукозрительной полифонии? Конечно, все на той же синэстетике – то есть на способности сводить воедино все разнообразные ощущения, передаваемые из разных областей органа-

ми чувств [см.: 4, с. 336]. Психологический акт восприятия и осмысления художественного произведения осуществляется одновременно и параллельно по множеству каналов связи, включая воспринимаемое произведение в контекст культурного, эстетического, эмоционального, жизненного опыта слушателя (зрителя, читателя). Искусство создает стиль эпохи. Существование одного стиля в искусстве XX века невозможно, а потому происходит неизбежное смешение стилей. Современная культура вбирает в себя множество разных стилей и культурных мотиваций.

С. Эйзенштейн употребляет музыкальный термин «фуга», анализируя монтажные структуры своих фильмов, детективные романы, китайские и японские пейзажи, японский театр но и кабуки, архитектурные фантазии Пиранези. Темпераментный бег прочерчивался бы линией устремлений и смены, контрбъемов, проломов арок и сводов его темниц, сплетающих свою линию бега с линией бега бесконечных лестниц, рассекающих линейной фугой и это нагромождение фуги пространственной, – пишет С. Эйзенштейн о формах Пиранези [см.: 4, с. 329]. Выражаясь бытовым языком, фуга – это разговор нескольких собеседников. Проведение темы в одном голосе и ощущение погони остальных голосов. Интересно отметить, что увлекательной оказывается охота с обоих концов. Если есть романтика охотника, то, как оказывается, есть и романтика удирающего от охотника. Если есть романтика преследования по изломам линии оставленного следа, то есть и романтика в том, чтобы прочерчивать подобные изломы и, удирая, замечать следы [см.: 4, с. 309]. Эти слова С. Эйзенштейна относятся к современному детективу, ведь этот жанр в литературе представляет большой интерес для многих писателей и читателей современности. Фуга и принцип полифонии стремятся к тому, чтобы дать наиболее полное выражение одному из главных и основных принципов, лежащих в основе явлений действительности вообще. Они стараются реализовать в произведении искусства принцип единства в многообразии, который пронизывает в природе не только явления одного и того же порядка, но и связывает между собой все многообразие явлений вообще [см.: 4, с. 319].

В заключение можно сказать о больших преимуществах формы полифонии, которая позволяет создать многоярусную емкую структуру и по своему воздействию на зрителя может быть очень результативной. Мышление человека современности способно воспринять эту многослойность, что является результатом эволюции сознания. Построение

произведения по законам полифонии требует высокой степени обобщения материала, свидетельствует о философском мировоззрении автора. XX век создает новое синкретическое искусство, опыт нового, рационального постижения действительности. В последних своих работах С. Эйзенштейн с присущим ему вниманием к глубоким связям разных сторон культуры писал, что в эпоху электронных счетных машин и управляемых по радио снарядов, совершающих полет в дальние сферы других небес, требуется искусство совершенно новых, невиданных средств и измерений, далеко идущих за пределы тех паллиативов, которыми на этом пути окажутся и традиционный театр, и традиционная скульптура, и традиционное кино. Надо готовить место в сознании к приходу небывалых новых тем, которые, помноженные на возможности новой техники, потребуют небывалой новой эстетики [см.: 4, с. 483].

Организация материала по законам фуги говорит о художнике как об авторе определенного уровня мышления и мироощущения. «Новое искусство ввиду крайней его усложненности требует от исполнителя и даже от зрителя чрезвычайных трудов, иногда сверхчеловеческих усилий. Чрезмерная чувственность, которая возникает в результате применения неслыханных доселе средств гармонии и оркестровки, порождает чрезмерное возбуждения нервной системы и вызывает экстравагантную экзальтацию, выходящую за пределы тех целей, которые должно себе ставить искусство. Эта музыка так возбуждает мозг, что способна вывести его из нормального равновесия» [4, с. 422]. Искусство есть один из методов и путей познания. И при этом такого, которое не столько истолковывает образ согласно нормам определенной стадии развития мышления, но и само конструирует образы согласно этим нормам мышления. В структуре этих образов закрепляются те представления, в которых выражается сам образ мышления.

Литература

1. Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР: учеб. пособие. М., 1976. 301 с.
2. Франтова Т. Полифония А. Шнитке и новые тенденции в музыке второй половины XX века: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004. 403 с.
3. Эйзенштейн С. Избранные произведения: в 6 т. М., 1964. Т. 2. 694 с.
4. Эйзенштейн С. Избранные произведения: в 6 т. М., 1964. Т. 3. 672 с.

**ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКИ РЕЛИГИОЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ
В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 50–80-х ГОДАХ XX ВЕКА**

Прежде уточним, что будем подразумевать под религиозным содержанием. В качестве рабочего определения предлагаем под религиозным содержанием понимать те музыкальные произведения (академические, эстрадные, театральные, хоровые), в которых сюжет связан с воплощением религиозной образности, религиозного обряда или его элемента.

XX век в истории России занимает особое место. Только в этом веке в стране сменилось три политических режима, что повлекло за собой и изменения в сознании общества. В конце века вслед за изменениями в общественном сознании оказались пересмотренными и онтологические представления о роли и месте культуры и искусства в обществе. Это привело к возникновению новой аналитической ситуации: ценность произведения определялась по иным критериям. Результатом изменившегося понимания роли личности творца в искусстве стало более пристальное внимание к духовно-смысловому контексту произведения. Совсем иначе это происходило в период провозглашенного атеизма, являвшегося государственной идеологией. Отечественная культура XX века – явление весьма неоднозначное. С одной стороны, это государственный заказ на доступность для восприятия и понимания советскими гражданами, что часто предполагает развлекательность. С другой – отечественные деятели искусства подарили мировой культуре большое количество шедевров, вошедших в мировой культурный фонд. Одним из видов такого искусства является музыка эпохи Советского Союза.

Как и все искусство того периода, музыка подразделялась на следующую государственному заказу и на музыку, наполненную экспериментальными приемами авангардизма и сохраняющую классические методы композиторства, в которой выражались мысли и чувства композиторов, их стремления и поиски. Одни музыкальные жанры получали широкое распространение, другие фактически были забыты, некоторые трансформировались в новые, происходил синтез жанров, начались

эксперименты с приемами полистилистики. На некоторые музыкальные направления был наложен государственный запрет. Одним из таких «запрещенных» жанров в отечественной музыкальной культуре прошлого века была музыка религиозного содержания, фактически перешедшая на уровень полуполюгального существования в связи с государственным запретом на религию в стране с 1918 года.

В то же время, функционирование музыки религиозного содержания в советский период, а именно в 1950–1980-е годы, было неоднозначным. Рассмотреть особенности и причины этого явления и есть наша цель.

Напомним, установление нового политического режима после революции повлекло за собой и установление новой государственной идеологии, особенность которой заключалась в стремлении «разрушить до основания» все ранее достигнутое в науке и культуре и создать новое, отвечающее требованиям нового времени, нового политического строя, новой идеологии. Одним из таких идеологических направлений стало нетерпимое отношение власти к религии. Религиозные течения, существовавшие на территории России, были названы «опиумом» народного сознания, а православие – оправданием монархии. Борьба с религией велась во всех формах: закрытие и уничтожение храмов, конфискация имущества, репрессии по отношению к священнослужителям. Беспощадно уничтожались памятники и культурные ценности, запрещалось творчество религиозных философов. Исполнение музыки религиозного содержания также запрещалось, в связи с чем огромный пласт музыкальной культуры России фактически оказался вычеркнутым из истории отечественной музыки. При этом студенты музыкальных учебных заведений все же изучали европейскую религиозную музыку. Преподаватели, имеющие немалый профессиональный опыт и самостоятельное мышление, стремились познакомить студентов и с наследием русской музыки, связанной с религией. Их не пугало, что подобная деятельность не одобрялась руководством, хотя политическая обстановка в стране породила практику всеобщего шпионажа и доносов. В качестве примера можно привести выдержки из документа ЦК КПСС, в котором обсуждается идейно-воспитательная работа в Московской консерватории им. П. И. Чайковского. Педагоги и студенты обвинялись: «в приверженности к формализму и экспериментам в музыке, увлечением историей

(а не прекрасной советской действительностью)», «...профессора Пейко и Голубев оказывают отрицательное влияние на идейное формирование студенчества. Они у себя на дому устраивают прослушивание эстетских произведений, ведут со студентами разговоры о праве на “творческие искания” (абстрактные)... Некоторые педагоги консерватории соблюдают религиозные обряды» [2, с. 310–311]. Не вызывает сомнений, что в таких условиях существования деятели культуры и искусства, прежде всего музыканты-педагоги, желавшие познакомить современников с наследием отечественной религиозной культуры, вынуждены были изыскивать новые способы популяризации духовной музыки. Так, например, «Всенощное бдение» С. Рахманинова на протяжении длительного периода в различных концертных залах исполнялось без слов, в качестве своеобразного «вокализа».

Есть множество других примеров, когда для сохранения уникального музыкального произведения и возможности его публичного исполнения изменялся первоначальный текст, имеющий религиозное содержание или являющийся негодным власти по идеологическим соображениям. Самый известный случай, когда опера М. Глинки «Жизнь за Царя» была подвергнута редакторской переработке, вследствие чего она приобрела не только новый текст, но и возможность исполняться на больших сценических площадках под названием «Иван Сусанин». Интересен также эпизод, связанный с выпуском в СССР грамзаписи «Всенощной» Рахманинова. Стремясь увеличить тираж пластинок, директор Всесоюзной студии грамзаписи фирмы «Мелодия» Б. Владимирский в 1969 году предпринял попытку в письменной форме обосновать необходимость выпуска дополнительного тиража записей «Всенощной». Приведем некоторые цитаты из письма Б. Владимирского секретарю ЦК КПСС Демичеву П. Н.: «Глубокоуважаемый Петр Нилович! Обращаюсь к Вам по поводу неправильного отношения к великому произведению русского музыкального искусства... По существу, произведение Рахманинова является величайшим творением русского хорового искусства... Чисто музыкальные его качества отмечены глубоко человеческими, благородными чувствами и не могут ни в коем случае вызывать какие-либо специфические религиозные эмоции... Рахманинов не был религиозным человеком. Его привлекала... возможность проявить свои силы в создании большого хорового полотна – русского реквиема» [см.: 2, с. 83–85].

Приведенные фрагменты письма наглядно демонстрируют, как стремились донести до широкой публики великую музыку не только композиторы, но люди других профессий. Однако данная попытка оказалась безрезультатной, так как в прошении было отказано, мотивировалось это «нецелесообразностью». А решение вопроса о выпуске дополнительного тиража записей «Всенощной» отложено на несколько последующих лет [см.: 2, с. 85–86].

Говоря о творческом гении С. Рахманинова, не стоит забывать, что он, как и все его предшественники и современники, являлся наследником традиций русской композиторской школы, основанной, прежде всего, на народной и религиозной музыке. При этом оба направления тесно взаимосвязаны, что обусловлено глубокими историческими корнями. Следует отметить, что вся русская композиторская школа в той или иной мере испытывала влияние народной и православной музыки, а точнее – певческих традиций. Эти традиции возникли еще в период христианизации Руси, на основе слияния двух музыкальных жанров: русской народной песни и религиозных песнопений, пришедших из Византии, – взаимовлияние которых на протяжении нескольких веков, в итоге, привело к возникновению специфического русского вокального стиля. Так элементы и специфические приемы народной песни стали неотъемлемой частью православных песнопений, а религиозные обряды и сопровождавшая их музыка укоренилась в народном быте. С приходом в XX веке нового мировоззрения, элементы религиозности фактически продолжали существовать в народной крестьянской музыке, в рамках фольклора. Профессиональная музыка, как сказано ранее, также находилась под влиянием русского вокального стиля – в виде цитат из народных песен или канонических песнопений. Необходимо сказать и о том, что первые русские композиторы были распевщиками или регентами церковных хоров. В дальнейшем композиторские приемы и стиль распространились и на сферу светской музыки. Многие композиторы XIX века (М. И. Глинка, М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский) были прекрасно знакомы со всеми нюансами русской православной музыки и применяли эти знания на практике в большинстве случаев в мелодике своих сочинений. Так, нередко в мелодической линии и сопровождающей ее гармонии можно услышать обиходный звукоряд, «колокольность», издавна ассоциирующуюся с торжественным колокольным пере-

звоном [см.: 6, с. 33–40]. Многие композиторы целенаправленно сочиняли не только музыку светских жанров, но и целые циклы песнопений на религиозные сюжеты, используя как канонический текст и драматургические принципы построения службы, так и мелодические и гармонические приемы, свойственные православной музыке.

В XX столетии многие не покинувшие Россию композиторы нашли способ передать ученикам свои знания о религиозных жанрах через их связь с фольклором. Знание знаменного письма особенно пригодилось отечественным композиторам, когда в 1950-х годах возникла «неофольклорная волна», давшая многим композиторам возможность проявить себя подлинными наследниками русской классической школы. Так, при более глубоком искусствоведческом анализе вместе с фольклорными элементами в их творчестве были обнаружены не только элементы народного мелоса, широко применявшегося для достижения эффекта наибольшей стилизации, но и элементы религиозного обряда. Он представлял в виде бытовой зарисовки, но специфика голосоведения и гармонизации в подобном фрагменте обнаруживала параллели, прежде всего с православной музыкой [см.: 6, с. 36–39]. Например, в «Курских песнях» Георгия Свиридова, наряду с интонационным воссозданием народной лирической песни, можно услышать и церковную монодию в качестве подголоска-сопровождения «народного» напева [3; 9].

Вслед за неофольклорной волной в 1960-х годах в русской музыкальной культуре возникло новое авангардное направление, пришедшее из-за рубежа. Отечественные композиторы начали осваивать приемы полистилистики. В их творчестве также появились произведения религиозной тематики, с использованием текстов на латыни и старославянском, либо авторских текстов, принадлежащих поэтам прошлых веков и современности. А. Шнитке, Э. Денисов, С. Губайдулина – «Московская тройка», наиболее известные композиторы, освоившие новые приемы композиторского письма. В их творчестве можно выделить ряд сочинений: «Стихи покаянные», «Шесть духовных песнопений» и «Концерт для хора на стихи Г. Нарекаци» А. Шнитке, «Свете тихий» Э. Денисова, фортепианный концерт «Introitus», скрипичный концерт «Offertorium» и концерт «Семь слов Христа Спасителя» С. Губайдулиной. К ним примыкает ряд более молодых композиторов: А. Эшпай, Ю. Буцко, Н. Каретников, Н. Сидельников, М. Колонтай, А. Рыбников и многие другие.

А также Н. Ведерников, Р. Щедрин и Г. Свиридов, создавшие ряд музыкальных произведений, затрагивающих духовную тематику. В творчестве всех перечисленных композиторов религиозная тема присутствует в том или ином виде: как сюжет, цитата, текст, драматургическая составляющая.

Новым и наиболее значимым моментом в истории отечественной культуры, и музыки в том числе, стало празднование тысячелетия Крещения Руси. Запрет с религиозной тематики был официально снят. Многие деятели искусства обратились к этой теме, в результате появилось большое количество произведений на религиозную тематику: Р. Щедрин «Стихира на тысячелетие Крещения Руси», А. Эшпай «6-я («Литургическая») симфония». Духовная музыка получила возможность исполняться на больших концертных сценах. Появилась возможность открыто анализировать и обсуждать музыкальные произведения советского периода, «шифрующие» религиозную составляющую: 4-я симфония А. Шнитке [1], «Солнце и поэт» из «Патетической оратории», «Маленький триптих» и концерт-вокализ «Памяти А. Юрлова» Г. Свиридова, 7-я симфония Д. Шостаковича [см.: 6, с. 37–38].

Подводя итоги, отметим, что отечественная музыка религиозного содержания в XX веке, ввиду исторических и культурных обстоятельств, не только не была утрачена, но и продолжила свое развитие благодаря композиторам и исполнителям, нашедшим новые средства для ретрансляции религиозной музыки как в нашей стране, так и во всем мире.

Литература

1. Бауэр С. Функции канонических песнопений в четвёртой симфонии А. Шнитке (к проблеме раскрытия авторского замысла) // Проблемы жанров в отечественной музыке: сб. трудов / отв. ред.-сост. А. Н. Спектор. М., 1998. Вып. 143. С. 136–160.
2. Богданова А. В. Музыка и власть: (Постсталинский период). М., 1995. 432 с.
3. Головинский Г. Композитор и фольклор. М., 1981. 279 с.
4. История отечественной музыки 2-й половины XX века / ред. Т. Н. Левая. СПб., 2005. 554 с.
5. Крылова А. Реквием Э. Денисова. К вопросу обновления старинных жанров // Проблемы жанров в отечественной музыке: сб. тр. / отв. ред.-сост. А. Н. Спектор. М., 1998. Вып. 143. С. 93–109.
6. Соловьёва П. А. Мусоргский, Шостакович, Свиридов: о церковных истоках гармонии русской музыки // Музыковедение. 2007. № 2. С. 33–40.

7. Сохор А. Большой художник современности // Советская музыка. 1975. № 12. С. 22–26.
8. Умнова И. Г. Христианские образы в произведениях отечественных композиторов на рубеже XX–XXI веков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Духовные основы славянской культуры: журнал теоретических и прикладных исследований. Кемерово, 2008. Вып. 7, ч. 1. С. 71–78.
9. Юденич Н. О фольклорных влияниях в гармонии советских композиторов (На материале творчества Н. Мясковского, С. Слонимского и Г. Свиридова) // Современность и фольклор. М., 1977. 384 с.

М. Г. Котляров

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В течение долгого времени культура русского города оставалась для фольклористической науки «закрытой». Литературоведение, история, этнография и краеведение претендовали на роль единственных наук, в исследовательское поле которых попадал городской фольклор. Первые записи текстов городского фольклора, в основном устно-поэтических жанров, осуществлялись непрофессионалами, фольклористическая наука относилась к городскому фольклору без должного внимания к его исследованию. Как отмечает А. С. Каргин, чтобы понять отношение к городской культуре «достаточно сопоставить количество и обстоятельность публикаций по проблемам городского и крестьянского фольклора... результаты сопоставления будут не в пользу первого» [6, с. 64]. Среди фундаментальных публикаций, посвященных исследованию традиционного фольклора, укажем труды XIX века – А. Афанасьева, Е. Барсова, Ф. Буслаева, А. Веселовского, П. Сахарова – и труды ученых XX века, таких как В. Виноградов, В. Пропп, П. Богатырев, Ю. М. Соколов, В. Чичеров, а трудов, в которых изучается городской фольклор, значительно меньше. Среди основных исследователей данного феномена назовем М. Громько, В. Селиванова, Е. З. Баранова. Все вышесказанное подтверждает тезис о том, что проблемам функционирования городской культуры посвящено немногочисленное количество работ. А полноцен-

ные научные исследования начинаются только в XX веке. Объяснение этому в том, что городской фольклор в глазах фольклористов ассоциируется лишь с рабочим фольклором, который в России формируется только в XIX–XX веках. И второе объяснение (на наш взгляд, главное), отмеченное А. С. Каргиным, состоит в том, что «вокруг городского фольклора сложился заговор умолчания, опирающийся на откровенные высказывания о несуществовании такого феномена» [6, с. 64]. Таким образом, изучение, осмысление, сбор городского фольклора до настоящего времени осуществляется не на должном уровне.

Как отмечает С. Ю. Неклюдов, «одними из первых исследователей данной темы следует назвать литературного критика и поэта-переводчика Е. Л. Недзельского, жившего в Чехословакии, и одесского пушкиниста, архивиста, библиографа В. В. Стратена. Они являются авторами обстоятельных статей, посвященных творчеству городской улицы времен революции и Гражданской войны» [7, с. 6].

В последние годы неоднократно поднимался вопрос о судьбе советского фольклора. На конференциях и семинарах отмечалось, что крестьянский фольклор – анахронизм, музейный экспонат, которому нет места в пролетарской культуре. Однако при этом и фольклор рабочих подвергся идеологической цензуре. Поэтому судить по дошедшим публикациям о его характере нужно весьма осторожно, ибо они не дают представления обо всей полноте картины. Упоминаний о фольклоре интеллигенции, студенчества, учащейся молодежи также катастрофически мало. Соответствующим был и подход к собиранию фольклора. При собирании народных песен предлагалось производить тщательный отбор, «отсеивать» всякого рода антихудожественные, псевдонародные песни. В раздел таковых, естественно, попадала основная масса фольклорных текстов городского происхождения [см.: 6, с. 65].

Немаловажное значение для нашей темы имеет описанная С. Ю. Неклюдовым культурологическая концепция московского искусствоведа В. Н. Прокофьева. «Речь идет о “третьей культуре”, дистанцированной как от культуры элитарной, так и от аутентичного сельского фольклора». По мнению С. Ю. Неклюдова, «В. Н. Прокофьев не рассматривает отдельно вербальный фольклор хотя и опирается на работы В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, он лишь отмечает, что “третья культура” есть и в литературе, и в театре, и в музыке; соответственно, существует

продукт города – “третья литература”, паралитература, средоточие которой – ремесленно-цеховая среда. Упоминается также “второй фольклор” или “постфольклор” – городской фольклор. Однако следует заметить, что достаточной четкости в этих дефинициях нет. Таким образом, в рамках “третьей культуры” у В. Н. Прокофьева сосуществуют и массовая культура, производимая профессионалами “для сбыта”, и фольклор как таковой, создаваемый самими носителями “для потребления”, то есть явления гетерогенные и гетероморфные. В силу этого концепция автора, чрезвычайно продуктивная для своего времени, сейчас уже нуждается в серьезных уточнениях» [7, с. 6].

Как отмечалось выше, специальные исследования по городскому фольклору появляются только в 80-е годы XX века. Среди наиболее значимых работ необходимо отметить труд А. Ф. Белоусова [1], работы Н. П. Копаневой, посвященные описанию новой народной баллады. Фольклористы начинают изучать жанровое разнообразие городского фольклора, появляются работы, посвященные анекдотам [2], городскому романсу [4; 5], современным балладам и т. д. Пожалуй, на первый план в исследовательское поле ученых попадает детский и подростковый фольклор [3]. Начинают исследоваться субкультуры. Как отмечает С. Ю. Неклюдов, «в середине 1990-х годов специальный номер, посвященный городскому фольклору, выпустил журнал “Живая старина” именно в нем для обозначения рассматриваемого предмета был предложен термин постфольклор» [7, с. 6].

Как оказалось, количество публикаций увеличивается, однако методики сбора городского фольклора, апробированной и соответствующей современным требованиям, пока нет. При отработке методики необходимо учитывать уже имеющиеся принципы сбора аутентичного фольклора и разрабатывать новые методы, учитывающие миропонимание современных информантов.

В современных условиях фольклористы вынуждены признать существование нового пласта культуры, не вписывающегося в устоявшиеся схемы традиционной фольклористики. Очевидным стало то, что в городе сформировалась своеобразная фольклорная культура, отличающаяся от аутентичной крестьянской традиции. В работах современных ученых-фольклористов мы находим тезис о том, что городская и деревенская фольклорная традиции имеют немало общего. Как известно,

в центре деревенской традиции лежит крестьянский фольклор, в центре городской – рабочий. Вокруг них, как вокруг своеобразных полюсов, разворачивается мозаичный по форме, но взаимно детерминированный по сути процесс фольклорной жизни других социальных групп [см.: 6, с. 66].

Городской фольклор определяется как собирательное понятие, включающее в себя различные жанровые явления, такие как творчество рабочих, студентов, учащихся, интеллигенции, мещан. Одно из последних определений городского фольклора, данное А. Ф. Некрыловой, гласит, что это фольклор, «созданный и исполняемый различными слоями городского населения, в том числе ремесленниками и рабочими, а также так называемыми городскими низами – лакеями, прачками, кухарками, извозчиками, мелкими чиновниками, разносчиками и т. п.» [см.: 6, с. 66].

Для российской фольклористики признание жанрового разнообразия городского фольклора имеет немаловажное значение для дальнейшего исследования данного феномена. Сегодня очевидно, что фольклор в «исторически» сложившемся определении пережил в последней четверти XX века сложный этап эволюции и вошел в современную культуру как города, так и деревни в трансформированном виде. Предположения ученых об отмирании явлений фольклора оказались неоправданными. Очевидно исчезновение традиционного крестьянского и рабочего фольклора. Однако фольклор продолжает развиваться в новых историко-культурных реалиях, он расслоился, изменилось социальное поле его функционирования.

Городской фольклор сегодня находится в стадии бурного развития, изменяя свой социальный статус. Происходит переориентация его на явления художественного порядка, превращение в форму искусства и организации культурной жизни народа.

В СССР фольклор активно пропагандировался через сценическую деятельность многочисленных государственных народных хоров. Однако общеизвестно, что сцена имеет свои законы и фольклор, вышедший на сцену, не может не подчиняться общим законам развития искусства, следовательно, принимает на себя его черты, теряя вместе с функцией и свои качества. А эти качества в свою очередь переходят в противоположность: зрелищность – во внешнюю нарядность, злободневность – в политическую и коммерческую конъюнктуру, облегченность для вос-

приятия – в выхолощенность. Фольклор начинает рассматриваться как товар, что не может не сказаться на его существовании [см.: 6, с. 68].

Попробуем кратко охарактеризовать наиболее популярные жанры городского фольклора. Пожалуй, первой на себя обращает внимание частушка, относимая многими исследователями как к деревенской, так и городской традиции. Как отмечает С. Ю. Неклюдов, «в ученой среде впечатление от нее было чрезвычайно сильным, причем голоса разделились на “обличителей” и “адвокатов”, по-разному объясняющих природу и генезис жанра: городская “порча”, проникшая в деревню, или, напротив, новый вид деревенской поэзии, трансформировавшийся в городских условиях» [7, с. 6]. Далее С. Ю. Неклюдов характеризует городской романс, приводя социологические данные (опрос информантов) по Тульской губернии, где «романсы составляли около половины всех зафиксированных текстов. К концу XX века их количество в народном репертуаре (в Тамбовской области, например) уже достигало 90 %, практически вытеснив традиционную народную лирику» [7, с. 6].

По мнению современного исследователя фольклора В. М. Щурова, в конце XIX – начале XX столетия происходит процесс деградации вкуса городских низов. Особую питательную почву для возникновения банального, пошлого репертуара составляло городское мещанство. Песни, возникшие в этой среде, отличаются вычурностью поэтического языка и штампованной безликостью музыки. «Общая неблагоприятная обстановка в годы революции 1917 года, разрухи, сталинских репрессий, войны, развала хозяйства создавала благоприятные условия для сохранения мещанского репертуара, песен нищей братии и городского дна. Эту потребность удовлетворяли концертирующие певицы народного профиля: Лидия Русланова, вышедшая из нищенской среды, Антонина Сметанкина и другие. Государственные народные хоры, следуя запросам широкой аудитории, включали в свои программы кабацкие песни. Поэтому собиратели фольклора встречаются сегодня с чрезвычайно широким распространением песен маловзыскательного, а часто просто дурного вкуса. Они составляют псевдонародный репертуар и представляют известный интерес для социологии, культурологии, но не для музыкальной фольклористики, призванной изучать законы народного искусства» [8].

Таким образом, мы видим, что городской фольклор в глазах исследователей – явление отрицательное, негативно влияющее на народное

творчество. Такое отношение к данному явлению замедлило процессы сбора и изучения, отодвинув их на последнюю четверть XX века, следовательно, безвозвратно ушли многие образцы городского фольклора.

Обратимся к городскому фольклору Кемеровской области и попробуем проследить его влияние на состояние народного творчества.

Песенная культура Кемеровской области обладает ярко выраженными региональными особенностями. Эти особенности проявляются в преобладании и особом развитии отдельных жанров городской песни. Они же проявляют себя в характере мелодии городских песен, особенностях интонирования, в глубоких традициях хорового и сольного пения. Жанр городской песни весьма распространен в Кемеровской области, наибольшее количество записей приходится на Новокузнецкий, Беловский, Мариинский, Крапивинский районы. На сегодня можно констатировать полное отсутствие традиционного фольклора, музыкальные жанры которого практически полностью утрачены. Однако такое положение вещей не является особенностью только Кемеровской области. Очаги традиционной культуры, еще десять лет назад существовавшие (белорусское Полесье, Южно-русская традиция), также практически полностью утрачены. По материалам научной лаборатории народной музыки КемГУКИ, на территории Кемеровской области фиксируются только жанры городского фольклора и неприуроченные лирические песни. И это, на наш взгляд, показательно, так как Кузбасс – индустриальный регион, с немногочисленным сельским населением, которое за последние годы уменьшилось. Городская культура – начало нового важного этапа развития музыкальной культуры в Кузбассе. По характеру поэтических образов и жанровым особенностям городские песни в Кемеровской области весьма разнообразны. Наибольшее распространение получили различные виды бытовой лирики – романсы и лирико-повествовательные песни, баллады о необычайных происшествиях, жестокие романсы.

Все изложенное позволяет, на наш взгляд, признать городской фольклор достоянием современного народного творчества, заслуживающим уважительного отношения к себе. Научному сообществу необходимо осознать, что степень сохранности и развития городского фольклора влияет не только на сам жанр, но и способствует благополучию других слоев фольклора и в целом народной бытовой культуры.

Литература

1. Белоусов А. Ф. Городской фольклор: лекции для студентов-заочников. Таллин, 1987. 156 с.
2. Белоусов А. Ф. Детский фольклор: лекции для студентов-заочников. Таллин, 1989. 120 с.
3. Белоусов А. Ф. Жанры словесного текста: анекдот: учеб. материал по теории литературы. Таллин, 1989. С. 152–159.
4. Блажес В. В. Традиционный рабочий фольклор в современном городе // Фольклор Урала. Свердловск, 1980. Вып. 5.
5. Борисов С. Б. Субкультура девичества: российская провинция 70–90 гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2002. 45 с.
6. Каргин А.С. Прагматика фольклористики. М, 2008. 384 с.
7. Неклюдов С. Ю. Фольклорные традиции современного города [Электронный ресурс]. URL: <http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=open-source/2>
8. Щуров В. М. Жанры русского музыкального фольклора: учеб. пособие для музыкальных вузов и училищ: в 2 ч. М.: Музыка, 2007. Ч. 1. 400 с.: нот.

Л. В. Миненко, О. А. Беляева

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В СИБИРИ

Изучение семантики художественных произведений декоративно-прикладного искусства необходимо для воссоздания культурной традиции наших предков, населявших Сибирь, и передачи знания будущим поколениям художников, творцам народного декоративно-прикладного творчества и просто людям, равнодушным к этому виду искусства. Начиная с древнейших этапов становления человеческой культуры, семантика произведений декоративно-прикладного искусства гармонично соединяла два момента познания и преобразования действительности – художественный и интеллектуальный. Однако образность, ассоциативность являлись определяющими в процессе познания. В настоящее время декоративно-прикладное искусство приобрело характер сувенирной ин-

дустрии и произведения этого вида искусства стали утрачивать специфику семантики.

Семантика (от греч. *semantikos* – обозначающий) – это наука о понимании определенных знаков, последовательностей символов и других условных обозначений.

В силу скудности сохранившихся первоисточников возникает необходимость исследовательской работы в целях воссоздания и обобщения специфики семантики художественных произведений ДПИ Сибири.

Изучение вопросов, связанных с проблемами декоративно-прикладного искусства Сибири, началось сравнительно недавно, а семантические аспекты ДПИ еще меньше привлекали внимание исследователей. Изучались лишь отдельные виды декоративно-прикладного искусства в различных ракурсах, элементы декора в костюме, на предметах быта, жилища в отдельно взятых территориях. Приведем примеры наиболее значимых разработок семантики ДПИ. Орнаментам на предметах декоративно-прикладного искусства народов Сибири, их скульптуре посвятил свое исследование С. В. Иванов. В. А. Барадюлин и Г. И. Охрименко изучали народные росписи Восточной и Западной Сибири по бересте, дереву, металлу (1985 год). Домовой росписью Западной Сибири занималась В. А. Лапинская (1983 год). Выполнены диссертационные исследования: А. В. Эдоков – «Декоративное искусство Горного Алтая» (2002 год); О. В. Киштеева – «Хакасский костюм в художественном пространстве традиционной культуры» (2009 год), Т. И. Кимеева – «Культурные аспекты этнического взаимодействия русских Притомья» (2003 год). Специфику промыслов декоративно-прикладного искусства Сибири и Кузбасса рассматривала Л. В. Миненко (2004 год)

Тем не менее, задача изучения глубоко заложенного смысла предметов вещной культуры Сибири посредством анализа художественных произведений декоративно-прикладного искусства остается актуальной.

Обратимся к конкретному материалу. Многие произведения декоративно-прикладного искусства украшены орнаментом. Самый ранний из них – кружковый, который является универсальным явлением. Еще А. Ф. Лихачев заметил, что орнамент в виде концентрических кружков или кружков с точкой посередине «...едва ли может служить характеристикой какой-либо национальности или даже эпохи, ибо мы встречаем его в употреблении в разные времена и у разных народов, и он всегда

употребляется исключительно на бронзовых изделиях, а также на серебре и кости» [6, с. 11–15]. Позже о том же писали В. Флоринский [см.: 7, с. 59], а в советское время – А. Гушин [см.: 1, с. 63]. Трудно ответить на вопрос, когда и на чем впервые появился этот орнамент – на твердых или мягких материалах. Современный кружковый орнамент чаще всего встречается на предметах, сделанных из кости и рога, и имеет различное значение. На шаманских старинных костюмах среди различных железных привесок можно встретить круглую металлическую пластинку с отверстием в середине, изображающую солнце. У минусинских татар символом солнца был круг с ореолом, иногда с точкой внутри, которая считалась душой солнца. У алтайцев кружки с точкой – знаки солнца – рисовались на внешней стороне бубна. Те же формы изображения солнца наблюдаются и у обских угров. Среди народов Дальнего Востока солнце изображается с помощью того же знака. Следовательно, во многих случаях в указанном орнаменте можно видеть не просто геометрические фигуры, а изобразительные знаки, имеющие отношение к небу и небесным светилам. Изображения эти являются не производными формами, а простейшими первичными фигурами, из которых впоследствии развивались другие, отчасти утратившие, отчасти сохранившие значение солярных знаков. Круг с точкой нередко ассоциируется с глазом. Это обстоятельство не противоречит предположению о значении кружковых узоров как изображений неба и небесных светил, так как «глаз» и «солнце» иногда семантически связаны между собой. В Китае солнце и луна называются очами неба. По представлению даосов, из левого глаза китайского творца мира образовалось солнце, а из правого – луна. Согласно японскому мифу, богиня солнца родилась из глаза бога воздуха. Древнеевропейская керамика имеет одинаковый кружковый «глазной» орнамент. Подобного рода примеров много. Круги с точкой и концентрические круги считаются принадлежащими к солярным знакам. Простота и ясность узоров, четкий ритм расположенных в линию кружков способствовали широкому распространению этого орнамента и связанной с ним древней семантики. Некоторые исследователи допускали техническое происхождение кружка с точкой, возникающего при пользовании циркулем (как металлическим, так и каменным отщепом). Кружковый, в том числе циркульный, орнамент сочетается иногда с другими геометрическими мотивами – прямыми и параллельными линиями,

точками, зигзагами, полукругами. Часто этот орнамент можно встретить у народов Южной Сибири. Буряты и шорцы украшали им костяные рукоятки конских плетей, деревянные вещи и некоторые шитые изделия, например, налучья. Старинные гребни, подсвечники якутов имеют тот же кружковый орнамент. Его можно найти на деревянных изделиях – табакерках, кумысной посуде. У тувинцев этот орнамент редок. Он иногда встречается на вещах, сделанных из камня. Хакасы украшали циркульным орнаментом костяные мундштуки деревянных табачных трубок, мелкие предметы из кости. Алтайцы изготовляли роговые ножны, роговые и костяные пороховницы, рукоятки ножей и металлические бляшки, нашитые на кожаные сумочки. В значительном количестве орнамент встречается на кожаных изделиях алтайцев, где он исполнен техникой тиснения и на их деревянных крючках. Шорцы покрывали таким орнаментом костяные рукоятки ножей, табакерки, кольца от лямок для саней, пряслица и другие мелкие предметы. Все эти факты подтверждают широкое использование кружкового орнамента народами Сибири в XIX – начале XX века [см.: 3, с. 468]. Таким образом, семантика кружкового (глазкового) орнамента заложена в древнем поклонении многих народов мира, в том числе и народов Сибири, солярным знакам (солнцу, луне).

Геометрические фигуры в виде решетчатых квадратов и ромбов с продленными сторонами известны в Сибири обским уграм, шорцам, кумандинцам. Эти фигуры встречаются в тканых изделиях, вышивке, располагаются по косой сетке. Наиболее распространенным является предположение, что ромбы и решетчатые квадраты представляют собой изображение небесных светил, в частности солнца. Они должны быть круглыми, лучистыми, но по условиям техники выполнения применялась форма простых или решетчатых квадратов, ромбов и тому подобных фигур. Исследуя сибирский орнамент, С. В. Иванов полагает, что разнообразные решетчатые фигуры, квадраты, ромбы, с помощью которых разные народы в различное время выражали различные идеи, связаны в одних случаях с миром растений (животных), в других – с солнцем, звездами [см.: 3, с. 412]. В композиции полотенца русских крестьян Алтая в середине изображен крупный ромб с крючками на нижней и верхней вершинах – это древний символ, появившийся в искусстве многих народов мира, символ женского начала в природе, символ плодородия. Он имел космический характер, что делало его заменителем мирового

дерева. В узоре подчеркнуты четыре угла и центр, то есть фактически все сакральные зоны – горизонтальная и вертикальная структуры космоса. В названии этой фигуры – «лягушка», «жаба» – сохранилось уходящее в тотемические верования представление о Космосе в зооморфном виде – лягушка как творец Вселенной. Она вынесла на лапках землю из-под воды. В качестве символа земли лягушка изображается на бубнах шаманов. Геометрический орнамент в виде прямых линий, составляющих широкие полосы, часто встречается в женском и мужском костюме. Однако не всегда эти полосы служили только украшением. Так, у шорских женщин они несли смысловую нагрузку. По низу платья в цвет орнамента шла полоса. Иногда было несколько полос в зависимости от родовой принадлежности. Например, у кондомских женщин, живших в районе Мустага, количество полос зависело от того, сколько раз женщину выдавали замуж. Муж – охотник, погибал в борьбе с медведем или по другим причинам, поэтому женщину в роду торопились скорее «сбыть с рук» – отдать замуж [2, с. 9].

Геометрический орнамент широко распространен на керамической посуде, сосудах для хранения воды и зерна. Важное место в орнаментации керамики принадлежало струйчато-волнистым линиям с характерными ритмическими нажимами – знак воды и плодородия. В бассейне реки Оби и по берегам озер Западной Сибири были найдены такие сосуды с округлым и острым дном, полуяйцевидные и параболовидные в вертикальном сечении с богатым орнаментом, который символизировали воду и плодородие. Сама форма сосуда также не лишена семантического значения. По древним верованиям, в частности в сибирском эпосе, мир возник из яйца, снесенного гигантской уткой. Не случайно яйцевидная форма сосудов сочетается с образами птиц и воды. Сосуд означает яйцо, из которого возник мир, волнистые линии – воду первичного океана, а утки напоминали миф о той птице, которая создала Вселенную. В геометрическом орнаменте, особенно у народов Сибири, часто прослеживается элемент спирали – змеи, которая относилась к наиболее сложному из всех символов, воплощенных в животных. Она означала и мужское начало, и женское, и андрогинное. Также свернувшаяся кольцами змея отождествлялась с круговоротом явлений. Это и солнечное начало, и лунное, жизнь и смерть, свет и тьма, добро и зло, мудрость и слепая страсть, исцеление и яд, хранитель и разрушитель. Также свер-

нувшаяся кольцами, змея представляет собой символ вечности. Кроме того, змея, сбрасывая кожу, как бы начинает «новую жизнь», олицетворяя бессмертие, поэтому она часто используется как символ целительства и медицины. На двух бляхах из бивня мамонта, найденных недалеко от Иркутска и служивших, очевидно, амулетами-оберегами, имеется выгравированное изображение змей. Замечательной особенностью является то, что виден процесс перехода от реальной фигуры змеи к «чистому» орнаменту спирали.

Особое отношение у жителей Прибайкалья было к кабанам. Кабаныи клыки, расколотые пополам и просверленные на концах, навешивались на головной убор или носились на лбу в виде диадемы. В других случаях располагались на шее и являлись нагрудным украшением. Амулетом, обеспечивающим удачную охоту, служили грушевидные бусы из клыков оленя, бусы из плоских тонких кружков, выточенных из морских раковин. Они навешивались рядами на головной убор или на меховую обувь. Носились ожерелья из клыков зубов медведя с просверленной коренной частью. Зубы соболей служили как бисер для украшения кожаной обуви и нашивались на верхнюю часть или нанизывались на шнурок, которым обувь стягивалась вокруг лодыжек. Обручи-гривны, найденные на Оби вблизи села Белоглазово, заканчивались головками хищников. В Колыванском районе Новосибирской области найдена золотая гривна, концы которой близки к изображению волка (крутой лоб, косо поставленные глаза, мощная пасть). Общим для всех хантов и манси было широкое распространение типичных для угров предметов: ножей с металлическими обкладками, подвесок, в виде стилизованных фигурок медведей и птиц, пряжек, браслетов – и орнаментация посуды штампами, имитирующими следы зверей. Медвежья шкура с головой, в которой, по представлению хантов, живет дух медведя, действует в пределах жилья и стойбища. При переезде его увозят с собой. По всей видимости, необходимость постоянно иметь этого духа-охранителя при себе вызывала обычай изображать его. Медведь, имеющий душу, – «живой». Душе необходимо вместилище, поэтому дух медведя изображается с внутренней полостью, а душа – это простейшие фигуры, в том числе прямая линия и зигзаг в орнаменте хантов и манси. Культовый медвежий праздник у манси проводился еще в 1966 году. Медведь был наиболее почитаемым животным и у коми. Связанные с ним многочисленные обрядовые дейст-

вия и поверья наблюдались до начала XX века. Столь же древним является культ лося или оленя. Олень был тотемным животным у лопарей. Медведь и олень (лось) занимали важное место и в космогонических представлениях древних охотников. У сибирских народов существовал культ Владычицы Вселенной и Матери зверей в виде лосихи с лосенком, закрепленный в древнейших названиях созвездий: Лось (Большая медведица) и Лосенок (Малая медведица). Одна из древнейших зооморфных подвесок – глиняный диск диаметром 7,5 см с отверстием для подвешивания. На диске наколом из точек изображена голова оленя, как бы глядящего из круга (небесной сферы) на землю.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что кабан являлся для народов Сибири символом бесстрашного, безжалостного воина, который может защищать, а может разрушать все на своем пути. Медведь олицетворял первопредка для многих народов Сибири и хранителя души человека, выполнял функцию защитника и дарителя. Волку была присуща функция посредника между земным и загробным мирами. Кроме того, волк символизировал воинскую дружину и предков-властителей, в основном воителей, поэтому многие предметы декоративно-прикладного искусства Сибири несут в себе глубокий мифологический смысл.

В народных росписях широко отразились в художественно совершенном виде не всегда понятные непосвященным людям представления об окружающем мире, о его разделении на три сферы: верхнюю – небесную, среднюю – мир человека и нижнюю – подземную. Как в красочной декорации крестьянского дома, так и в украшении предметов бытовой утвари наиболее выразительной была средняя часть. Народные художники, мыслившие так же, как и крестьяне-заказчики, и глубоко верившие в символику изображений, превращали среднюю часть любого панно или предмета в цветущий сад, полный иносказательных образов. Радужные или разделенные на сектора круги, многолепестковые розетки, венки были символами солнца и одновременно метафорическими охраняемыми и благожелательными знаками. Цветы на ветках, букетах, кустах, деревьях воспевали красоту земли и, по словам народных песен, могли быть малыши детушками, а павлин с павушей, расположенные внизу около корня, – супружескою парюю. Птицы на вершине дерева – солнечные вестники, звери у его подножия – охранители [см.: 5, с. 15].

Подводя итог сказанному, отметим, что семантика в произведениях декоративно-прикладного искусства имела свою географическую и культурную специфику, которая опиралась на древние верования как русского населения, так и коренного, издревле населявшего Сибирь.

Литература

1. Гушин А. С. К вопросу о славянском земледельческом искусстве // Временник Отдела изобразительных искусств Государственной Академии материальной культуры. Л., 1927. Т. 1. С. 63.
2. Иодковский Э. Сага Горной Шории // Огонек. 1987. № 37. С. 9.
3. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.: Наука, 1968. С. 217.
4. Клетнова Е. Н. Символика народных украс Смоленского края. Смоленск, 1924. С. 421.
5. Лапинская В. А. Домовая роспись русского населения Западной Сибири // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 15.
6. Лихачев А. Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии. СПб., 1986. С. 14–15.
7. Флоринский В. Археологический музей Томского университета. Томск, 1986. С. 59.

Т. Л. Голещихина

К ПРОБЛЕМАМ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Концепция художественного образования в Российской Федерации опирается на основополагающий государственный документ – «Национальная доктрина образования в Российской Федерации», который устанавливает приоритет образования в государственной политике, определяет стратегию и направления развития системы образования в России на период до 2025 года. Концепция отражает волю государства в реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина России в области культуры и искусства: право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, доступ к культурным ценностям; свободу литературного и художественного видов творчества, преподава-

ния, охрану интеллектуальной собственности; обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. В концепции художественное образование определяется как процесс овладения и присвоения человеком художественной культуры своего народа и человечества, один из важнейших способов развития и формирования целостной личности, ее духовности, творческой индивидуальности, интеллектуального и эмоционального богатства [см.: 3]. Так как целью данной статьи является описание интеграционных процессов в детском фольклорном творчестве, считаем целесообразным обратиться к «Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в РФ на 2008–2015 годы». В целях сохранения и развития образования в сфере культуры и искусства Концепция направлена на решение следующих задач:

- «выявление художественно одаренных детей и молодежи, а также обеспечение соответствующих условий для их образования и творческого развития;

- подготовка творческих и педагогических кадров в сфере культуры и искусства, а также педагогических кадров для системы художественного образования;

- сохранение и передача новым поколениям традиций российского профессионального образования в сфере культуры и искусства;

- эстетическое воспитание подрастающего поколения;

- воспитание подготовленной и заинтересованной аудитории слушателей и зрителей;

- приобщение граждан России к ценностям отечественной и зарубежной художественной культуры, лучшим образцам народного творчества, классического и современного искусства;

- реализация нравственного потенциала искусства как средства формирования и развития этических норм поведения и морали, как личности, так и общества» [см.: 2].

Система художественного образования включает эстетическое воспитание, общее художественное образование и профессиональное художественное образование. Реализация программ художественного образования осуществляется во всех типах и видах образовательных учреждений: детских садах, общеобразовательных школах, учреждениях среднего профессионального, высшего и послевузовского профессио-

нального образования, во всех учреждениях дополнительного образования, в том числе и детских школах искусств [см.: 3].

Целью дополнительного образования является создание условий для формирования целенаправленной, самокритичной, коммуникабельной личности ребенка, подразумевающей способность принимать решения, проводить их в жизнь и нести за них ответственность. Для детального рассмотрения интеграционных процессов обратимся к образовательной деятельности учреждений дополнительного образования в народном творчестве. Интеграционная основа занятий заключается в объединении науки и практики, слиянии разноаспектных явлений, процессов, в результате чего рождается новый интеграционный продукт творческой деятельности.

Многогранность детского восприятия, полифоничность чувств ребенка при наличии на занятиях различных видов творчества обретает большую свободу самовыражения. Кроме того, происходит развитие художественного вкуса, знакомство с национальной культурой, растет опыт межличностных и коллективных взаимоотношений детей. В результате использования интегрированной формы организации образовательной деятельности осуществляется как качественное углубление образования в определенной области (интенсификация образования), так и количественное расширение образования, то есть освоение предметов и образовательных областей, не относящихся непосредственно к направленности данного объединения (экстенсификация образования). Кроме этого, благодаря наличию в программе интегрированных занятий, педагогу удается сохранить и увеличить контингент обучающихся [см.: 1].

На наш взгляд, детское фольклорное творчество следует рассматривать с позиций интегрированного, полихудожественного, предметно-пространственного метода. Л. Г. Савенкова пишет: *«Пространство выделено мной с позиций категории эстетики – как факт существования любого искусства (“каждое искусство есть средство организации пространства” – П. Флоренский)*. Этот подход, на мой взгляд, является универсальным в освоении любого вида искусства в школе. Поскольку пространство пустое, не заполненное предметами, цветом, звуками, запахами, действием, для детей не понятно. Я отождествляю понятие пространства с понятием среды – отсюда выражение “предметно-пространственное направление”» [см.: 4].

По мнению Л. Г. Савенковой, «именно среда выдвигает основное педагогическое условие – интегрированный подход к освоению искусства. Среда интегрирована по своей природе, так как все живет и развивается в определенной среде и вне среды существовать не может, она:

- интегрирует в себе многообразие предметного, природного мира и искусства (А. Раппопорт);

- позволяет максимально развивать у детей поле пространственного воображения: широту, объем воображаемых представлений, фантазию, которые, с точки зрения теории “полихудожественного развития” (Б.П. Юсова), являются неперенным условием развития творческого потенциала ребенка».

Детское народное творчество целесообразно рассматривать с позиций «экологии культуры», сохранения культуры, сохранения истории культуры, общечеловеческих, художественных и эстетических ценностей. Поскольку для человека «важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его “духовной оседлости”, для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности» [см.: 4].

Таким образом, интеграционный подход предполагает активное сотворчество учителя и ученика, особый психологический климат на занятиях, построенный на сотворчестве учителя и ученика. При правильной организации учебного процесса интегрированное преподавание становится фактором динамического развития и мобилизации совместных усилий всего педагогического коллектива, который направлен на понимание региональной культуры, общезначимых, культурных ценностей, на развитие собственной художественно-творческой деятельности в различных видах искусства. Таким образом, интеграция – это сложный структурный процесс, требующий: научения детей рассматривать любые явления с разных точек зрения; развития умения применять знания из различных областей в решении конкретной творческой задачи; формирования у школьников способности самостоятельно проводить творческие исследования; развития у них желания активно выражать себя в каком-либо творчестве [см.: 4].

Обобщая взгляды ученых, занимающихся проблемой интеграции в различных областях наук, мы присоединяемся к мнению Л. Г. Савенко-

вой, определившей этапы интегрированного подхода к процессу обучения искусству и художественному воспитанию, которые сформулированы следующим образом:

«1) этап художественной интеграции следует рассматривать как целостность – взгляд на другие искусства с позиций одного искусства, в науке это определяется как концепция;

2) этап – взаимосвязь, взаимодействие искусства с окружающей жизнью, природой, историей культуры, понимаемый как корреляция;

3) этап – системность художественного мышления, выражение искусства через символ, знак – направлен на синкретизацию» [4].

С этих позиций Л. Г. Савенкова раскрывает уровни художественной интеграции, в связи с особенностями возраста, следующим образом:

«1-й уровень – экологический подход к индивидуальному развитию восприятия и деятельности формирующейся личности (дошкольный и младший школьный возраст);

2-й уровень – комплексный подход к процессу художественного образования, формирование целостности мышления, широкого взгляда на окружающий мир и искусство (средний школьный возраст);

3-й уровень – индивидуальность художественно-образного мышления, формирование системного (философского, исследовательского) художественного мышления в условиях освоения пространства и визуальной среды (старший школьный возраст)» [4].

Деятельность руководителя фольклорного коллектива, как и детское фольклорное творчество, можно отнести к наиболее сложной в интегративном плане. В ней соединяются и взаимодействуют различные, разноуровневые виды деятельности – от профессионально-исполнительских до психолого-педагогических. Одновременно на руководителя возлагаются функции организатора, воспитателя, менеджера, несущего основную долю ответственности за эффективность работы вверенного ему коллектива. При этом ни одно из этих направлений в «производственной» практике руководителя нельзя определить как основное и главное: каждое играет особую, специфическую роль, является необходимой составляющей в комплексе обязанностей руководителя. Его деятельность является интегративной по своему содержанию и структуре.

Интегративный принцип в организации фольклорного творчества способствует формированию принципиально важных качеств и свойств учащегося, таких как склонность к широким, обобщающим суждениям и умозаключениям; «стереоскопическое видение» окружающей действительности; универсализм мыслительных действий и операций; умение преодолевать умственные барьеры. Методология, основанная на идее междисциплинарной интеграции, повышает интерес учащегося к занятиям, ускоряет его общее и профессиональное развитие.

Исходя из вышесказанного, считаю внедрение интегративных подходов к развитию детей в детских фольклорных коллективах возможным и необходимым. В качестве примера для внедрения этого уже имеющегося опыта можно обратиться к программам Л. Л. Куприяновой «Русский фольклор», А. В. Рублева, Т. С. Рублевой «Духовно-нравственное воспитание и традиционная культура».

Литература

1. Жильцова И.И. Интеграция технического и декоративно-прикладного детского творчества [Электронный ресурс]. URL: http://www.volsu.ru/sl_fio/integr.htm
2. Концепция развития образования в сфере культуры и искусства РФ на 2008–2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_141760.html
3. Концепция худ. образования РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_151125.html
4. Савенкова Л. Г. Интегрированный подход к процессу освоения искусства в школе как одно из важных направлений современной художественной педагогики. [Электронный ресурс]. URL: http://art.ioso.ru/integ_podhod.htm

Е. Е. Бычкова

ГОРОДСКОЙ ДВОР В ДЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Городской двор – особое пространство современной урбанистической культуры, наследовавшей «хрущевскую» модель «общежития». Его становлению предшествовали долгие века существования двора как

частного владения. В коммунальном дворе нашло воплощение взаимодействие архитектурно-планировочной структуры и системы социальных связей: он является социальным и психологическим центром для жильцов окружающих его домов. В архитектурной иерархии городской системы коммунальному двору принадлежит особая функция. Двор усиливает присущую дому функцию ограничения и изоляции человека, вызывая чувство защищенности у тех, кто причастен к этому топосу. Если жилище – место своеобразной изоляции человека в его индивидуальной комнате или квартире, то коммунальный двор – зона совместной изоляции всех жильцов дома от прямого воздействия городской среды [4].

Для современного ребенка двор становится особого рода моделью мира, а дворовый социум – моделью общества, формирующей свой характер взаимоотношений. С позиции взрослого человека этот топос – топос «обозрения» или наблюдения за детьми. Между тем, ребенок вступает именно «под носом» у взрослых в сложную систему отношений с другими детьми и с окружающим миром [6].

Данное исследование базируется на материале включенного наблюдения за жизнью конкретного городского двора, относящегося в довольно молодой урбанистической истории города к категории «старых», имеющих сложившуюся традицию. В основном анализировались записи устных рассказов информантов в возрасте от 6 до 13 лет, но в то же время привлекались рассказы людей, выросших в данном пространстве, восстанавливающих образ своего детства. В их воспоминаниях отчетливо прослеживается идеализация прошлого: «Двери, ведущие в квартиры, мы не закрывали, всех соседей знали по имени-отчеству, свадьбы справляли всем миром, все вместе клумбы засаживали, дети были как общие: следили за ними, кормили не только своих, но и чужих. А дети пищу домой добывали с базара: то арбуз принесут, то целый ящик яиц приволокут. Дружно жили, что и говорить» (Яковлева Валентина Александровна, 65 лет). Мотив идеализации «дворика из детства» закреплён в ряде популярных песен, в частности присутствует в репертуаре Михаила Боярского: «Любимый мой дворик», «Девчонка нашего двора», «В нашем дворе», а также группы «Любэ» – «Ребята с нашего двора», Татьяны Овсиенко – «Школьная пора» и многих других. В этих текстах, как и в зафиксированных рассказах, двор явлен как особая модель мира, обла-

дающая своими ритмами, традициями, возрастом, особый хронотоп, позволяющий сохранить преемственность поколений, дающий возможность «вернуться и подвести итог».

В то же время городской двор, как особого рода семиотическая единица, требует оглашения ценностных или внеценностных устремлений тех, кто включен в данное урбанистическое единство. Роль публичного оглашения часто выполняют надписи на асфальте, на стенах, дверях и т. д. Через эти надписи происходит публичное обнаружение личной тайны: кто с кем дружит, кто кого любит. В дворовых слухах формируется представление о частной, закрытой, заквартирной жизни «дворового социума», который состоит не только из бегающих и играющих детей. Дворовое население, его плотность диктуется, как правило, сезонно-погодными условиями, а также временем суток. Утром и днем – это дворники и мамы с маленькими детьми, бабушки. Вечером выходят подростки, паркуровцы собираются на свои тренировки, появляются взрослые «жители», организующие посиделки с пивом на лавочке. Вечер – пограничное, переходное время, когда двор максимально наполнен. Это время, когда дети, уже получившие разрешение гулять самостоятельно, без присмотра взрослых, особенно остро ощущают близость возвращения домой. Это рождает предвкушение: «А кто дольше пробудет во дворе? Кого дольше всех домой не загонят?». Естественно, что подобное отношение к домашнему миру формируется у ребёнка не сразу. Сенсорно-психологическое освоение окружающего мира в детском возрасте происходит под воздействием оппозиции «свое – другое (чужое)». При этом отправной точкой сопоставления в урбанистической модели жизни служит собственное жилище (максимально свое), конечной – город как таковой (максимально чужое) [4]. Исследователи отмечают, что «никто не учит детей делить территорию на “свою” и “чужую”. Но они делают это всякий раз, при всяком удобном случае» [5, с. 232]. Шкала «свое» и «чужое» реализуется в нескольких аспектах. Благодаря ей выстраиваются отношения между миром взрослых и миром детей. Она становится основополагающей при формировании детского коллектива в ходе игровых практик, помогающих в освоении окружающего пространства. В то же время, она реализуется именно в пространственном мировосприятии ребенка: «понятия “наш двор”, “наша улица”,

“наши места” всегда важны для переживания самотождественности детских и подростковых групп» [6, с. 66].

В границах двора «свои» и «чужие» миры взаимодействуют, влияя на хронотоп и межличностные отношения. Так, дети начинают осознавать невозможность включения взрослого человека в игру. Игровая реальность не воспринимается детьми как действие «понарошку», а проживается как настоящая жизнь. Поэтому одной из особенностей детской дворовой культуры становится стремление взрослеющего ребенка отделиться от родительской опеки, отсюда складывается восприятие старших членов семьи как «чужих», способных разрушить игровой микрокосм.

Улица и пространство двора противостоят миру дома изначально, как сфера «чужого», «неизведанного». Как отмечает Ю. М. Лотман, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”»)» [3, с. 257], причем «если внутренний мир воспроизводит космос, то по ту сторону его границы располагается хаос, антимир, внеструктурное иконическое пространство, обитаемое чудовищами, инфернальными силами или людьми, которые с ними связаны... в антипространстве живет разбойник <...> он говорит на антиязыке, осуществляет антиповедение (громко свистит, непристойно ругается)» [3, с. 266]. Как правило, для детей «домашних» такими «разбойниками» становятся «дворовые» дети. Для последней группы граница «своего», защищенного мира передвигается гораздо дальше границы квартиры, включая в себя двор как освоенное и безопасное пространство. При этом понятие «дом» для данной группы детей становится местом, куда родители «загоняют», то есть местом, куда идти не хочется. Стремление отделиться от домашнего мира также проявляется в языковой модели поведения: как правило, языком группы становится дворовый сленг, формирующий особый характер общения. Одним из маркеров приобщения к дворовой культуре может стать прозвище (кликуха, кличка, погоняло), возникающее после ритуализированных действий, соотносимых с обрядами включения в дворовую общность.

Граница между «своим» и «чужим» пространством у детей дворовых и домашних оказывается различной. Так, для домашних ребят она определяется как лестница, подъезд. Об этом виде семиотической границе писал Ю. М. Лотман: «Если же центром “нормального” жилья делается квартира, то пограничным пространством между домом и вне-дома

становится лестница, подъезд» [3, с. 266]. Для дворовых же детей граница эта может переместиться гораздо дальше: свой двор начинает восприниматься как не единственный. В детском лексиконе появляется определение «чужой двор».

В детском коллективе оппозиция свой-чужой становится маркером приобщенности/неприобщенности ребенка к игровой группе, организующей совместные игры, а также обследование «чужих» дворов. Важную роль в выявлении «своих» играет способность детей «держаться дружбу», для закрепления которой также выработаны различные способы. Члены дворовой группы, воспринимая двор как свой мир, стремятся защищать его от вторжений чужих детей, причем «защита принадлежащей группе территории от чужаков становится одним из мощных средств сплочения» [6, с. 66]. Чужаками в данном случае становятся дети из других дворов. Приведу фрагменты записей: «Чужих во Двор лучше не пускать: они или чё-нибудь сломают или намусорят...» (Букасин Андрей, 13 лет); «А эти из Маруськиного двора (Маруся – название карусели. – Е. Б.). Они же нам прошлый раз нахаркали на качели, типа занято! Как будто это их качели-то!» (Завьялов Артём, 11 лет). Дети из других дворов воспринимаются как своеобразные антагонисты (термин В. Я. Проппа), приходящие, чтобы нарушить гармонию и порядок мироустройства. Они представляют собой деструктивную силу, так как способны выкрасть, побить, намусорить, сломать, разрушить, испортить. Подобные «налеты» на «чужие» дворы являются частью дворовой традиции, они воспринимаются как своеобразное геройство, особенно если с собой принесена «добыча»: куски пенопласта, коробки, железяки, трубы, сидушки от качель, цепи и т. п. Вещи, выкраденные у «чужих», приобретают особый статус, что созвучно практике ритуального воровства: «Кража – это ритуальное действие, придающее добытым таким способом предметам особую сакральность и магическую силу... Кража является способом “отстранения” предмета, выведения его из привычного ряда, придания ему черт чужого, случайного, найденного, “нездешнего”, посланного из иного мира» [7, с. 232]. Украденные из другого двора предметы приспособляются для организации собственного дворового пространства [2]. Это – предмет гордости, служащий своеобразным напоминанием о выполнении трудной задачи.

Бинарность детского мировосприятия реализуется также в семиотической локализации собственного дворового пространства [1], в частности, это касается системы игр. Каждая игра закрепляется за определенным дворовым локусом, оставаясь «на своем месте» уже как минимум на протяжении десять лет. Причем, дворовые локусы получают свои наименования: небольшая площадка возле подъезда именуется «пяточком», старая трансформаторная будка – «трансформером», кирпичная балконная пристройка – «стенкой». Семиотическая модель игрового пространства выглядит следующим образом: на так называемом «пяточке» актуальными оказываются игры в «Уголки», «Догонялки на пяточке» (разновидность догонялок/догоняшек), «Машина едет, едет – стоп!», «Царь, царь, сколько время». На площадке возле «стенки» развиваются игры в «Море волнуется раз» (или более популярные ныне «Скелетонны»), в «Рыбака и рыбку», в «Козла», в «Школу», «Чай-чай выручай». «Стенка» и «трансформер» играют важную роль опорного пункта при игре в «Прятки» и «Прятки московские». Обследование дворицкой, чердаков и подвалов становятся частью практики посещения «страшных мест».

Семантизация дворового пространства также включает в себя оппозицию «лесного» (засаженого деревьями. – *Е. Б.*) и «железного» (гимнастического комплекса. – *Е. Б.*) локусов. В дворовом мире существует две версии возникновения «лесного» локуса. В первой он предстает как некое первопространство, существовавшее на этом месте изначально, вторая же связывает его возникновение с трудом бабушек и дедушек двора: «Когда мама была дочей у бабушки, тогда моя бабушка и мой дедушка садили деревья. И бабушка мне показывала свое дерево, ну, которое она садила... А дедушкино срубили... Там много срубили теперь» (Медведева Алина, 5 лет). На данной территории актуализируются различные «тайные» детские игры: «секретки», «клады», игры «в домик», гадательные практики, здесь же происходит детский обряд похорон животных, птиц, насекомых. За гимнастическим комплексом, напротив, закрепляется значение артефакта, более позднего образования, привнесенного во двор извне. «Железное» пространство является средоточием, центром детской дворовой жизни. С ним связана обрядово-мифологическая семантика детской игры, в процессе которой возникают элементы посвятительной, инициальной обрядности. Семиотическая ор-

ганизация дворового «железного» комплекса формируется вокруг высокого столба, завершающегося фигурой петушка. Дворовый обряд посвятельного свойства фиксируется как минимум с 1990-х годов: «Тогда это было как посвящение своеобразное: надо было забраться на петуха, задеть его за это плоское тельце, и потом не сорваться и вниз. Когда уже добираться до петуха, хочется вообще на него залезть и сесть... Но вот он плоский и на него не сядешь...» (Любимова Татьяна, 21 год (по воспоминаниям 8–9 лет)). Необходимо отметить, что столб с сидящим на нем петушком является самой высокой точкой площадки. Влезая на него, ребенок покидает границы освоенного мира, это связано с преодолением как физических сложностей, так и психологического барьера: «Лезу туда, а там палка эта железная тонкая делается... Неудобно! И колени больно... А я вниз как посмотрел, чуть не спрыгнул. Он большой, когда наверху сидишь, а те, кто внизу – малешенькие такие...» (Букасин Андрей, 13 лет). В детском «обряде» актуализируются понятия боли, страха, преодолевая их, ребенок становится сильнее, он ощущает свое превосходство над «теми, кто внизу». Окончательное принятие новичков в дворовый коллектив происходит на «любимом» дереве или в другом укромном месте, где новичку совместно придумывается дворовое имя.

Ряд игр связан с освоением целостности дворового пространства: это игры коллективные, подразумевающие участие детей разных возрастов, привычек, объединяющие мальчиков и девочек: «Угадай мелодию», «Кто хочет стать миллионером/милиционером», «Музыкальный светофор», «Окна», «Дом 2», «Города», «Придумай историю». Другая разновидность детских игр связана с освоением всего дворового мира: это различного рода «догоняшки», требующие открытого пространства. Несмотря на то что они не связаны с конкретным дворовым локусом, для них существует негласное правило: не покидать границы двора. Это, например, такие игры, как: «Бомж», «Войнушка», «Соловьи-разбойники», «Зомби».

Двор в детской культуре является социально-коммуникативным центром, наполненным жизнью, подверженной влиянию сезонно-погодных условий, суточному ритму. Пространство двора одновременно расширяет и регулирует границы игрового поведения, выстраивая бинарные модели освоения пространства. В детской дворовой культуре актуализируются мифологические оппозиции «своего» мира и мира

«чужого», оппозиции «природного» и «рукотворного», «замкнутого» и «открытого». Детская площадка обретает свой «центр» и «периферию», свою «горизонталь» и «вертикаль», их освоение детьми в большинстве случаев несет в себе инициально-посвятительную семантику.

Литература

1. Бычкова Е. Е. Семиотическая организация современного городского двора // Семиотика художественной культуры: образ России в межкультурной коммуникации. Кемерово; СПб., 2009. С. 421–428.
2. Бычкова Е. Е. Детское миромоделирование в современном городском дворе // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 106–110.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000. 704 с.
4. Махлина С. Т. Семиотика культуры повседневности. СПб., 2009. 232 с.
5. Мухина В. С. Таинство детства. Екатеринбург, 2005. 448 с.
6. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2007. 276 с.
7. Толстая С. М. Кража // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 232–233.

Н. В. Григорьянц

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК САМОВЫРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В современных условиях речевую культуру и самовыражение личности можно без преувеличения считать одними из самых актуальных вопросов гуманитарного знания. Утрата речевой культуры, косноязычие стали признаком духовной деградации общества. В настоящее время пропасть между классическими нормами речевой культуры и речевой культурой повседневности постоянно увеличивается под влиянием демократизации общественной жизни.

К известному «расшатыванию» традиционных литературных норм приводят социальные сдвиги нашего времени, связанные с изменениями в структуре общественно-политического строя, сменой форм собствен-

ности и состава активных участников коммуникации. Это выражается, прежде всего, в росте ненормативных вариантных элементов, возникающих под влиянием нелитературного просторечия, диалектов и полудиалектов, в обилии новых иностранных слов и терминов (не всегда функционально оправданных) и, наконец, в стилистическом снижении современной устной и письменной речи, в заметной вульгаризации бытовой сферы общения. Не препятствует таким обстоятельствам функционирования речевой культуры и актуализировавшееся в XX столетии стремление к самовыражению личности.

Безусловно, самовыражение личности осуществляется посредством разных типов речевой культуры: элитарной, среднелитературной и литературно-разговорной [8]. Выбор средств определенного типа культуры, осуществляемый личностью в целях своего самовыражения, обусловлен социальной, территориальной, профессиональной, возрастной принадлежностью. Однако далеко не каждый владеет средствами всех названных типов речевой культуры. В связи с этим указанный выбор, по сути дела, отсутствует, что приводит к конфликту разнообразия условий коммуникации и ограниченности (одинаковости) средств речевой культуры, свойственных определенной личности. Этот конфликт ставит проблему способности переключения личности с одного типа речевой культуры на другой.

Следует отметить, что эти вопросы в той или иной мере рассматривались многими исследователями – В. Е. Гольдиным, Л. К. Граудиной, О. Б. Сиротининой, А. П. Сквородниковым, Н. И. Формановской, Е. Н. Ширяевым и другими. Вместе с тем, как правило, работы названных авторов сосредоточены либо на проблемах речевой культуры, либо на вопросах самовыражения личности. В то время как степень исследованности конфликта, возникающего от столкновения необходимости сохранения норм речевой культуры и такой потребности человека, как самовыражение, явно недостаточна. В связи с этим, в качестве задач данной статьи мы избрали:

- 1) выявление оптимальных для нашего исследования определений понятий: «культура», «речевая культура», «самовыражение личности»;
- 2) определение сути конфликта понятий «самовыражение личности» и «речевая культура».

В данном случае объектом исследования выступает речевая культура личности, а его предметом – речевые способы самовыражения лич-

ности. Для того чтобы решить указанную проблему, нужно ответить на следующие вопросы. Прежде всего, выявить, какое определение культуры мы будем использовать в своей работе, затем соотнести его с такими понятиями, как «речевая культура», «языковая личность».

В настоящее время ученые насчитывают более 500 определений культуры. В этой связи современными культурологами выделяется два аспекта трактовки культуры. С одной стороны, культура рассматривается как процесс совершенствования человека, исправления его пороков. С этой точки зрения, культура предстает как позитивное, положительное, желаемое явление. С другой стороны, культура рассматривается как реально существующий и исторически изменяющийся образ жизни людей, специфика которого обусловлена достигнутым уровнем развития [5]. Рассмотрев ряд определений культуры, изучив составляющие понятия, мы пришли к выводу о том, что под указанным понятием мы будем понимать определенную сферу общества, получившую институциональное закрепление, а также совокупность духовных ценностей и норм, присущих большой социальной группе с высоким уровнем качественного развития, духовных достижений.

Общепризнано, что первичным субъектом культуры выступает человек. Исходной характеристикой субъекта является активность, которая носит осознанный характер. Человеческие качества есть результат распрямления мира культуры, усвоения индивидом языка, приобщения к существующим в обществе ценностям, традициям, овладения присущими данной культуре приемами и навыками деятельности [3]. Таким образом, человек и культура – это коэволюционно развивающиеся, обогащающие и творящие друг друга субъекты. Человек может стать субъектом культуры лишь тогда, когда он включен в социальную деятельность по преобразованию внешнего мира и мира человеческих общественных отношений. Так как культурно-преобразовательная деятельность никогда не осуществляется отдельным изолированным индивидом, а лишь таким субъектом, который включен в коллективную деятельность, то подлинным культурно-созидающим субъектом является общество. Личность персонифицирует социально-историческую деятельность человечества, выступает конкретным творцом материальных и духовных ценностей.

Современное понимание личности в культурологии опирается на социологические, психологические и общепсихологические трактовки. Понятие «личность» (которое подчеркивает в человеке самостоятельность, значимость и сознательно-волевое начало) связывается с понятиями «индивид» (отдельно взятый человек, представитель какой-либо социальной группы) и «индивидуальность» (оригинальность, неповторимость человека, многообразие его способностей) [7]. Опираясь на принятую систему ценностей, личность в то же время остается в пределах образцов поведения, установленных в обществе. Знание социальных образцов позволяет предвидеть поведение других людей, их реакцию. Существование и следование образцам свидетельствует о настойчивости общества, об упорядоченности общественной жизни, ее стабильности. Творческая личность может использовать эти образцы поведения, может пытаться ввести новые образцы и модели поведения. Таким образом, личность находится в центре культуры, на пересечении механизмов воспроизводства, хранения и обновления культурного опыта [6].

Мы можем предположить, что культурное богатство личности зависит от включения ценностей в личную деятельность, а также от того, насколько личность многообразна. Ее самовыражение может быть одновременно и социально приемлемым, и социально неприемлемым. Если в современном социально-культурном контексте преграды для самовыражения личности незначительны, то требования соблюдения норм речевой культуры вполне конкретны и достаточно обширны. И все же осмелимся предположить, что требование соблюдения норм речевой культуры уступает под натиском стремления личности к самовыражению. Не случайно, во 2-й половине XX века в связи с определением роли личности в речевой культуре в научном обиходе появляется понятие «языковая личность».

В понятии «языковая личность» преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность. Существует немало определений «языковой личности», данных такими исследователями, как Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов и др. [4]. А также определение в энциклопедическом словаре-справочнике, где под языковой личностью подразумевают

любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования средств языка для отражения окружающей действительности (картины мира) [11]. Отметим, что под языковой личностью мы понимаем человека как носителя языка, взятого со стороны его способности к речевой деятельности. Иными словами, языковая личность проявляется через комплекс психофизических свойств, позволяющих производить и воспринимать речевые произведения.

Актуализации исследований проблемы самовыражения личности способствуют, во-первых, приверженность отечественных психологов гуманистической психологии, во-вторых, смена парадигмы с изучения «Человека Воспринимающего» на изучение «Человека Транслирующего», что обусловлено, в свою очередь, возрастанием личной инициативы и активности современного человека. Интересно, что зарубежными культурологами проблема самовыражения личности в общении изучается через два феномена: самораскрытие, под которым понимается сообщение информации о себе другим людям, и самопрезентацию, состоящую в целенаправленном создании определенного впечатления о себе в глазах окружающих. Под термином «самовыражение личности» мы понимаем широкий круг вербальных и невербальных поведенческих актов, которые человек использует для передачи информации о себе другим лицам и создания определенного образа себя. Без сомнений важнейшим каналом самовыражения личности является его речевая культура. Неслучайно, в последнее время при исследовании процессов культурного и духовного развития человека все большее внимание уделяется вопросам речевой культуры.

Речевая культура – сравнительно юная область науки о языке, появившаяся в 1930-е годы усилиями замечательных лингвистов Г. О. Винокура, Д. Н. Ушакова, Л. В. Щербы и разрабатывавшаяся потом в трудах С. И. Ожегова, В. В. Виноградова, О. С. Ахмановой, В. Г. Костомарова, А. А. Леонтьева и других. Однако, несмотря на столь пристальный интерес к проблеме речевой культуры общества, до сих пор не выработан общезначимый концептуальный подход к пониманию ее сущности и содержания. В научной литературе сегодня нет общепризнанной дефиниции данного понятия. В рамках общекультурного подхода речевая культура рассматривается как своего рода зеркало духовной культуры

человека, проявление его общей культуры, выражающееся в «речевом поведении», в знании языковых художественных богатств, в умении ими пользоваться, освоении их в ряду других достижений цивилизации [9].

Существует множество подходов к определению «речевой культуры», сформированных такими учеными, как Л. И. Скворцов, Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. Названные авторы под речевой культурой понимают владение языковыми нормами [10], умение использовать выразительные языковые средства [2], соотнесение целей и содержания речи [1]. Проанализировав эти подходы, можно предположить, что изучаемое явление рассматривается преимущественно с филологической точки зрения. Однако речевая культура – явление не столь однозначное, – это часть духовной культуры, которая характеризует внутреннее богатство сознания, степень развитости самого человека.

В связи с этим, мы убеждены в необходимости рассмотрения речевой культуры в социокультурном аспекте, как системы ценностей, определяющей отношение людей к родному языку, его нормам, образцам и проявляющейся в процессе повседневного общения. Речевая культура личности заимствует часть речевой культуры общества, но вместе с тем она шире речевой культуры общества. Правильное пользование языком предполагает собственное чувство стиля, верный и достаточно развитый вкус. Речевая культура общества есть отбор, собирание и хранение лучших образцов речевой деятельности, образование литературной классики и следование нормам литературного языка. Соответственно, чем богаче внутренний мир личности, тем богаче возможности его речевой культуры. В условиях выполнения поставленных коммуникативных задач, речевая культура личности может проявляться посредством соблюдения таких критериев, как языковая норма, этика общения, целесообразность поставленной коммуникативной задачи, доступность изложения для адресанта, адекватность изложения.

Успешное общение между людьми требует коммуникативной компетенции участников такого процесса. Коммуникативная компетенция – это совокупность знаний, умений и навыков адекватного отражения и восприятия действительности в различных ситуациях общения. В связи с этим особенно важно изучение речевой культуры личности в процессе современного речевого общения между представителями разных типов речевых культур.

Литература

1. Богин Г. И. Уровни и компоненты речевой способности человека. Калинин, 1975. 187 с.
2. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Вопросы речевой культуры. М., 1989. 267 с.
3. Гуревич П. С. Философия культуры. М., 1994. 178 с.
4. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. М., 1989. 87 с.
5. Кармин А. С. Основы культурологии: морфология культуры. СПб., 1997. 245 с.
6. Кондаков И. В. Введение в историю культуры. М.: Аспект-Пресс, 1997. 687 с.
7. Кравченко А. И. Культурология: словарь. М.: Академический проект, 2000. 671 с.
8. Сиротинина О. Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне. М., 2000. 320 с.
9. Скворцов Л. И. Об основных понятиях и терминах культуры речи // Восточнославянское и общее языкознание. М.: Прогресс, 1978. 187 с.
10. Фортунатова В. А. Человек в мире культуры. Н. Новгород, 1998. 167 с.
11. Ширяев Е.Н. Культура речи // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. 287 с.

Н. В. Медведева

ИНФРАСТРУКТУРА ХОРОВОЙ КУЛЬТУРЫ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ

Первое десятилетие XXI века, являясь новым этапом в культурной жизни нашей страны, отмечено взаимодействием как положительных, так и отрицательных факторов. Так, натиску низких с позиций моральных ценностей образцов массовой культуры, повсеместной пропаганде безнравственности в средствах массовой информации противостоит возросший интерес российского общества к своему историческому прошлому, национальным традициям. Данное противоборство обозначило проблему культурного выживания искусства, художественной деятельности человека. Поэтому одной из приоритетных задач современности

является не только сохранение достигнутых высот, но и поиск новых путей развития культурных национальных традиций русского искусства, в частности музыкального.

Хоровое искусство, распространенное в музыкальной культуре России, по-прежнему играет определяющую роль, поскольку хоровое исполнительство причисляется к числу наиболее древних и важнейших сфер музыкальной жизни государства. Это проявляется в активном концертном исполнении большого числа профессиональных и любительских хоровых коллективов, организованных в так называемое хоровое движение. Следует отметить и то, что изучение хорового творчества и исполнительства как неотъемлемых составляющих отечественной культуры давно привлекало внимание исследователей. Однако в последние годы особую актуальность в работах ученых приобрели такие вопросы, как становление и развитие инфраструктуры хоровой культуры в контексте региональных социальных и экономических условий. В качестве примеров назовем такие исследования, как: «Становление хорового исполнительства на Южном Урале» С. И. Мирошниченко, «Формирование хоровой инфраструктуры в культурном пространстве юга Дальнего Востока России» С. Б. Чулковой, «Музыкальная культура Оренбуржья: история и современность (архивные изыскания)» Б. П. Хавторина и др.

В этом отношении хоровая культура Кемеровской области, как самого молодого и интенсивно развивающегося сибирского региона, на современном этапе мало изучена и представляет особый интерес как одно из звеньев отечественной музыкальной культуры XX века, а также как самобытное явление, развитие которого происходит в достаточно отдаленном от российских культурных центров районе. Важно выявление индивидуальных, специфических свойств исторического пути хоровой культуры Кемеровской области и принципов ее функционирования в культурно-музыкальном пространстве России. Поэтому внимание должно быть сконцентрировано на выстраивании документальной летописи культурно-музыкальных событий в контексте социокультурных изменений, происходивших в Кузбассе с середины XX века и по начало XXI столетия.

Прежде следует напомнить, что впервые термин «хоровая инфраструктура» был использован в диссертационном исследовании С. И. Ми-

рошниченко. Автор в своей научной работе не дает ему точного определения, обобщая его смысл как «взаимосвязанное функционирование пяти основных звеньев: крупные профессиональные коллективы (капеллы), камерные профессиональные хоры, самодеятельные коллективы, детские хоры, очаги бытования духовной музыки (церковно-приходские и епархиальные хоры, ансамбли духовной музыки)» [10, с. 14].

В дальнейшем термин «хоровая инфраструктура» в более широком значении используется в диссертации С. Б. Чулковой: «богатые исторические традиции хорового творчества, особенности современного хорового исполнительства и образования» [15, с. 5]. Соглашаясь с предлагаемыми формулировками, отметим, что для более точной корректировки термина необходимо рассмотреть собственно значение слова «инфраструктура». Так, термин «инфраструктура» (от лат. *infra* – под, структура) наиболее часто применим в области экономики, где он обозначает «совокупность отраслей, предприятий и организаций, входящих в эти отрасли, видов их деятельности, призванных обеспечивать, создавать условия для нормального функционирования производства и обращения товаров, а также жизнедеятельности людей» [12, с. 147]. В предлагаемой нами формулировке термина под «хоровой инфраструктурой» будет пониматься совокупная деятельность существующих в концертных, образовательных, культурно-досуговых и церковных учреждениях хоровых коллективов (профессиональных и любительских, детских, учебных), а также ориентированное на данных исполнителей композиторское творчество, обеспечивающее функционирование хорового исполнительского искусства в контексте музыкальной жизни как отдельного региона, так и всей страны.

Таким образом, целью данного исследования является рассмотрение в инфраструктуре хоровой культуры Кемеровской области указанных составляющих, для установления субъектов, определения их роли в профессионализации музыкальной культуры области и выявления динамики.

Период формирования исходных очагов хоровой культуры в Западной Сибири принято связывать с XVII веком. Именно в то время происходило бурное заселение Сибири переселенцами из центральных районов России. Первоначально немногочисленные формы музыкальной

жизни выполняли преимущественно утилитарную функцию. Особое значение для объединения и развития общественной жизни народонаселения имела церковная музыка, связанная со значимой для всего населения христианской моралью и обрядовостью. В существующих на территории будущей Кемеровской области храмах пели церковные хоры. Необходимо отметить, что образованные при строящихся храмах и церквях на территории Кузнецкого уезда школы, к которым относились церковные училища, церковно-приходские школы и школы грамоты, являлись сосредоточием культурной жизни сибирского населения [см.: 11, с. 77]. Уже в то время церковная музыка способствовала развитию и любительского пения. Отметим, что именно любительское (самодеятельное) хоровое пение в дальнейшем получит широкое применение в музыкальной жизни Кемеровской области XX столетия. Думается, что указанные очаги бытования хоровой культуры явились неким отправным пунктом для становления инфраструктуры хоровой культуры региона.

В последующем столетии большую роль в развитии музыкальной культуры Западно-Сибирского региона и Кузнецкого уезда сыграло создание ступенчатой системы музыкального образования, которое окончательно сформировалось к середине XX века. Первыми специализированными музыкальными заведениями явились открывающиеся с 1920-х годов музыкальные кружки в клубах, красных уголках шахт и предприятий, давшие прочную основу дальнейшему развитию самодеятельного хорового музицирования. В этих заведениях работали спецпереселенцы с музыкальным образованием, обучавшие желающих музыке по примеру Петроградской и Московской народных музыкальных школ.

Творчество самодеятельных кружков было широко распространено на территории будущей Кемеровской области. Показательно, что среди населения возрастает интерес к хоровому исполнительству, поскольку хоровое пение становится одним из главных атрибутов вечеров, устраиваемых в клубах, кружках и ячейках. Об этом свидетельствует ряд статей в местных газетах этого времени. Например, в газете «Кузбасс» за 24 апреля 1924 года в заметке «Вечер Ильича» сообщается, что в клубе Емельяновской ячейки РКСМ поют, репетируют коллективную декламацию [см.: 1, с. 3].

Бесспорно, импульсом для бурного развития хорового творчества в Кемеровской области еще в 40-е годы XX века явилась культурная политика советского государства, способствовавшая пропаганде хорового искусства и распространению массового хорового музицирования. Так, в статье «За творческий рост самодеятельных коллективов» говорится о существующих в регионе благоприятных условиях для создания кружков художественной самодеятельности. Автор констатирует: «представлена широкая сеть клубов, домов культуры, одаренные представители народного творчества окружены вниманием и заботой» [3, с. 4]. Обратим внимание на главное – вывод о том, что созданные условия поддерживают «несомненный творческий рост музыкальных и хоровых кружков» [3, с. 4].

Отметим еще один интересный факт в истории развития художественной самодеятельности в Кузбассе. В газете «Кузбасс» за 30 апреля 1924 года была опубликована гневная статья «“Летнее затишье” для бездельников», в которой говорилось, что клубы на летние месяцы заснут беспробудным сном, поэтому необходимо создать летние клубы для трудящихся во время летних посевных работ [см.: 7, с. 3]. Содержание данной статьи способствовало принятию решения о ежегодном культурном обслуживании коллективами художественной самодеятельности трудящихся во время летних посевных работ [см.: 8, с. 4].

С 1930-х годов XX века в Кузбассе формируется система музыкального образования. Так, в промышленных центрах открываются первые детские музыкальные школы (ДМШ). Показательно, что для процесса обучения обязательным было участие детей в хоре. Данное обстоятельство уже в начале 1940-х годов породило практику проведения в ДМШ фестивалей детского творчества, тематических вечеров, музыкальных гостиных. Так, начальные музыкальные заведения стали выполнять и профессиональные, и просветительские функции [см.: 13, с. 1].

Деятельность ДМШ подготовила в дальнейшем открытие музыкальных училищ в Кемерове (1944 год), Прокопьевске (1962 год), Новокузнецке (1974 год). Открытие в Кемеровской области первых профессиональных музыкальных заведений способствовало росту числа ДМШ, а также профессиональных концертных коллективов, развитию художественной самодеятельности. Закономерным становится организация в

училищах хоровых коллективов, которые выполняли учебную и концертно-просветительскую функции. В училищах открываются дирижерско-хоровые отделения. Однако до 1970-х годов специалисты с высшим образованием в Кузбассе не готовились. Лишь при открытии Кемеровского института культуры (1979 год) появилась возможность пополнять ряды работников культуры и искусства Кемеровской и других областей Сибири специалистами высшей квалификации.

В открывшихся высших заведениях в числе первых были организованы кафедры хорового дирижирования. Появление таких кафедр способствовало широкой деятельности квалифицированных профессионалов, обеспечило создание профессиональных коллективов. В Кемеровской области хормейстеров для любительских и профессиональных коллективов готовил Кемеровский институт культуры. Многие работавшие в нем педагоги-хормейстеры были выпускниками Свердловской, Новосибирской, Горьковской консерваторий и Московского института культуры, работали со студенческими хорами в институте, а также были руководителями самодеятельных хоровых коллективов на предприятиях, в других учебных заведениях. Немаловажное значение для упрочения позиций хоровой культуры Кемеровской области имела организация в 1958 году Кемеровского отделения Всероссийского хорового общества (ВХО), благодаря функционированию которого среди руководителей коллективов распространялись хоровые партитуры, столь необходимые для пропаганды хорового исполнительства. Также устанавливались творческие связи с ведущими хоровыми коллективами Ленинграда и Москвы. По инициативе и под руководством ВХО на территории Кузбасса открывались любительские кружки хорового и сольного пения [см.: 6, с. 4]. Позднее при Доме народного творчества была организована самодеятельная хоровая капелла (1961 год) под руководством А. В. Бернера [см.: 4, с. 4].

В то же время возросла роль профессиональных хоровых традиций, проявившаяся не только в функционировании большого числа коллективов, но и в возросшем качестве хорового исполнения. Среди существующих самодеятельных хоровых коллективов Кемеровской области выделялись следующие: мужской академический хор завода «Кузбасс-электромотор» (Э. А. Савченко); хор Кемеровской ГРЭС, хор Дворца

культуры производственного объединения «Азот» (П. А. Бурнашов). А также хор студентов Кемеровского технологического института пищевой промышленности (Л. И. Двойнос, Т. М. Фролова, О. В. Сорокоумова). Академический хор Кемеровского государственного университета (КемГУ) стал своеобразным «маяком» для многих самодеятельных хоров. Импульсом для формирования профессиональной линии становится создание Камерного хора Кузбасса, ставшего лауреатом на престижных европейских конкурсах, получившего статус Губернаторского, который успешно функционирует более пятнадцати лет.

Затем создаются и другие профессиональные коллективы индустриального региона: камерные хоры в Новокузнецке (1996 год) и Междуреченске (1998 год). В 1990-е годы возрождаются церковные хоровые коллективы, например, церковный смешанный хор Знаменского собора (1991 год), хор Новокузнецкого православного духовного училища (1994 год), смешанный хор церкви Троицы Живоначальной.

Таким образом, начиная с 1970-х годов в культурной жизни Кемеровской области активно функционируют многочисленные хоровые коллективы (профессиональные, детские и самодеятельные). В учебных заведениях обучаются певцы и хормейстеры, активно развивается деятельность Кемеровского отделения ВХО. Данное утверждение подтверждает и факт появления ряда хоровых сочинений в творчестве композиторов Кемеровской области: В. В. Шергова, С. Б. Толстокулакова, В. М. Пипекина и позже К. В. Туева.

К 90-м годам XX века инфраструктура хоровой культуры Кемеровской области сформирована, а хоровое искусство за короткие сроки своего становления и развития достигло высот. Однако уже с середины 90-х годов хоровая культура будет развиваться в более сложной ситуации, на которую повлияли кризисные события в социально-экономической жизни региона.

Литература

1. В рабочем клубе // Кузбасс. 1924. № 82. С. 2.
2. За творческий рост самодеятельных коллективов // Кузбасс. 1941. № 14. С. 1.
3. Кемеровское отделение Всероссийского хорового общества // Кузбасс. 1959. № 86. С. 4.
4. Колишер Г. Поёт хоровая капелла // Кузбасс. 1961. № 85. С. 4.

5. Корницкий Г. Между делом и инструкцией // Советская культура. 1985. № 1. С. 3.
6. Костюков П. Кружок хорового и сольного пения // Кузбасс. 1959. № 87. С. 4.
7. Летнее затишье для бездельников // Кузбасс. 1924. № 82. С. 2.
8. Лифиц М. Концертные бригады на селе // Кузбасс. 1950. № 125. С. 4.
9. Мамлеев Д. Что за почином? // Коммунист. 1984. № 2. С. 89–99.
10. Мирошниченко С. И. Становление хорового исполнительства на Южном Урале: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17. 00. 02. Магнитогорск, 1999. 25 с.
11. Мохонько А. П. Кузбасс музыкальный: Очерки по истории музыкальной культуры Кузбасса. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. 368 с.
12. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд. М., 2007. 495 с.
13. Тумилович П. Эти школы – гордость Кузбасса // Советская культура. 1971. № 67. С. 1–20.
14. Умнова И. Г. Творчество композиторов Кузбасса в музыкальной жизни региона: состояние и проблемы // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: Язык и речь современного искусства: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. Кемерово: КемГУКИ, 2007. Вып. 5. С. 313–327.
15. Чулкова С. Б. Формирование хоровой инфраструктуры в культурном пространстве юга Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Владивосток, 2003. 27 с.

Раздел 3. ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л. З. Боголепова

ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ В ИЗУЧЕНИИ КОЛЛЕКЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ВУЗОВСКОГО МУЗЕЯ

Во второй половине XX столетия с развитием высших учебных заведений в Кемеровской области создаются и функционируют вузовские музеи, тесно связанные с историей образования. Они становятся уникальными хранилищами историко-культурного наследия индустриально развитого региона, их коллекции – источниками для научных исследований этнографов, археологов, историков, культурологов.

История создания музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета не исключение. «Это было продолжением традиций отечественной и мировой практики организации музеев при университетах» [1, с. 5]. Научные материалы, собранные в ходе многолетних экспедиций, составили основной фонд коллекций музея. За годы своего существования музей стал крупным подразделением университета, музейным комплексом, включающим в себя четыре отдела: археологии, этнографии, экологии, истории вуза.

Начало создания музейного фонда по истории Кемеровского государственного университета относится к моменту открытия отдела истории вуза в 2003 году. В связи с подготовкой празднования 50-летнего юбилея университета остро назрел вопрос о сохранении для последующих поколений историко-культурного наследия высшей школы. История университета – это часть истории культуры, науки, истории формирования научно-педагогической интеллигенции, становления системы подготовки высококвалифицированных кадров Кузнецкого края, Сибири.

Актуальным на современном этапе развития музеев истории высшей школы является повышенное внимание к проблемам, связанным

с изучением коллекционных материалов, представляющих материальную, духовную культуру населения области. Феномен исторических коллекций предстает как своеобразный информационный потенциал, позволяющий получить знания об особенностях развития высшего учебного заведения, выявить особенности поиска и отбора экспонатов. Введение понятия «феномен музейной коллекции по истории высшей школы» в понятийный аппарат культурологии, как относительно молодой науки, позволит обогатить ее предметное поле и создать объективное представление о становлении культуры научно-педагогической интеллигенции. Раскрытие содержащейся в музейных предметах семантики позволит реконструировать культурные процессы, происходящие в среде научно-педагогической интеллигенции в годы ее становления, и выработать дальнейшие пути формирования новых видов культурных, социальных ценностей, норм и отношений в условиях современности. Особенности культуры каждого региона прослеживаются как произрастающие из исторических корней формирования местного сообщества.

Коллекционное собрание документальных и вещественных памятников музея по истории Кемеровского государственного университета представляет собой исторический источник большой научной ценности и насчитывает около четырех тысяч единиц хранения основного фонда: документы, фотографии, награды и подарки университету, мемориальные вещи ученых, приборы и учебные пособия, книги, предметы символики и др. Самым многочисленным является фонд фотодокументов, составляющий более 2,5 тыс. единиц хранения. Фотоколлекции отражают самые различные аспекты исторического прошлого и современной жизни Кемеровского госуниверситета. Коллекция разнообразна по жанрам. Она включает репортажные, видовые и бытовые снимки, одиночные и групповые портреты, с видами института (университета).

Основными направлениями работы отдела истории вуза являются: фондовая работа, научно-исследовательская, выставочно-экспозиционная и учебно-методическая деятельность. Процесс *научной обработки фондов* складывается из ряда этапов, главными из которых являются атрибуция и классификация музейного предмета. В настоящее время традиционные подходы сочетаются с инновационными методами, что отвечает современным тенденциям в музееведении. Это, прежде все-

го, необходимость информатизации музейной деятельности по сохранению, изучению и популяризации историко-культурного наследия региона. «Вузовские музеи Западной Сибири на современном этапе своего развития стремятся к введению коллекционных материалов в виртуальное обозрение современного информационного пространства музеев мира через Web-сайты» [2, с. 19].

Внедрение инновационных форм работы в отделе истории музея КемГУ происходит по ряду направлений:

1. Разработка и внедрение электронной книги поступлений (КП) по систематизации, учету и хранению музейных предметов.
2. Создание электронного каталога коллекций по истории вуза.
3. Накопление электронной базы данных коллекций (сканирование, фотосъемка, оцифровка предметов).
4. Создание резервных копий на CD и жестких носителях с материалами коллекций.
5. Составление научных паспортов с использованием информационных технологий.
6. Создание текстовых электронных материалов.
7. Внедрение новых методов исследования.

Представленная база данных в электронной КП коллекционного материала по истории вуза позволяет хранить следующую информацию: инвентарный и коллекционный номер музейного предмета, название коллекции, название (описание музейного предмета), фонд, материал, размеры, сохранность, способ, дата поступления музейного предмета.

Электронная книга поступлений, создаваемая в программе Microsoft Excel, зарекомендовала себя как позитивная форма работы с коллекционным материалом. Это удобный и наглядный ввод информации, быстрый поиск нужного материала, выполнение задач по систематизации коллекций, их численности и т. д. На следующем этапе планируется конвертирование полученных результатов работы в Microsoft Excel в базу данных электронного каталога, которая включает систему регистрации, хранения, пополнения и просмотра информации в форме, удобной для пользователя.

Применение информационных методов в формировании и систематизации электронной базы данных коллекций способствует распро-

странению использования историко-культурного наследия в учебный и научно-образовательный процессы. Музейное коллекционное собрание приобретает свойство мобильности путем перевода его в электронный вид. Информатизация музейной деятельности способна не только усовершенствовать отдельные аспекты деятельности вузовских музеев, но и повысить его социальный статус в целом и усилить учебно-воспитательную функцию в деле подготовки специалистов в различных областях науки.

Научно-исследовательская деятельность заключается в тщательном изучении, систематизации и подготовке к экспонированию собранных материалов. Это памятники материальной и духовной культуры края, из которых значительный интерес представляют следующие коллекции: фотография; нумизматика и фалеристика; предметы символики, сувениры; периодика, награды.

Большая часть музейного собрания – это документальные материалы по истории Кемеровского государственного университета. В последнее время наблюдается активизация региональных музееведческих исследовательских разработок историко-культурного наследия, поиск новых методов, направлений. Одним из таких направлений исследования в работе музея Кемеровского государственного университета является просопография – научное направление, цель которого – в раскрытии сути какого-либо исторически значимого социального явления или учреждения через рассказ о лицах, судьбы и деяния которых тесно связаны с соответствующими учреждениями и явлениями [см.: 3, с. 43–45].

Музеи истории высших учебных заведений имеют свою специфику. Прежде всего, они хранители тех историко-культурных ценностей, которые созданы с помощью отдельных личностей, формирующих становление высшего профессионального образования. Целью просопографических исследований является осмысление региональных сообществ, в частности научно-педагогической интеллигенции, в качестве субъектов культурологического процесса. Творческий путь почти каждого из ветеранов, занимающихся наукой, связан с созданием научных школ, кафедр университета, доцентами и профессорами которых стали сегодня их ученики. В связи с этим возрастает значение музея истории как хранителя и транслятора духовно-нравственных ценностей.

Определенный и вполне значимый интерес при этом представляет проблема формирования электронных просопографических баз данных на основе архивного материала, документов отдела. С помощью программы MS Excel положено начало созданию электронной базы данных, включившей биографии преподавателей университета, работавших в разное время – с момента создания Кемеровского педагогического техникума (1928 год) и до 1974 года (важный этап в формировании научно-педагогической интеллигенции). Анализ информационной базы позволяет воссоздать коллективный портрет научно-педагогического коллектива университета, его вклад в развитие интеллектуального социокультурного потенциала региона, изучение культуры как целостности.

Для исследования научно-педагогической интеллигенции Кемеровского госуниверситета анализируются следующие показатели: дата рождения, место рождения, национальность, социальное происхождение, уровень образования (название учебного заведения и год его окончания), научная и общественная деятельность, членство в различных обществах, стаж работы в вузе, причина приезда в Кемеровскую область, должность.

В результате научной обработки коллекционных материалов подготовлена основа для создания методического пособия «Комплектование, учет и хранение коллекций музеев по истории высших учебных заведений».

Выставочно-экспозиционная деятельность. За время существования отдела истории обозначилось несколько этапов массового пополнения коллекций: подготовка и проведение 50-летнего юбилея университета, участие в написании и издании книги по истории Кемеровского государственного университета, подготовка и проведение юбилейного мероприятия «25-летие ветеранского движения КемГУ». В результате был собран ценный исторический материал, который нашел свое воплощение в постоянной экспозиции «КемГУ вчера, сегодня, завтра». Не имея своей экспозиционной площади в музее вуза, отдел истории использует пространство в стенах вуза. Представленная тематическая экспозиция состоит из шести настенных витрин под стеклом, с подсветкой и размещена в удобном для просмотра месте – переходе между корпусами, где проходит большое количество студентов, преподавателей, сотрудников, гостей университета. Экспозиция отражает историю уни-

верситета, посвящена выдающимся ученым вуза разных лет, внесшим значительный вклад в развитие образования. В ней представлены копии исторических документов, архивных и фотодокументов, фотографии, предметный материал. В связи с накоплением материала, появлением новых фактов в истории университета, огромным интересом к историко-культурному наследию экспозиция постоянно обновляется, добавляются новые тематические витрины: «Ветераны Великой Отечественной войны», «Ветеранская организация КемГУ», «У истоков становления вуза», «Юбилейные даты».

К памятным датам, юбилеям с помощью материалов фонда создаются различные выставки, размещенные в разных корпусах университета. В более быстром нахождении нужной информации помогает электронная база коллекций. Часть музейных предметов используется на выставках за пределами университета – в областном краеведческом музее, школах города.

Экспозиционно-выставочная деятельность является действенной формой собирательской работы с ветеранами, молодым поколением и направлена на воспитание бережного отношения ко всему тому, что создано умом и трудом ряда поколений преподавателей, развитие чувства патриотизма.

Учебно-методическая деятельность. Отдел истории музея КемГУ сохраняет и культивирует традиции вуза, его исторический, научно-педагогический и творческий потенциал, развивает, поддерживает и пропагандирует духовно-нравственную культуру университета.

Отделом истории вуза подготовлено методическое пособие по истории создания и развития университета для внеучебной работы кураторов со студентами, целью которого является знакомство первокурсников с формированием традиций вуза и его научным потенциалом.

Одним из направлений работы музея стало тесное сотрудничество с ветеранской организацией вуза, благодаря чему на основе собранных исторических источников составляется сценарий торжественных мероприятий (День Победы, юбилейное ветеранское мероприятие), оформляются фотовыставки («День снятия блокады Ленинграда», «Ветераны Великой Отечественной войны», юбилей факультета). Систематически

оказывается методическая помощь ветеранам, сотрудникам и студентам университета по всем вопросам, связанным с его историей.

К 65-летию Победы подготовлен для печати оригинал-макет буклета «Ветеранская организация Кемеровского государственного университета», где отражена общественная деятельность ветеранов вуза. Одним из видов образовательной деятельности музея являются индивидуальные консультации со школьниками, студентами и преподавателями, которые используют материалы коллекций музея для научной работы – докладов, рефератов, курсовых и дипломных проектов.

Научно-просветительская работа включает в себя проведение экскурсий, а также издательскую деятельность, предоставление материалов для университетского телевидения, в периодические издания города. С открытием выставок, проведением юбилейных торжественных мероприятий усиливается работа по поиску новых документальных источников. Для пополнения электронной базы данных по истории вуза отдел истории музея КемГУ проводит фотосъемку ветеранских и общеуниверситетских мероприятий.

Внедрение новых форм инновационной деятельности в изучение коллекционного материала по истории высшей школы показывает, насколько высок потенциал музея в различных аспектах: историческом, образовательном, культурологическом. Этот потенциал складывается из богатого коллекционного собрания музейных предметов по истории вуза.

Литература

1. Мартынов А. И. Вузовский музей. Особенности и традиции // Музей и наука: Материалы научно-практического семинара, посвященного 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири Кемеровского государственного университета»: сб. ст. Кемерово, 2002. С. 5–8.
2. Белоусова Н. А., Кимеева Т. И. Формирование инновационных моделей музейной коммуникации в музеях высшей школы Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2007. С. 19–22.
3. Григорькин В. А. Новое концептуальное направление исследования культурного наследия // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2007. С. 43–45.

ПЕРЕДВИЖНЫЕ ВЫСТАВКИ В ИМИДЖЕВОЙ ПОЛИТИКЕ МУЗЕЯ

Анализируя процессы, происходящие в музейной сфере, мы отмечаем начавшийся процесс изменения социальной роли музея, перестройки форм и методов работы, направленной на повышение эффективности взаимодействия музея с обществом.

Для развития своей деятельности музеям требуется искать новые методы имиджевой политики, новые формы оптимального взаимодействия с обществом. Если раньше потребитель шел к музею, то теперь музей должен идти к потребителю [см.: 3, с. 41].

Актуальность выбранной темы обоснована тем, что на современном этапе региональные музеи активно включаются в поиск расширения новых видов мероприятий, способствующих оформлению имиджа музея. Данное исследование представляет опыт Томского областного краеведческого музея (далее ТОКМ), демонстрирует важность использования передвижных выставок, которые укрепляют традиционные функции музея, способствуют увеличению числа посетителей и формированию положительного образа учреждения в регионе.

Российские региональные музеи сегодня находятся в интенсивном поиске форм работы, позволяющих сделать музейное учреждение более восприимчивым к новым общественным реалиям и более привлекательным для внешних потребителей. Музеи пытаются играть на поле образования, формируя соответствующие продукты, осваивают сферу досуга, развивая обмен выставками, – словом, формируют некий пакет услуг, который может создаваться именно на специфическом музейном ресурсе. В этот пакет входят и имиджевые услуги, производство и предложение которых может серьезно укрепить статус музеев и принести им значительные доходы [см.: 3, с. 41].

Действуя в новых экономических условиях, российские музеи сохраняют свои исторические функции: выявление, сбор предметов и формирование коллекций, их хранение, изучение и экспонирование.

Однако наряду с традиционными возникают и новые направления деятельности. Музеи решают, в том числе, вопросы эффективной про-

фессиональной деятельности, привлечения посетителей и извлечения прибыли. Появились новые задачи, связанные с рекламой и PR, повышением имиджа музея в обществе, требующие нетрадиционного подхода к их осуществлению [см.: 1, с. 35–38].

Цель данной работы заключается в выявлении значимости передвижных выставок в имиджевой политике музея, как одного из способов популяризации музейного продукта.

Категория «имиджевая политика музея» уже длительное время и вполне легитимно применяется к широкому кругу мероприятий, организуемых музеем. Для ТОКМ впервые эта категория оказалась востребована при работе со спонсорами музея и в дальнейшем при осуществлении совместных проектов с другими музеями России и сторонними организациями.

Имидж – это представление о музее, то, как он выглядит в глазах посетителя, партнера и как выстраивает систему своей функциональной значимости для внешней среды.

С этой целью в Томском областном краеведческом музее было создано более 15 передвижных экспозиционно-выставочных проектов:

- модульные;
- стендовые, выполненные на пенокартоне;
- стендовые, выполненные на пластике;
- копии фотографий, литографий, живописи, графики в багетных рамах;
- копии бронзовой металлопластики.

Главная цель данных проектов – осуществление работы на местах, возможность привлечь гораздо большее число посетителей, опираясь на научно-просветительскую работу и воспитание нравственных и духовных качеств аудитории. Мобильные передвижные выставки не требуют большой площади для размещения (школьный класс, фойе, актовый зал, уличная площадка и т. д.)

Работа по созданию базы выставочных проектов, которые легки в транспортировке, перемещении, экспонировании, началась с 2004 года. Тематика выставок различна. В 2004 году, к 400-летнему юбилею города Томска, была создана первая мобильная выставка «Гербы и флаги. Россия. Сибирь. Томск», состоящая из восьми модульных стендов и расска-

зывающая об истории российской сибирской символики с XVI века до современности.

В 2005 году в рамках празднования 60-летия Победы в Великой Отечественной войне сотрудники музея подготовили мобильную передвижную выставку «По дорогам войны», в основу которой вошли фронтовые снимки Виктора Алексеевича Кондратьева, томича, участника войны 1941–1945 годов. Выставка демонстрирует сюжеты боевых действий, полевых госпиталей, фронтовых дорог, полевой кухни, отдыха солдат в перерывах между боями. Она состоит из 15 модульных стендов, удобных в размещении на площади от 30 кв. м.

Кроме того, к этой дате было приурочено создание стендов «Окна ТАСС в Томске». Плакаты периода Великой Отечественной войны Михаила Михайловича Щеглова. Яркие карикатуры, призывы-лозунги, рассказ о событиях на фронте и в тылу, комментарии к сводкам Информбюро. В составе выставки 40 копий уникальных произведений графики, изготовленных на пенокартоне, удобного формата – 60х40 см, 60х80 см.

В 2006 году к проведению в Томске российско-германских переговоров была подготовлена «Музейная мозаика» – презентационная, стендовая выставка, рассказывающая об истории Томского областного краеведческого музея и его коллекциях.

Выставка «Проектировал и рисовал архитектор К. К. Лыгин» знакомит с творчеством выдающегося архитектора Константина Константиновича Лыгина, внесшего большой вклад в формирование исторического облика города, с демонстрацией акварельных эскизов, чертежей и проектов памятников архитектуры г. Томска конца XIX – начала XX века. Представляет собой 60 изображений формата 60х90 см, оформленных в багетные рамы.

В 2008 году была подготовлена для презентации на Всероссийском музейном конкурсе «Интермузей-2008» выставка «Легенды города. Старец Федор Томский». Имя легендарного старца, жившего в Томске в середине XIX века, известно далеко за пределами Сибирского региона и постоянно притягивает внимание. Личность Федора Томского и вопрос идентичности старца и императора Александра I вызывают неподдельный интерес. Выставка состоит из копий живописных полотен 2-й половины – конца XIX века и пяти стендов, где представлены изображения кельи Федора Кузьмича, его личных вещей.

Стендовая этнографическая фотовыставка «Жизнь озерных людей», в основу которой вошли фотографии ученого, этнолога, профессора Венгерского университета Золтана Надь, знакомит зрителей с предметами материальной и духовной культуры васюганских хантов.

В августе 2008 года в рамках организации Областного форума «Культурное наследие Томской области» были подготовлены выставочный проект «Нарым – Сибирская Венеция», представленный художественно оформленными, красочными стендами, каждый из которых демонстрирует многогранную историю старинного сибирского города, и выставка «Путешествие в заштатный город Нарым», показывающая копии живописных работ Павла Михайловича Кошарова, известного томского художника.

В 2009 году в память о военном конфликте на острове Даманский была подготовлена стендовая выставка «Даманская сталь», пополнявшаяся на протяжении всего года фотоизображениями из частных коллекций томичей, участников событий на советско-китайской границе.

В июле 2009 года в рамках проведения Дней культуры Томской области в Эстонии была подготовлена выставка «Архитектурный облик Томска за четыре века», прослеживающая изменение облика старинного сибирского города за четыреста лет истории. В составе экспозиции 30 копийных работ: гравюра XVII века, литографии середины XIX века, графика, живопись конца XIX – начала XX века, работы томских художников советского периода, а также снимки современных фотографов.

Также к этому мероприятию было приурочено создание выставки «Кулайская таежная цивилизация», представляющей копии бронзовой металлопластики – уникальное археологическое собрание Кулайской культуры, которая относится к V веку до н. э. – V веку н. э. Ее историческая и художественная ценность стоит на одном уровне с одновременным скифским звериным стилем.

В октябре 2009 года в рамках проведения II Музейного форума Томской области сотрудниками ТОКМ был осуществлен новый мобильный выставочный проект «Птицы. Рисунки орнитолога И. М. Залесского (1910–1915 годы)». Экспозиция подготовлена на основе уникальной коллекции акварельных зарисовок анималистического направления.

Все перечисленные выставочные проекты выполнены на документальном историческом материале, с использованием богатейших фондов ТОКМ, которые насчитывают около 200 тыс. единиц хранения.

Помимо научно-просветительских задач передвижные выставки выполняют представительские функции музея, что является неотъемлемой частью имиджевой политики. Кроме тематического, экспозиционного материала на мобильных стендах размещается краткая информационная справка о музее с указанием контактов для привлечения посетителей непосредственно в выставочные залы. Передвижные экспозиционно-выставочные проекты ТОКМ рассчитаны на широкий круг зрителей. Привлекательностью данных проектов является их доступность, возможность размещения в организациях разного профиля и неограниченные возрастные рамки для зрителей.

Согласно статистическим данным администрации ТОКМ посещаемость передвижных выставок в 2008 году составила 9 % от общей посещаемости музея, в 2009 году – 18 %, что составляет 21136 зрителей.

В 2008 году основная часть экспозиционных проектов была осуществлена в образовательных учреждениях города Томска и области: школы, лицеи, техникумы, кадетский корпус (в 2008 году – 77 % от общей посещаемости передвижных выставок ТОКМ, в 2009 году – 75 %).

В 2009 году была предпринята успешная попытка сотрудничества музея с правоохранительными органами: ГИБДД Томской области, прокуратурой Томской области, Томской таможней, УВД по Томской области (10 % от общей посещаемости передвижных выставок ТОКМ).

Ежегодно ТОКМ участвует с передвижными проектами в общественных мероприятиях, проводимых администрацией Томской области: Областной форум «Культурное наследие Томской области» (приказ № 179-0 от 01.08.2008 года), мероприятия, посвященные 65-летию образования Томской области (приказ № 329-0 от 05.08.2009 года); Томским областным советом ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов: «День воинской славы России», торжественное поздравление участников Сталинградской битвы (приказ № 13 от 21.01.2010 года) и других.

Работа по организации передвижных выставок ведется на договорной основе и с составлением обязательного пакета документов: приказ

по основной деятельности администрации ОГУК ТОКМ, договор о совместном проведении выставки, акт сдачи-приемки, акт выдачи и возврата предметов, справка о посещаемости.

Анализ статистических данных показывает, что количество посетителей передвижных выставок музея увеличивается с каждым годом. Это влияет на общую посещаемость выставочных проектов ТОКМ, так как знакомство с мобильными выставками привлекает посетителей непосредственно в экспозиционные залы.

Работа по рекламе и продвижению передвижных проектов получила новый аспект: выставки становятся востребованными и ориентированными на широкий круг зрителей. Кроме того, специалисты музея, проводя различные исследования, готовят проекты социальной направленности для определенного круга людей, расширяя тематический ряд экспозиционных проектов. Все это в целом позволяет продемонстрировать богатые музейные коллекции ТОКМ, укрепить связи с общественными организациями и органами власти, что в свою очередь благоприятно сказывается на имиджевой политике музея.

Литература

1. Андрейкина Н. С. Бренд в сфере культуры и искусства // Музей. 2005. № 2. С. 35–38.
2. Дремайлов А. В., Костяян С. А., Пахомова Е. И. Соответствие информационных услуг музея ожиданиям посетителей // Справочник руководителя учреждения культуры. 2010. № 2. С. 46–61.
3. Загоскин Д. В. Мультимедиа-презентация как имиджевая музейная услуга (из производственного опыта Томского областного краеведческого музея) // Справочник руководителя учреждения культуры. 2005. № 4. С. 41–52.
4. Козырева Т. В. Влияние инфраструктуры городов ХМАО на использование свободного времени молодежи // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность: сб. ст. Ханты-Мансийск, 2007. № 4. С. 59–75.
5. Черняк Э. И. Опыт и перспективы комплексного развития музейного дела в формате регионального учреждения (на примере Томского областного краеведческого музея 2000–2005 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 1. С. 121–131.

**МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА)**

Начало XXI века характеризуется появлением новых подходов к использованию, изучению и сохранению историко-культурного наследия. Деятельность региональных музеев и использование их коллекций в коммуникативном пространстве требуют применения новых методов или совершенствования уже известных в музейном деле. Для современной музейной практики характерны различные технологии обучения и воспитания, обеспечивающие активизацию творческих способностей детской (подростковой) музейной аудитории. В настоящее время, на наш взгляд, наиболее продуктивными являются игровые технологии.

Структура игровых технологий основывается на том, что детская (подростковая) музейная аудитория сталкивается с конкретным случаем, взятым из практики, и отдельные музеи рассматривают альтернативы внедрения игры в музейную деятельность, представляют свои варианты решения. Учащимся предлагается осмыслить реальную историческую жизненную ситуацию, описание которой актуализирует при разрешении данной проблемы определенный комплекс знаний, необходимый для усвоения.

Цель игровых технологий – развитие способности музейной аудитории к принятию решений в ситуации неопределенности, что, в свою очередь, требует организации обучения как процесса поиска и принятия этого решения. Известно, что русский традиционный костюм, как никакой другой элемент русской культуры, тесным образом связан с реальной действительностью. Именно поэтому применение игровых технологий в процессе знакомства с русским традиционным костюмом в музейной среде имеет наиболее действенное значение.

Игра как особая форма взаимодействия человека с миром рассматривалась в эпоху античности. В эпоху Средневековья сложилось негативное отношение к игре, что сделало почти невозможной направленность человеческой мысли на исследование этой деятельности. Интерес к игровой деятельности возрождается в XIX веке, появляются первые

научные теории. Игра рассматривается как важное средство формирования и тренировки навыков, необходимых для психофизического и личностного развития, как первичная форма приобщения человека к социуму, как один из способов формирования способности к обучению и воспитания чувства ответственности за свои поступки и свою группу.

В XX веке интерес к изучению игры усиливается. Ряд исследователей (У. Макдауголл, Ф. Я. Бентендейх и др.) выдвинули тезис, что игра – это «социальный инстинкт», присущий каждому человеку. Многие выдающиеся педагоги справедливо обращали внимание на эффективность ее использования в процессе обучения [4].

В России игры стали объектом исследований и разработок в 1960-х годах. Интерес к ним обусловлен теми возможностями достижения целей обучения и воспитания, которые не могут быть предоставлены другими, традиционными методами обучения [1]. В отечественной литературе встречаются различные взгляды и подходы к сущности дидактических возможностей игр. Л. С. Шубина, Л. И. Крюкова и др. относят их к методам обучения. Игру как средство обучения характеризуют В. П. Бедерканова, Н. Н. Богомолова. Игровую деятельность как проблему рассматривали К. Д. Ушинский, П. П. Блонский, С. Л. Рубинштейн. Наиболее полное определение игры дает В. С. Кукушин, считая, что игра – это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением [3].

В настоящее время теоретиками и практиками игра рассматривается как феномен сознания (И. Е. Берлянд), феномен культуры (С. А. Шмаков), средство воспитания (Н. П. Анисеева и др.), самовоспитания и самопознания (О. А. Казанский и др.), терапевтическое средство (Г. Л. Лэндрет, С. Р. Слевсон, А. С. Спиваковская и др.), средство обучения и пр. Таким образом, игра – многогранное понятие, обозначающее как особый, адогматичный тип миропонимания, так и совокупность определенных форм человеческой деятельности. Это деятельность, осуществляемая в определенных условиях и направленная на эмоциональное, интеллектуальное, нравственное развитие человека и выявление его способностей.

Понятие «игровая технология» возникло позже и означает – процесс организации и реализации игры. Данный метод представляет собой

наглядную характеристику практической проблемы и демонстрацию поиска способов ее решения. По своему целевому назначению он является чаще всего практически-проблемным, исследовательским методом. Игровые ситуации могут быть различными по объему времени и содержанию, что зависит от целей обучения, уровня знаний и умений музейной детской (подростковой) аудитории, а также от того, какую помощь необходимо оказывать в процессе принятия решений.

В настоящее время в качестве основного метода работы музейного педагога широкое применение находят игровые технологии. Игра в условиях музейной среды рассматривается как направленная активность детской и подростковой аудитории, объединенной общими интересами. Следовательно, она основывается на содержательной мотивации и эмоциональной вовлеченности посетителей в процесс, на высоком уровне познавательной активности. Воссоздание реальной исторической ситуации через игру в различных вариациях используется в музее в качестве самостоятельных технологий, применяемых в процессе обучения и воспитания.

Являясь интерактивным методом обучения и воспитания, игровые технологии вызывают позитивное отношение со стороны школьников, которые видят в них особую игру, способствующую освоению теоретических положений и овладению практическим использованием материала. Следует отметить, что анализ различных ситуаций воздействует на профессиональную ориентацию учащихся профильных гуманитарных классов, формирует познавательный интерес и устойчивую мотивацию по отношению к учебной деятельности. Метод направлен на развитие общего интеллектуального и коммуникативного взаимодействия ученика и учителя.

Музейные занятия с элементами игровых технологий строятся таким образом, что каждый участник «проживает» различные ситуации, определяет свои способности к лидерству, к поддержке, к творчеству, к признанию заслуг другого, к умению отстаивать свою позицию, а также понимать и принимать другого и т. д. Следовательно, каждый узнает себя как партнера по общению, открывает в себе самые разнообразные стороны личности: и те, которые помогают установить контакт, и те, которые мешают этому.

Использование игровых технологий в музейной педагогике при изучении русского традиционного костюма преследует цель – сохранение и трансляция материальных свидетельств опыта творческой деятельности народа. Музей в процессе игры создает художественно-временное пространство, и таким образом происходит своеобразное «погружение» музейной аудитории в эстетико-художественную, духовно-нравственную атмосферу изучаемой эпохи, что способствует аналитическому осмыслению целостного, эмоционально-чувственного восприятия окружающего мира через развитие и становление русского традиционного костюма.

Игровые технологии ставят своей целью не только активизировать у зрителя-участника мыслительную активность, внимание, память, но и приобщить его к фундаментальной иерархии человеческих ценностей, отраженной в архетипических темах, образах, символах. В ряде музеев Кемеровской области применяются методы игровых технологий. Так, сотрудниками музея МУК «Юргинский районный краеведческий музей» в 2009 году методы игровых технологий использовались при проведении праздника «Покрова Пресвятой Богородицы», в основу которого положен образ дома, семьи, быта, который проводится на базе музея в интерьере русской избы. Мероприятие показало, что применение игровых технологий в музейной работе с детьми позволяет актуализировать прошлое, корректировать его влияние на день нынешний и связывать их с ценностями настоящего времени. Игровые элементы помогают учащимся ближе познакомиться с новыми для себя декоративно-прикладными видами рукоделия, основными элементами русского традиционного костюма. Музейная аудитория приобщается к истории народа, его культуре, «проживает» и переживает на эмоциональном уровне гармонию крестьянского жилища, где в убранстве органично сочетаются польза и красота, где рождались сказки, песни и самобытные образы народного творчества. Данная ситуация позволяет учащимся испытать эмоциональный подъем от прикосновения к минувшим эпохам, определить свое место в культурном пространстве.

Таким образом, в процессе игры в музейной среде развивается продуктивное творческое поисковое мышление детской аудитории не в общих чертах, а применительно к выполнению игровых элементов. В игровых ситуациях имеется возможность отменить решение, которое оказалось неудачным, вернуться назад и принять другой ряд решений,

для того чтобы определить их преимущества и недостатки по сравнению с уже опробованными. При этом одна и та же игровая ситуация может проигрываться несколько раз для того, чтобы дать возможность участникам побывать в разных ролях и внести в них свои решения. В ходе игры все участники пробуют себя в различных социальных ролях.

В результате участия в играх, воспроизводящих реальные условия практической деятельности, у учащихся повышается мотивация к изучению культуры своего народа, активизируется интерес, воображение, творческий поиск, экспериментирование. В ходе игры усвоение знаний носит естественный, произвольный характер. Если в процессе использования традиционных методов обучения перед музейной аудиторией стоит задача – запомнить полученную информацию, то при использовании игровых технологий – воссоздать историческую эпоху, образ. Сведения об эпохе, ее образе посетители получают от педагога через знакомство с музейными экспонатами, а также посредством мультимедийных презентаций. Таким образом, происходит самостоятельное получение новой информации через создание исторических сюжетов, образов.

При знакомстве с русским народным костюмом наиболее эффективным является многосенсорное воздействие, когда визуальное восприятие сопровождается рассказом экскурсовода, музыкальным сопровождением, тактильными и обонятельными ощущениями, с использованием интерактивных экспозиций. В ходе игры русский традиционный костюм воспринимается как образное отражение разнообразных компонентов культуры народа: духовной (религиозной, эпической); соционормативной (право, мораль, обычай, ритуал, магия); познавательной (эмпирические и научные знания, опыт), эмоциональной. Таким образом, прослеживается процесс формирования народного костюма, развернутого во времени и пространстве: влияние на его развитие совокупности самых различных факторов – природно-климатических, социально-политических, экономических и др. Русский традиционный комплекс одежды выполняет этнодифференцирующие и этноинтегрирующие функции и аккумулирует в себе элементы, возникшие в разные исторические эпохи, что позволяет рассматривать его развитие «по вертикали», то есть в разных хронологических срезах, и «по горизонтали» в пространстве (в процессе перемещения по территории обнаруживается по-

степенное накопление отличий в одежде). Какие-то элементы сохраняются в костюме и продолжают долгое свое функционирование, какие-то практически бесследно исчезают [2].

Следовательно, комплексный подход позволяет музейному посетителю выстроить на основе полученной информации четкую систему знаний и ценностей, касающихся вопросов культуры и традиций русского народа.

Эффективность игровых технологий в системе профильного обучения доказывается анализом их применения на базе школьного музея МНОУ «Зеленогорский лицей-интернат» и МУК «Крапивинский районный краеведческий музей». В процессе эксперимента в МНОУ «Зеленогорский лицей-интернат» в 2007 году было выявлено следующее:

- при использовании игровых технологий на занятиях в музейной среде достигаются высокие результаты в работе с обучающимися, так как появляется учебная мотивация;

- у учащихся заметно повышается уровень усвоения учебного материала;

- игра способствует быстрому усвоению учебного материала учащимися профильных классов, снятию эмоционального напряжения, развитию коммуникативных способностей.

Однако результаты эксперимента показали, что многие преподаватели не применяют игровые технологии обучения на занятиях, вследствие того, что недостаточно разработан методологический инструментарий и не определены организационно-педагогические условия.

Музейным педагогам в процессе использования игровых технологий необходимо предоставить учащимся возможность самостоятельного выбора и включения в конкретную роль. Необходимо выделить тьюторов, которые при подготовке к проведению игры в музейной среде помогают учащимся решить вопрос с выбором роли; выступают в качестве консультантов проблемных ситуаций, отражающих вероятный характер событий; контролируют игровой режим, решают возникшие вопросы и дают оценку деятельности всех участников игры.

В современном музее познавательный интерес у детской и подростковой аудитории в значительной мере развивает игра, выступающая как один из факторов социального развития личности. Требуется совершенствование методики игровых технологий, культурологическое ос-

мысление данного явления, воспитание квалифицированных музейных педагогов и последовательное внедрение игровых технологий в процесс деятельности музеев различного профиля, в том числе – региональных, включающих коллекции по истории русского костюма.

Литература

1. Агеева Т. П. Инновационные педагогические технологии в процессе профессионального самоопределения будущих учителей // Высшее образование сегодня. 2007. № 11. С. 55–57.
2. Домненкова Л. Народный костюм: традиции, современные проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс]. URL: <http://www.htpcostume.iatp.by/main060206.html>
3. Кукушин В. С. Педагогические технологии: учеб. пособие для студентов педагог. вузов. Ростов н/Д, 2002. 320 с.
4. Петричук И. И. Еще раз об игре // Педагогика. 2007. № 7. С. 57–63.

А. Н. Тарасова

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАБОТЕ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ

В настоящее время музей существенно изменил и расширил свои социальные функции. Он стал реальным фактором в решении главной социальной задачи – через взгляд на прошлое он формирует современное общественное сознание.

Именно музеи сегодня способствуют воспитанию патриотизма – чувства, основанного на памяти и благодарности к делам наших предков.

Школьное музееведение – быстро развивающееся направление воспитательной работы. Создаваемые школьные музеи уникальны. Они занимают особую нишу в образовательном пространстве.

Современное понятие «образование» связывается с толкованием таких терминов, как «обучение», «воспитание», «развитие». Однако ранее оно имело более широкое значение. Словари рассматривают термин «образование» как существительное от глагола «образовывать» в смысле «создавать», «формировать» или развивать новое. Создавать новое – это и есть инновация.

Инновация – это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы. Термин происходит от латинского «обновление», «улучшение».

Таким образом, образование по своей сути уже является инновацией, а детские образовательные учреждения – местом создания и применения инновационных методов. Школьные музеи не должны оставаться в стороне.

Связь с учебно-воспитательным процессом, самостоятельная поисковая и исследовательская работа обучающихся, связь с ветеранами и общественностью, с государственными профессиональными музеями – принципы деятельности школьных музеев.

Традиционными формами работы школьных музеев являются: экскурсии, конференции, праздники, уроки мужества, конкурсы, викторины, встречи и предметные уроки. Однако в последнее время, в связи с формированием новой модели музея (коммуникативной), применяются **инновационные методы: проект, ролевая игра, компьютерная викторина, конкурсы-задания, виртуальные экскурсии и другие формы**, способствующие активизации диалога между экскурсоводом и экскурсантами.

Инновационные методы работы широко используются в нашей стране и за рубежом. Например, ролевая игра стала утверждаться в зарубежной музейной практике еще в 1970-е годы. Российские государственные музеи активно сотрудничают с музеями образовательных учреждений – работают над проектами, проводят музейные праздники, составляют виртуальные путеводители.

Вместе с тем, освоение инновационных принципов музейной работы в Новосибирске и Кемерове, как нам кажется, находится лишь на первоначальной стадии. Многие актуальные методики используются не в полной мере. Этому есть множество объяснений (практически полное отсутствие молодых специалистов в музеях образовательных учреждений, низкая заработная плата и другие причины).

«Все новое – хорошо забытое старое». Школьные музеи Новосибирска и Кемерова сочетают традиционные и инновационные методы работы с детьми. Школьные музеи Новосибирска активно работают над

виртуальными экскурсиями. Виртуальные экскурсии имеют признаки, характерные для традиционных экскурсий. Однако сам способ получения нового материала, в основном – это Интернет, – ресурсы, форма подачи этого материала – все это делает традиционную экскурсию нетрадиционной. Новые технологии более привлекательны для детей. Кроме того, виртуальные экскурсии позволяют и самим детям участвовать в их создании.

Так, например, созданием виртуальных экскурсий и циклов экскурсий активно занимаются Новосибирский государственный педагогический лицей (НГПЛ), Аэрокосмический лицей и другие учреждения. Создаются экскурсии по истории педагогики, истории учреждений, города, улиц и др.

Однако инновационная деятельность не ограничивается только виртуальными экскурсиями. В последнее время музеи города Новосибирска проводят виртуальные семинары, конференции. В октябре 2009 года проводилась on-line-конференция «Парень из нашего города», посвященная трижды Герою Советского Союза А. И. Покрышкину, в которой приняли участие все желающие образовательные учреждения.

В настоящее время образовательные учреждения города создают собственные сайты, на которых также размещается информация о школьных музеях.

В Новосибирске информацию о школьных музеях также можно найти на сайте www.du.nios.ru, официальном сайте города Новосибирска, сайте «Школьные музеи в Интернете», в электронной газете «Интерактивное образование».

В конце февраля 2010 года департаментом образования Новосибирской области совместно с НИПКИПРО, музеем истории развития образования была проведена VI Межрегиональная научно-практическая конференция по музейной педагогике по теме «Информационно-рекламная деятельность как ресурс развития музея образовательного учреждения».

На этой конференции мы предложили создание в нашем городе Виртуального путеводителя по музеям ОУ в виде сайта или форума, содержащего информацию обо всех школьных музеях г. Новосибирска.

Этот сайт может содержать следующие разделы:

- *Новостной раздел*

В нем может содержаться краткая информация о школьных музеях и образовательной системе в целом. Новости на сайте должны обновляться каждый день.

- *О школьных музеях города*

Здесь представляется общая информация о музеях – объемный материал с описанием структуры и основных направлений деятельности. Информация о каждом образовательном учреждении района. Ссылки на ОУ города, на федеральные сайты и другие ресурсы.

- *Деятельность школьных музеев*

Вводный текст о направлениях деятельности и список ссылок на каждый вид деятельности.

- *Методические материалы для руководителей школьных музеев (инструкции, планы работ, сценарии и др.)*

- *Нормативно-правовая база*
- *Документация музея*
- *Научно-исследовательская работа учащихся*
- *Горячая линия (вопросы и ответы)*
- *Форум*
- *Контакты*

Это предложение было рассмотрено в дальнейшем на семинаре руководителей школьных музеев Октябрьского района, где было принято решение создать раздел о музеях Октябрьского района и их работе на сайте www.nios.ru.

В данный момент идет сбор информации о музеях и их деятельности.

Кроме того, Главное управление образования г. Новосибирска ежегодно проводит научно-практические конференции руководителей музеев образовательных учреждений в сотрудничестве с Дворцом творчества детей и учащейся молодежи «Юниор».

В этом году состоялась VI Научно-практическая конференция руководителей музеев образовательных учреждений «Школьный музей – центр патриотического воспитания». Конференция проводилась в рамках мероприятий, посвященных 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Главное управление образования мэрии г. Новосибирска и отдел патриотического воспитания ДТД УМ «Юниор» в 2010 году являются учредителями городских конкурсов «Экскурсионные маршруты нашего города» и «Давно окончилась война».

Цели и задачи этих конкурсов:

- создание условий для изучения исторического наследия России и формирования у подрастающего поколения активной жизненной позиции;
- участие подростков в поисковой работе, пополнение фондов школьных музеев и стимулирование интереса детей к изучению истории Отечества;
- сбор воспоминаний участников Великой Отечественной войны, рассказов о реальных событиях военного времени;
- подготовка материалов к изданию сборника «Солдат Великой Отечественной».

В городе также проводятся конкурсы, посвященные истории г. Новосибирска – «Мир на ладони» и истории, географии и культуре Сибири.

Таким образом, школьный музей дает знание об истории образования края, города, района, школы, учит преодолевать трудности, пробуждает стремление к творчеству, способствует появлению желания расширить свой кругозор.

Особое внимание во всех школьных музеях уделяется Великой Отечественной войне. Проводятся праздники для ветеранов, уроки мужества, создаются Книги памяти. Сейчас для этого часто используют информационные технологии – презентации, виртуальные экскурсии.

Презентации позволяют максимально эффективно рассказать о музее и о тех материалах, которые в нем представлены. Чаще всего создаются презентации, посвященные истории школы и Великой Отечественной войне.

Педагогический потенциал школьных музеев еще не полностью раскрыт. Одной из эффективных форм выявления творческих способностей школьников, способом привлечения внимания к работе школьных музеев является деловая игра «Музейный бум». Подобная игра апробирована в разных вариантах в г. Москве и на базе детского археолого-краеведческого музея «Мастерская предков» (г. Новосибирск). Содержа-

ние игры включает проектирование воображаемого музея и работу в нем. В ходе игры участники выбирают любую роль и пробуют себя в различных направлениях деятельности музея.

На базе Дома книги г. Новосибирска и других музеев проводятся различные музейные уроки, например, «В мире сказки», «Сибирский писатель», «Праздники».

Школьные музеи могут активно использовать мультимедийные издания на DVD-дисках, например, «Генеалогическое древо», благодаря которому можно построить чертеж генеалогического древа своей семьи, разместить фотографии себя и своих родственников; «Календарь праздничных и знаменательных дат» поможет в организационно-массовой работе музея.

Хочется отметить то, что школьные (более 130 музеев) и ведомственные (более 200) музеи г. Новосибирска активно сотрудничают между собой. Для того чтобы деятельность школьных музеев была эффективной, просто необходимо активно сотрудничать, обмениваться опытом и, образно говоря, держать руку на пульсе времени, сочетая как традиционные, так и инновационные методы работы.

Таким образом, инновационные формы стали применяться в деятельности школьных музеев начиная с 1970-х годов, в связи с изменением роли музея в обществе – формированием новой модели музея (коммуникативной). В настоящее время наиболее часто используются следующие формы: экскурсии, конференции, праздники, уроки мужества, конкурсы, викторины, встречи и предметные уроки, проекты, ролевые игры, компьютерные викторины, конкурсы-задания, виртуальные экскурсии и другие формы.

Однако есть еще значительный потенциал и большое поле деятельности для развития музеев образовательных учреждений.

Литература

1. Кузнецова Н. Развитие художественного восприятия в системе «школа – вуз – музей» // Искусство в школе. 2007. № 2. С. 28–30.
2. Мацкевич М. В. Эстетическое развитие старших дошкольников в системе «художественный музей – детский сад»: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. ГУ «Институт художественного образования» РАО. М., 2006. 19 с.
3. Гуманитарно-просветительский проект «Парень из нашего города» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.du.nios.ru> (дата обращения: 24.02.2010).

4. Семейный архив «Генеалогическое древо» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nd.ru> (дата обращения: 26.02.2010).
5. Создание и использование музейных информационных ресурсов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ict.edu.ru/ft/003612> (дата обращения: 26.02.2010).
6. Иванов Г. П. Аксиология игровой культуры // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 2. С. 15–18.
7. Музеи образовательных учреждений города Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nios.ru.ru/ft/004612> (дата обращения: 03.03.2010).

Е. Е. Леонов

**ВНЕДРЕНИЕ НОВЫХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ
НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ ЕДИНОЙ СЕТИ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ
г. КЕМЕРОВО**

Школьные музеи являются негосударственными музеями, работающими на общественных началах, и выполняют те же функции, что и государственные. Прежде всего, это хранилище подлинных памятников истории и культуры, природы и техники. Музей осуществляет комплектование, учет, хранение, изучение и популяризацию памятников истории и культуры. Основой для формирования духовных ценностей служат предметные результаты человеческой деятельности и объекты природы.

Специфика школьного музея заключается в том, что в его деятельности особое значение имеют образовательно-воспитательные функции. Школьный музей – прежде всего действенное средство повышения как эффективности обучения, так и воспитания школьников.

Первые школьные музеи появились в России в конце XVIII века. Открытый в 1782 году музей естественных произведений при городской школе в г. Иркутске принято считать первым школьным музеем в России. В это время музеи только начинают играть заметную роль в культурно-образовательной жизни страны [см.: 4, с. 25].

Школьные музеи не всегда признавались властью как учреждение, развивающее личностную культуру, – получая сначала поддержку, впоследствии закрывались как атрибут устаревшей идеологии.

Как учреждение учебной и внеучебной деятельности школьные музеи создаются лишь в конце XX – начале XXI века. Это связано с формированием инновационных принципов работы школьных музеев, когда изменения коснулись не только деятельности, но и очередной смены цели и задач. В это время расширяются рамки работы школьных музеев, поскольку они становятся центрами патриотического воспитания.

В г. Кемерово школьные музеи прошли сложный путь в своем развитии. В середине 90-х годов XX века во многих школах музеи прекратили свою деятельность, а точнее – были ликвидированы. К началу XXI века школьные музеи переходят на новый этап развития, связанный с созданием единой сети на базе Муниципального образовательного учреждения дополнительного образования детей «Центр дополнительного образования детей им. В. Волошиной» (далее «ЦДОД им. В. Волошиной»).

В г. Кемерово к началу 2010 года по данным администрации города насчитывается 72 школьных музея. Музеи созданы практически во всех школах города. Из них – 7 носят почетное звание «Народный музей» и 32 – почетное звание «Отличный музей» (по данным администрации г. Кемерово).

С целью самосовершенствования школьные музеи ищут новые возможности по привлечению посетителей. Одной из таких возможностей является внедрение коммуникационного подхода, который, согласно проведенным исследованиям, отвечает всем необходимым практическим и теоретическим требованиям. Сегодня все сферы музейного дела, как показывает опыт, включены в коммуникационные процессы.

Понятие музейной коммуникации сделал общеупотребительным канадский ученый, директор музея в г. Калгари Д. Камерон. Введя его в 1960-е годы в профессиональную практику, он рассматривал музей как систему, реализующую коммуникационный процесс между посетителем и экспонатами, представляющими собой «реальные вещи» [см.: 1, с. 23–24].

Были разработаны шесть основных коммуникативных моделей: 1) познавательная; 2) эстетическая; 3) знаковая; 4) диалоговая; 5) междисциплинарная; 6) информационно-коммуникативная [см.: 1, с. 24].

Важно не только использовать существующие модели, но и разрабатывать новые и внедрять их в общую практику школьного музееведения. Применительно к школьным музеям в 2008 году нами были разработаны и внедрены две новые коммуникативные модели – информационно-игровая и конструктивно-методологическая. Впервые они были апробированы при проведении экскурсий по выставке «История пожарной охраны Кузбасса», которая создавалась музеем пожарной охраны г. Кемерово в Краеведческом музее-комплексе им. П. М. Петренко Муниципального общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 11» (далее МОУ «СОШ № 11»).

В 2009 году нами были разработаны и внедрены абрисно-атрибутивная модель и модель переходного внимания при формировании образовательной системы: музей-школьный музей-вуз во время создания выставки «Противопожарная пропаганда средствами культуры» в Кемеровском государственном университете культуры и искусств. Выставка «История пожарной охраны Кузбасса» была трансформирована после экспонирования в МОУ «СОШ № 11» и адаптирована в Кемеровском государственном университете культуры и искусств. На примере работы трех институтов внедрение новых моделей было успешно реализовано.

При взаимодействии на межрегиональном уровне, учитывая неравномерное состояние школьных музеев, мы предлагаем внедрить разработанные нами две новые модели, которые уже используются при проведении экскурсий.

- Модель ассонанстивного воздействия. Она позволяет выразить значение терминов при проведении экскурсии. Экскурсовод подчеркивает степень необходимости выделенных понятий, а группа через эти понятия воспринимает необходимую информацию, как базис, вокруг которого закрепляется основной текст.

- Модель вариативной аффектации. При использовании этой модели экскурсовод демонстрирует преднамеренную возбужденность в поведении или речи, меняя состояние на более сдержанное лишь местами, когда есть необходимость заострить внимание на важных исторических

моментах или же показать воздействие патриотического характера. При таком экскурсионном показе и рассказе облегчается форма общения с группой, что способствует запоминанию фактов и событий.

Обе модели идеально направлены как на индивидуальные, так и на групповые особенности восприятия информации, что позволяет создать все необходимые условия для запоминания преподнесенного на экскурсии материала.

При внедрении модели ассоциативного воздействия необходимо учитывать следующие приемы рассказа и показа.

1. Приём диалога (или эвристический)

Беседа в форме вопросов-ответов. Для широкой детской аудитории вопросы обычно бывают прямыми, то есть предполагающими ответ.

2. Прием комплексного рассказа

Применение этого метода в полном объеме: рассказ-выступление с выделением самых ярких и в то же время самых важных моментов.

3. Прием эмоционального воздействия

Применим особенно для детской аудитории: дети очень эмоциональны, в данном случае необходимо с помощью рассказа попытаться вызвать у них дополнительные эмоции, которые помогут легче запомнить материал.

4. Приём апломбного рассказа

Необходим для любой аудитории. Экскурсовод показывает излишнюю самоуверенность, чтобы продемонстрировать уровень навыков и мастерства. При этом постоянно используется прием диалога, чтобы не показать группе превосходство экскурсовода, а лишь выделить степень владения материалом.

5. Прием интонационного влияния

Интонация – повышение и понижение тона голоса при разговоре. Таким образом показывается степень значения определенной информации.

6. Прием бравурного воздействия

Усиление эффекта в виде повышения голоса в моменты, когда необходимо особенно подчеркнуть какое-либо событие или значимый факт. Посредством этого приема экскурсовод при необходимости переводит внимание на особо важный фрагмент экскурсии.

Формы показа для модели ассонанстивного воздействия:

1. *Форма системного восприятия*

Весь материал показывается как единая система.

2. *Форма последовательного показа – «предмет-образ предмета».*

3. *Форма переходящего внимания.*

Создается структура ассоциаций, с учетом которой переключается внимание аудитории.

При использовании модели вариативной аффектации приемы рассказа и формы показа будут немного отличаться.

Приемы рассказа:

1. *Прием диалога (или эвристический).*

2. *Прием комплексного рассказа.*

3. *Прием эмоционального воздействия.*

4. *Прием апломбного рассказа.*

5. *Прием бравурного воздействия.*

6. *Прием агогики.*

Имеется в виду использование экскурсионного метода, когда идет отклонение от установленного темпа экскурсии, чтобы заострить внимание на каком-либо особо важном факте или событии. В данном случае это актуально, поскольку изменение темпа поможет более целостному восприятию текста экскурсии и подчеркнет ценность факта.

Формы показа для модели вариативной аффектации:

1. *Форма системного восприятия*

2. *Форма переходящего внимания*

3. *Форма адаптации информации (то есть с учетом возраста)*

Предполагает конкретный вариативный для данной аудитории текстовый вариант.

Однако важна не только разработка новых моделей, но и их практическое применение, которое вполне допускает использование образовательно-коммуникативных моделей в какой-либо деятельности, а именно – внедрение их в экскурсионную работу.

В 2009 году новые модели были успешно применены в деятельности Студенческого экскурсионного отряда «Обсидиан» при проведении

экскурсий для разновозрастной аудитории студентов и школьников и уже включены в программу подготовки новых экскурсоводов отряда при проведении занятий по методике экскурсионной работы.

В 2009 году началось внедрение моделей в единую сеть школьных музеев г. Кемерово, что подчеркивает их актуальность и практическую значимость.

В 2010 году модели были представлены на конференции «Рекламно-издательская деятельность музея общеобразовательного учреждения», которая проходила г. Новосибирске с 25 по 26 февраля. Итогом конференции стало сотрудничество с Дворцом творчества детей и учащейся молодежи «Юниор» (далее ДТМ УМ «Юниор»), который курирует работу всех школьных музеев г. Новосибирска. В настоящее время в г. Новосибирске по данным гражданско-патриотического отдела ДТД УМ «Юниор» насчитывается 153 школьных музея.

Таким образом, использование коммуникативных моделей возможно не только при проведении экскурсий по городу, но и при музейных экскурсиях, особенно с учетом особенностей работы с детской аудиторией, а также при внедрении в единую школьную сеть музеев гг. Кемерово и Новосибирска.

Мы надеемся на то, что сотрудничество с другими городами России на межрегиональном уровне при внедрении новых коммуникативных моделей будет успешным.

Литература

1. Беззубова О. В. Некоторые аспекты теоретического осмысления музея как феномена культуры // Триумф музея: сб. ст. СПб., 2005. С. 6–27.
2. Беззубова О. В. Теория музейной коммуникации как модель современного музейного пространства // Коммуникация и образование: сб. ст. СПб., 2004. С. 418–427.
3. Музей образовательного учреждения: проблемы, опыт, перспективы. Сборник нормативно-правовых и методических материалов. Новосибирск, 2010. 80 с.
4. Очерки истории музейного дела в России. М., 1960. 166 с.
5. Школьный музей. Сборник нормативно-правовой документации. Новосибирск, 2008. 54 с

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАУЧНОГО ТУРИЗМА
НА БАЗЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И КАВКАЗСКИХ
МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД**

Территория Краснодарского края и Кавказских Минеральных Вод насчитывает несколько тысяч археологических объектов (курганы, городища, дольмены, культовые сооружения), разбросанных на площади от Азово-Черноморского побережья до границ Ставрополя с Кабардино-Балкарией. Хронологически археологическое наследие указанной территории охватывает рамки начиная от неолита до раннего Средневековья.

Рассматриваемая нами территория в глубокой древности была одним из крупнейших очагов культуры. В эпоху бронзы здесь господствовала Майкопская культура и пришедшая в эти края культура строителей мегалитов. В железный век в здешних краях преобладали скифы, сарматы, аланы, государства которых просуществовали до эпохи Средневековья [см.: 1, с. 144].

Наследие культур бронзового и раннего железного века ныне является одним из важнейших составляющих туристического ресурса региона. Непосредственно археологическое наследие данного региона весьма разнообразно: от грунтовых и курганных могильников до древних мегалитических сооружений: дольменов, кромлехов, а также древних мегалитических обсерваторий и культовых сооружений, датируемых в пределах неолита – раннего железа.

Одной из наиболее оптимальных форм популяризации, а вместе с тем – сохранения объектов культурно-исторического наследия региона является использование данных объектов в сфере туризма. Однако здесь важен вопрос: каким образом можно использовать древние и средневековые памятники региона в сфере туризма. Причем вопрос о древних памятниках данного региона как об объектах туристско-экскурсионного показа не является новым. Работа над использованием объектов культурно-исторического наследия ведется с того момента, как начал развиваться туризм в данном регионе.

На сегодняшний день в сфере туризма используется малая доля всего культурно-исторического наследия региона. И причины здесь различные: отсутствие качественного туристского сервиса, плохая сохранность самих объектов, отдаленность некоторых объектов от крупных туристско-рекреационных комплексов.

Таким образом, актуальным является вопрос о формировании системы научного туризма в пределах Краснодарского края и Кавказских Минеральных Вод. Данная система должна включать в себя сеть туристических маршрутов, туристических баз, а также музеев, созданных на базе археологических памятников, природных национальных парков, и учреждения, занимающиеся разработкой и внедрением практических решений и инноваций в научном туризме в пределах данного региона.

Научный туризм сегодня является одним из самых перспективных видов туризма в России. Теоретические и практические разработки в области научного туризма осуществляют несколько московских университетов (в частности Московская государственная международная академия туризма), а также Русское географическое общество, при котором еще с 1981 года действует комиссия по научному туризму. Кроме того, непосредственной организацией научных туров занимается ряд коммерческих туристических фирм, которые предлагают поездки по наиболее экзотическим уголкам земного шара, включая отдаленные уголки России: Арктика, Таймыр, Чукотка, Кольский полуостров, труднодоступные районы Урала, Сибири и Дальнего Востока. В каталогах подобных компаний можно встретить предложение поучаствовать в экспедиции к дольменам Краснодарского края или к археологическим памятникам Боспорского царства на Тамани и в Крыму.

Существенно, что территория Краснодарского края и прилегающие к нему территории (Крым, Кавказские Минеральные Воды, а также Архыз и Приэльбрусье) являются весьма благоприятной средой для развития научного туризма. На данных территориях четко выражен объект и ресурс научного туризма в виде большого количества древних культовых сооружений, курганов, городищ и выдающихся объектов природы. Особенно это касается предгорно-горных районов.

Актуальность данной темы состоит прежде всего в вопросе и концепции создания системы научного туризма в Краснодарском крае и окрестных территориях на базе археологического наследия края. Важно

также то, что система научного туризма будет способствовать сохранению, популяризации археологических объектов региона, и при этом способствовать экономическому процветанию региона.

Для правильного формулирования концепции по формированию системы научного туризма в регионе необходимо разобраться с туристическим ресурсом рассматриваемого нами региона: комплексом древних и средневековых памятников, пригодных для использования в сфере научно-познавательного туризма. Туристический ресурс Краснодарского края в данном случае – комплекс археологических памятников, относящихся к периоду неолита – раннего Средневековья [см.: 2, с. 152]. Весь комплекс можно разделить на три составляющих, которые должны быть учтены при формировании системы научного туризма (составление маршрутов, отбор объектов показа, методика работы с участниками туристических поездок в рамках научного туризма). Каждая составляющая должна включать в себя определенную разновидность археологических памятников.

В пределах рассматриваемой нами территории необходимо выделить следующие группы объектов, перспективных для использования в научном туризме:

1. Дольмены Западного Кавказа,
2. Остатки городов Боспорского царства,
3. Курганы и городища, относящиеся к культуре древних скифов, сарматов и алан.

Каждая конкретная группа объектов занимает конкретную территорию в пределах региона. Например, дольмены расположены в пределах так называемого дольменного пояса, протянувшегося вдоль побережья Черного моря на отрезке от Таманского полуострова до республики Абхазия и от побережья до левого берега реки Лаба [см.: 3, с. 111]. Что касается древних городов Боспорского царства, то они расположены на территории от города-курорта Анапа до Таманского полуострова и далее – в Крыму. Памятники, относящиеся к культурам древних скифов, сарматов и алан, в большом количестве расположены в Восточной части Краснодарского края, а также в горных районах Карачаево-Черкесии (Нижне-Архызское городище).

Таким образом, при формировании системы научного туризма в регионе необходима разработка трех маршрутов, каждый из которых

должен быть посвящен своей узкой теме. Каждый из этих маршрутов будет раскрывать свою тематику исследований, проводимых в ходе путешествия по маршруту. Наиболее перспективными могут считаться три маршрута.

«По следам античных героев». Данный маршрут может пройти по территории от Анапы до Таманского полуострова (берега Керченского пролива) и далее через Керчь в Крым. Объектом показа на данном маршруте являются древнейшие города-некрополи Боспорского царства – Горгиппия, Фанагория, Гермонасса, Пантикапей, Нимфей, Херсонес. В ходе путешествия по данному маршруту необходимо не только посещение данных объектов, но и проведение исследований. Так, данный маршрут может стать актуальным в рамках работы археологической экспедиции на Таманском полуострове. Уникальность данной экспедиции в том, что в ней возможно участие любого желающего. Существенно, что проведение подобных археологических экспедиций положительно сказывается на развитии научно-познавательного и культурно-познавательного туризма в регионе. Научный аспект в туризме способствует популяризации научных знаний по истории и археологии края, а также о его природном наследии. Таким образом, порядок маршрута следующий: Анапа (маршрут начинается с посещения Анапского археологического музея) – пос. Сенной (посещение раскопок древнего городища – остатков античного города Фанагория) – станица Тамань (посещение раскопок античного города Гермонасса) – Керчь (посещение руин античного города Пантикапей) – Феодосия – Севастополь (посещение руин античного города Херсонес Таврический). Задача маршрута – популяризация культурно-исторического наследия Боспорского царства.

«К истокам древней цивилизации». Данный маршрут будет связан с посещением и исследованиями памятников культуры дольменов Кавказа, которая предположительно возникла в III тысячелетии до н. э. и просуществовала до конца II – начала I тысячелетия до н. э. В пределах данного маршрута объектами исследования и показа являются дольмены – предположительно, культовые сооружения из массивных каменных блоков, построенные в период неолита и бронзы. Обычно дольмен представляет из себя четыре вертикально стоящие каменные плиты с горизонтально лежащей на них пятой плитой, служащей перекрытием. В передней стене, как правило, – круглое отверстие, закрывающееся

каменной пробкой. В настоящий момент на территории Краснодарского края и Адыгеи сохранилось порядка 3000 дольменов, расположенных на отрезке от Новороссийска до Сухума [см.: 4, с. 122]. Данный маршрут назван так потому, что точно не известно, кем конкретно возводились эти удивительные сооружения. Спорной остается и датировка дольменов. Некоторые исследователи полагают, что культура строителей дольменов пришла на Черноморское побережье извне. Например, известный исследователь северокавказских дольменов В. И. Морковин называл культуру строителей мегалитов народами моря, так как предполагал, что представители данной культуры могли прийти на Кавказ только морем. В качестве подтверждения своей гипотезы В. И. Морковин приводил тот факт, что большинство дольменных построек и мегалитов в целом расположены в приморских районах (Крым, Кавказ, Великобритания, Ирландия, Франция, Германия, Южная Корея). Также дольмены Краснодарского края и Адыгеи, в силу их высокотехнологичной постройки, можно поставить в один ряд с египетскими пирамидами и британским Стоунхенджем. Структура маршрута должна быть такова, чтобы в нее входило большинство крупных памятников культуры дольменов. Структура маршрута следующая: маршрут начинается из города Новороссийска. Далее следует посещение группы дольменов в окрестностях станицы Эриванская. Затем – посещение группы дольменов на горе Нексис и группы дольменов долины реки Жане, где встречаются одни из наиболее уникальных дольменов. Следующий пункт – посещение нескольких групп дольменов в окрестностях пос. Пшада Геленджикского района (порядка 70 дольменов). В пределах района Пшады вначале посещение четырех групп дольменов по берегам реки Пшада, далее – посещение крестьянско-фермерского хозяйства Дольмен, где расположена группа дольменов реки Догуаб, притока Пшады. После дольменов в Геленджикском районе – посещение дольмена в пос. Джубга. Далее – посещение и исследование дольменов в окрестностях Туапсе, в частности исследование мегалитического комплекса Псынако-1, близ пос. Анастасиевка Туапсинского района. Объект Псынако-1 уникален, не имеет аналогов на Кавказе. Исследователи сравнивают его с комплексом Нью-Грейндж в Ирландии. Также здесь необходимо включение еще нескольких групп дольменов в окрестностях пос. Бол. и Мал. Псеушко и Лазаревского района города Сочи. В данном районе кроме дольменов встречаются группы

курганов, остатки металлургических печей, древних храмов и палеолито-неолитические стоянки. Завершающим этапом маршрута станет посещение дольменов в республике Адыгея (группа дольменов на Богатырских полянах и группа дольменов пос. Гузерипль). Таким образом, в структуру маршрута включено большинство крупных памятников культуры дольменов Краснодарского края и Адыгеи. Маршрут таков: Геленджик – Ериванская – Возрождение – Пшада – Джубга – Туапсе – Лазаревское – Богатырские поляны – Гузерипль.

«По местам боевой славы Нартов-богатырей». Данный маршрут будет посвящен одному из величайших литературных памятников – Нартскому эпосу, циклу сказаний о мифическом народе нартов, некогда процветавшем на территории от Черноморского побережья до Северной Осетии. Нартский эпос встречается у таких народов, как адыги, абхазы, карачаевцы, балкарцы, черкесы, осетины, ингуши и др. Так как, по одной из гипотез, Нартский эпос создан древними скифами, аланами и сарматами, то в данный маршрут будут включены памятники, относящиеся к скифам, аланам и сарматам. В данный маршрут войдут: скифские курганы и аланские и сарматские городища в восточной части Краснодарского края, Нижнеархызское городище в Карачаево-Черкесии и святилище Реком в Северной Осетии. Задачей маршрута является изучение и популяризация культурно-исторического наследия, связанного с Нартским эпосом. Маршрут таков: Краснодар – Армавир (осмотр археологических памятников Новокубанского района – скифский курган, Новокубанское городище, «Кратерные» курганы) – Пятигорск (посещение Второ-Афонского монастыря, восхождение на вершину горы Бештау, посещение Храма Солнца на юго-восточном склоне горы Бештау, которая в Нартском эпосе тоже считается священной) – Архыз (посещение и осмотр Нижнеархызского городища – древней столицы аланского государства, древних солнечных часов, трех христианских храмов X века) – Верхняя Балкария (осмотр древних башен и крепостей) – Цейское ущелье (посещение древнего осетинского святилища Реком, играющего одну из ключевых ролей в Нартском эпосе) [см.: 5, с. 21].

Система научного туризма в регионе – комплекс мер, направленных на развитие научно-познавательного, культурно-познавательного туризма в регионе, сохранение и популяризацию культурно-исторического наследия и уникальных природных объектов. Система

научного туризма также – это система, направленная непосредственно на развитие инфраструктуры научно-познавательного и культурно-познавательного туризма в регионе. В данную систему должны войти: туристические маршруты с включенными в них древними и средневековыми памятниками, объектами природы; музеи, места археологических раскопок, экспедиционные базы, а также туристические базы, гостиницы и научно-исследовательские учреждения, туристско-экскурсионные бюро, отвечающие за организацию и проведение экскурсий и поездок в рамках научно-исследовательского (научно-познавательного) туризма.

Формирование системы научного туризма в регионе будет способствовать развитию как научно-познавательного, так и культурно-познавательного туризма в регионе.

Литература

1. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. 200 с.
2. Чайка И. Г. Формирование территориальной рекреационной системы в предгорно-горных районах. Некоторые аспекты исследований. Краснодар, 2008. 195 с.
3. Морковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. 400 с.
4. Морковин В. И. Испун – дома карликов. Заметки о дольменах Западного Кавказа. М., 1985. 150 с.
5. Никитин В. 100 популярных туристских маршрутов по Горному Ставрополью. М., 1970. 150 с.

А. Е. Егоров

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ В НОВОЙ ЭКСПОЗИЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 65-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ, В МУЗЕЕ ГОУ СПО «КЕМЕРОВСКИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ»

На сегодняшний день, в рыночных условиях, любое заведение (частное или государственное) для привлечения своих клиентов использует различные инновации в тех или иных направлениях. Музеи, как

и любое другое общественное учреждение, не является исключением. В настоящее время в музеях разных стран ежегодно разрабатывают все новые и более усовершенствованные инновационные формы.

Так что же такое «инновация»?

Инновация (от лат. *innovato* – «обновление» или «улучшение») – это внедрение новшества, обладающего высокой эффективностью [см.: 1, с. 165–169].

Инновация – это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы [см.: 3, с. 15–16].

Более общо это определение применяется и к творческой идее, которая была осуществлена [2].

Также можно указать виды инноваций:

- технологические;
- продуктивные;
- организационные;
- маркетинговые [2].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что «инновации» в общем – это то, что пробуждает и побуждает человека посмотреть на себя и на окружающий мир по-новому. Сегодня музеи все реже используют традиционные формы (где все предметы находятся в статике) и применяют различные нововведения, которые склонны к динамике, то есть существует «диалог предмета и посетителя»: экспозиции в интерактивном режиме, 3D-экскурсии, различные световые эффекты и спецэффекты; также музеи часто приглашают дизайнеров-новаторов [5].

Особенности и результаты таких нововведений можно показать на практическом примере инновации, которая была недавно введена в музее ГОУ СПО «Кемеровский профессионально-технический колледж» (КПТК).

В сентябре 2009 года в музее ГОУ СПО КПТК была поставлена задача разработать экспозицию в честь 65-летия Великой Победы. Руководитель музея и инициатор проекта Алла Ивановна Кузнецова пригласила для этого дизайнера (автора данной статьи).

Основную цель экспозиции руководитель видела в максимальном отражении военного времени на современном уровне, без утраты при

этом русского духа и быта прошлых лет. А. И. Кузнецова является заслуженным работником колледжа, имеет за плечами колоссальный опыт работы не только со студентами, но и с ветеранами Великой Отечественной войны. Она еще девочкой была свидетелем того военного времени, о котором многие современники сегодня могут узнать только из книг или из художественных фильмов. Поэтому в проектировании экспозиции нам не нужны были дополнительные или какие-то другие источники материалов для передачи образа военных лет.

Для реализации вышеуказанной цели экспозиции важны две темы: это военная тема и тема русского быта. Перед дизайнером стояла задача заключить эти две, казалось бы, разные и самостоятельные темы в единый гармоничный образ, создав между темами плавные, логичные связи. И поместить все это в «актуальную оболочку интерпретаций», то есть донести весь образ через современные инновации в области музейных коммуникаций.

Также необходимо было учесть ряд наиважнейших критериев, с которыми нам предстояло работать впоследствии, чтобы достичь поставленной цели. Это:

- 1) маленькое пространство (на 6–7 человек);
- 2) незначительное финансирование;
- 3) отсутствие современных технологий;
- 4) отсутствие экспонатов.

Казалось бы, в таких условиях невозможно работать. Но похожая ситуация существует почти во всех музеях Западной Сибири.

Для этого и необходимы инновации, и одна из них – это организационная, то есть умение планировать работу так, чтобы она была в итоге эффективно осуществлена. Это планирование зависит в основном от особенностей организатора, его умения сотрудничать с людьми и другими организациями (Приложение 1).

Итак, проект включил три основных этапа:

- 1) поиск идеи и поиск экспонатов;
- 2) формирование цельного образа и композиции из экспонатов;
- 3) методическое и техническое обеспечение.

На первом этапе дизайнер из полученной информации пытался сложить приблизительное, еще не ясное целое, то есть разглядеть идею,

ту, что объединяла бы разрозненные или самостоятельные элементы. И образ был найден, путем простых ассоциаций – его мы назвали «ожидание» (Приложение 2). Оставалось его определить, вернее, соподчинить системе образа каждый его элемент. К тому времени шла работа по поиску экспонатов военного времени. К работе был подключен почти весь колледж: участвовали студенты, педагоги, сотрудники колледжа. Инициативу также проявляли ветераны – все ожидали результата.

На втором этапе шла «сборка мозаики», то есть формировался и уточнялся образ, как в концептуальном плане, так и в композиционном. Появились первые наброски сюжетной линии, обозначилась композиция экспонатов. Важно было не перегрузить пространство – но оставить все необходимое, что входило бы в сюжет и увеличивало экспрессию задуманного. Два этапа были закончены, но что-то не хватало – все казалось статичным, не вступающим в диалог, словно бездыханная кукла просила души.

На третьем этапе необходимо было заставить «говорить» экспозицию и создать «законы диалога». Дизайнером и руководителем музея разрабатывались звуковое сопровождение и методика работы с экспозицией – «кукла заговорила».

Такого положительного эффекта от экспозиции, которое она впоследствии оказывала на людей, которые ее посещали, не ожидали даже ее создатели. Экспозиция жила своей жизнью и могла донести информацию не только до поколения военного времени, но и до современного поколения, которое, к счастью, не испытало всего того, что испытало старшее поколение. А это означало, что задача была решена и цель достигнута.

Однако нам хотелось бы поговорить об особенностях инноваций, которые были введены в данную экспозицию «Ожидание», сравнив с традиционными формами работы музеев еще не минувших лет. Итак, чем отличаются традиционные формы или традиционный музей от нетрадиционного по отношению к посетителю музея:

1. В традиционном музее четко прослеживается рациональная доминанта, в то время как в современном музее акцент делается на эмоциональной составляющей [4].

2. В традиционном музее все подчинено строгой внутренней структуре и имеет четкие логические смыслы. Планировка, расположение залов относительно друг друга, выбор и размещение экспонатов, организация самой работы музея – все подчинено традициям и устоявшимся правилам. В таком музее очень четко определены задачи – сбор, хранение и демонстрация предметов, представляющих ценность для культурной истории человечества. Задачи изначально ставятся глобальные, поэтому способы применяются проверенные, традиционные и не всегда современные. Современный музей позволяет себе отклонения от правил. В таком музее познавательная информация впитывается через эмоции, так легче усваивается материал и создается некий интерес у посетителя. Здесь интересно находиться, так как музей постоянно меняется, в нем всегда происходит что-то новое и интересное. В такой музей всегда интересно возвращаться, здесь с легкостью можно найти для себя что-то новое, сделать свое личное открытие. Каждое посещение отличается от предыдущего, вызывает новые эмоции [4].

3. Рассматривая внутреннюю структуру музея, становится понятно, к какому типу относится тот или иной музей. В традиционном музее почти всегда четкая планировка и традиционное расположение залов, один заданный маршрут и несменные экспозиции. В нетрадиционном музее интерес вызывает само планировочное решение. Здесь всегда несколько маршрутов, необычное расположение залов относительно друг друга. Посетитель сможет сам выбрать себе маршрут, при этом они могут меняться, переплетаться, соединяться или расходиться [4].

4. Одним из важнейших отличий традиционного музея от нетрадиционного является отношение посетителя и экспозиции (в отдельном случае – экспоната). Это «общение» в различных музеях складывается по-разному. Для традиционного музея характерна связка «*субъект – объект*». Главный акцент здесь делается на экспонатах, которые зачастую представлены за стеклом или дистанцированно от посетителя. Зрителю предоставляется возможность лишь любоваться предметом экспозиции и ни в коем случае не вступать с ним в контакт. Для некоторых видов экспозиций это приемлемо и даже является необходимостью демонстрации (например, произведения искусства или редкие историче-

ские экспонаты), но иногда посетителю необходимо контактировать с экспонатом, а традиционный музей зачастую этого предложить не может. В таком случае не происходит диалога между посетителем и экспонатом, нет «общения», есть только осмотр экспоната и познание его лишь через визуальный контакт. Но у предметов экспозиции зачастую есть фактура, что познается только тактильными ощущениями, или же запах, который не проникает через стеклянную оболочку. Самое главное, что не всегда может передать традиционный музей, – это атмосфера. Каждый предмет экспозиции может быть представлен в определенной атмосфере, что выгодно подчеркнет его значение и дополнит информацию о нем. А атмосфера создается при задействовании максимального количества ощущений посетителя. Некоторые из этих задач может решить современный музей, где реализуется принцип «*субъект – субъект*». В таком музее акцент делается не только на предмете, но и на человеке. Здесь важно, как именно будет демонстрироваться экспонат, каким образом посетитель будет получать информацию об экспозиции, как будет происходить «общение». При проектировании экспозиции уделяется большое внимание необычным способам подачи информации, при этом задействуется большое количество каналов передачи материала посетителю. Для построения более точной экспозиции изучается сам посетитель. В музейном мире это называется «коммуникационный подход». Зная потребности человека, его основные способы восприятия и реакции на те или иные действия, проще устанавливать контакт «зритель – экспонат» [4].

5. В традиционных музеях экспозиции создают в основном музейные работники, поэтому они и направлены лишь на демонстрацию материала, который считается самодостаточным и должен собственной значимостью привлекать зрителя. В современных музеях наметилась другая тенденция, данной работой уже занимаются не просто музейные работники, здесь подключаются профессиональные проектировщики, дизайнеры [4].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что наша экспозиция была спроектирована на современном уровне и является актуальной

формой музея на сегодняшний день, так как в экспозиции используются инновационные формы, а именно:

- 1) проект разрабатывал дизайнер;
- 2) все экспонаты натуральны и отражают свое время;
- 3) все экспонаты можно трогать руками (существует диалог);
- 4) в экспозицию внедрено аудиосопровождение, что повышает экспрессию;
- 5) в экспозицию введены научно-познавательные игровые формы (особенности взаимодействия диалога «посетитель-экспонат»);
- 6) экспозицию можно трансформировать (военная тематика и тематика русской избы);
- 7) экспозиция включает в себе долгую память (сувениры на память – обереги, которые посетители сами же могут сделать);
- 8) экспозиция предполагает свою дальнейшую модернизацию (способность использовать экспозицию в разных условиях и на разные темы).

В заключение хочется еще раз сказать, что «невозможное – возможно». Для внедрения инноваций необязательно иметь в наличии высокие технологии, тем более что на это (почти всегда) просто не хватает финансов. Поэтому достаточно иметь идею, суть которой – разбудить и побудить других, а главное – это вера в возможность идею воплотить.

Литература

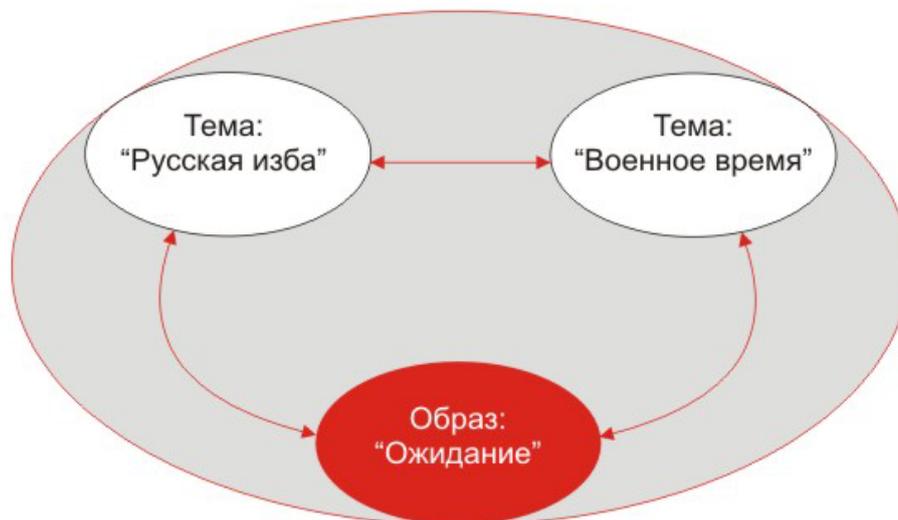
1. Азгальдов Г. Г., Костин А. В. Интеллектуальная собственность, инновации и квалиметрия // Экономические стратегии. 2008. № 2(60). С. 165–169.
2. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]: (DVD-ROM).
3. Гольдштейн Г. Я. Инновационный менеджмент. Таганрог, 1998. 300 с.
4. Димогло М. В. Современность и традиционность музейного содержания [Электронный ресурс]. URL: http://www.archvuz.ru/magazine/Numbers/2007_22/template_article?ar (дата обращения: 15.03.2010).
5. Соболева Е. С., Эпштейн М. З. Маркетинговая политика музеев Швейцарии накануне нового тысячелетия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.maecenas.ru/fresh//2006/11/HTML> (дата обращения: 15.03.2010).

Приложение 1
экспозиция «Ожидание»

Приложение 2

схема создания образа «Ожидание»

Необходимо было соединить две самостоятельные темы в единый завершенный образ. Образ возник путем простых ассоциаций. Так как существует два пространства в своем измерении: военное время – поле битвы и мирное время – русская изба (чувство динамики и статики), мы пришли к мысли, что должно быть нейтральное пространство (чувство), то есть некая периферия. Именно оно должно соединить два противоположных явления.

Это нейтральное пространство (чувство) мы назвали «Ожидание». Ожидание – едва дремлющее, неуспокоенное чувство. Символом (проводником) этого пространства явился образ женщины с ребенком. Он олицетворял всех женщин и детей, ждущих своих мужей и отцов с фронта.

Образ показывает, что женщина стоит у окна и утешает ребенка: он должен будет вырасти без отца. Женщина также больше не увидит мужа, который ушел на фронт. В глубине души женщина верит в обратное: пока горит огонь в избе, есть надежда – это все, что у нее осталось. Огонь лампы горит всю ночь, на столе лежат письма с фронта – их так много, словно это не письма, а еще одна, очередная возможность прожить свой день в ожидании...

Раздел 4. ПЕДАГОГИКА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ, СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ

М. И. Васильковская

МОЛОДЕЖНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В СФЕРЕ ДОСУГА КАК ОСНОВА ВКЛЮЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Социально-культурное развитие молодежи является стратегически важным направлением в сформулированной в Послании Президента России Д. А. Медведева к Федеральному собранию Российской Федерации от 12 октября 2009 года концепции модернизации современной России. А это значит, что современному российскому обществу нужны образованные, нравственные, предприимчивые люди, способные самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, способные к сотрудничеству, отличающиеся мобильностью, конструктивностью. Именно эти факторы личностного развития будут определять успешность социально-экономического и культурного развития страны, обеспечивать социальную стабильность российского общества и повышение качества жизни населения.

Концепция модернизации современной России самым тесным образом связана с необходимостью решения ряда социально-культурных приоритетов и задач, напрямую относящихся к сфере духовной культуры. В числе таких задач – воспитание молодежи в духе интеллектуальной свободы и гражданской ответственности.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации подчеркивается, что наибольшую опасность сегодня представляет неспособность современного гражданского общества воспитать у молодого поколения чувства патриотизма и ответственности за судьбу страны, способствовать становлению духовно-нравственных качеств. Эта «неспособность» ярко проявляется на фоне современных процессов глоба-

лизации мирового развития, которые формируют новые угрозы и риски для социально-культурного развития личности.

В современной России глобальное значение приобрела гуманитарная проблема, которую часто называют *проблемой преемственности поколений*. Эта проблема существует сегодня в науке, образовании, культуре, сфере высоких технологий, политике и т. д.

По существу, речь идет о необходимости признания того, что инновационные процессы в социокультурной, экономической, политической сферах общества повлекут за собой серьезные изменения в образе жизни, мировосприятии и миропонимании, социокультурных институтах, приведут к постепенному изменению типа личности, и решение этих задач напрямую зависит от модернизации системы воспитания.

Под воспитанием мы понимаем процесс целенаправленного развития человека, включающий освоение культуры, ценностей и норм общества, осуществляющийся, как правило, через образование.

В процессе воспитания взаимодействуют личность, семья, государственные и общественные институты; учебно-воспитательные заведения, средства массовой коммуникации, религиозные институты, общественные организации и объединения.

Педагогика определяет воспитание как процесс систематического и целенаправленного воздействия на духовное и физическое развитие личности в целях формирования определенных гражданских и нравственных качеств, эстетических идеалов и вкусов; подготовка ее к производственной, общественной, социально-культурной, семейно-бытовой и иным сферам жизнедеятельности; процесс передачи общественно-исторического опыта и культурных традиций новым поколениям.

Таким образом, воспитание в широком смысле слова – это функция общества, обеспечивающая его развитие посредством передачи новым поколениям людей социально-исторического опыта предшествующих поколений, основанного на традиционной системе ценностей. От правильного понимания идеалов и сути воспитания, соблюдения ее законов в значительной степени зависят эффективность и качество решения задач во всех остальных сферах нашей жизни: социально-культурной, экономической, политической. Необходимость духовно-нравственного, гражданско-активного, патриотического, социально-культурного воспитания подрастающего поколения вытекает из самой сути этого процесса. Такой

же должна быть и идеология воспитания. Стратегическую важность этого аспекта трудно переоценить, ведь именно те молодые люди, которым сегодня 15–25 лет, через 10–20 лет будут составлять наиболее активное ядро российского общества. Именно они будут принимать наиболее важные решения в политике, технике и экономике, именно им предстоит практически осуществлять стратегию инновационного развития нашей страны, которая принята сегодня.

Исходя из этого, мы считаем, что наиболее перспективной, эффективной формой решения перечисленных нами проблем является деятельность молодежных общественных объединений, участие в которых, на наш взгляд, способствует формированию социальной и творческой инициативы, ценностных ориентаций, социального опыта, творческого потенциала, определению социального статуса молодежи.

Под общественным объединением мы понимаем совокупность различных видов социальных организаций, от отдельной гражданской инициативы до массового общественно-политического движения, объединяющих индивидуальных участников, вырабатывающих общие цели внутри своей структуры и регулирующих свою деятельность по принципу выборности, на основе всеми признаваемого устава.

Присущие современному этапу развития молодежного общественного движения противоречия, и, прежде всего, между его социальной значимостью и реальным отношением общества к его состоянию и современным проблемам, между уникальными возможностями молодежного общественного объединения и их фактическим использованием, объективно устранимы. И если преодоление первого связано с социально-политическими и экономическими изменениями в обществе, то второе может быть снято разработкой и внедрением адекватных сегодняшнему дню организационных решений и педагогических технологий.

Проанализировав содержание диссертационных исследований, посвященных проблемам молодежного движения, мы сделали вывод, что вопрос самореализации личности и развития творческой инициативы в общественном объединении через участие в социально-культурной деятельности изучен недостаточно полно. Сравнительно мало работ, в которых проблема самореализации и развития социально-значимых качеств личности, в том числе развития творческой инициативы, стала бы предметом специального педагогического рассмотрения. В то же время прак-

тика нуждается в теоретической разработке различных аспектов самореализации участников молодежных объединений.

Именно в деятельности молодежных объединений нам видится один из способов развития и стабилизации современного российского общества.

При этом «молодежное движение» мы рассматриваем как совокупность состояний жизнедеятельности общественных формирований, обеспечивающих вхождение, адаптацию и интеграцию личности в социальную среду; «молодежное объединение» представляет собой общественное формирование, в котором самостоятельно или вместе со взрослыми добровольно объединяются молодые люди для совместной деятельности, удовлетворяющей их социальные потребности и интересы.

Об этом говорится и в Законе об общих принципах осуществления государственной молодежной политики в Кемеровской области: «Молодежными объединениями являются добровольные, некоммерческие, самоуправляемые формирования, возникшие в результате свободного волеизъявления молодых граждан, объединившихся на основе общности интересов. Молодежными признаются общественные объединения, объединяющие граждан в возрасте от четырнадцати до тридцати лет» [3].

Вопросы молодежного движения традиционно привлекали внимание педагогов-исследователей и практиков. Подвергалась анализу, прежде всего, такая проблема, как формирование и развитие в обществе молодежного движения (тенденции, факторы, условия, общее и особенное в связях и отношениях с государственными и общественными структурами), в работах М. М. Амердиновой, В. Г. Бочаровой, А. В. Волохова, А. Г. Кирпичника, Д. Н. Лебедева, Р. А. Литвак, В. И. Николаева, С. А. Расчетиной, М. И. Рожкова.

Сущность молодежных объединений, процессы их создания и функционирования, особенности и основы деятельности их различных типов и видов (правовые, экономические, нравственно-этические, социально-психологические, педагогические, организационно-методические) рассмотрены в трудах Р. Баден-Пауэлла, Н. Ф. Басова, В. М. Басовой, Е. А. Дмитриенко, Н. А. Жокиной, Г. В. Ермоленко, В. Т. Кабуш, Э. Ш. Камалдиновой, С. С. Качалиной, А. А. Киреевой, В. В. Коврова, И. С. Кона, Л. Н. Крупиной, В. В. Лебединского, В. А. Лукова, О. Г. Миронец, К. Д. Радиной, Н. М. Рассадина, Л. С. Савиновой,

Е. В. Титовой, Т. В. Трухачевой, Е. Е. Чепурных, Т. П. Щербаковой, Б. Е. Ширвиндта, В. Г. Яковлева и др.

Проблема и особенности процессов развития и становления личности в деятельности молодежных объединений (закономерности, характер межличностного взаимодействия, социальная роль и позиция детей и взрослых в молодежном движении) отражены в исследованиях Г. М. Иващенко, Н. А. Козловой, А. С. Макаренко, М. И. Рожкова, Е. Н. Сорочинской, Г. К. Чернявской.

Недостаточная теоретическая разработанность проблем самореализации личности в деятельности молодежных объединений, необходимость создания педагогических технологий развития творческой инициативы молодежи, механизмов взаимодействия с государственными и общественными структурами в молодежном движении определили актуальность темы нашего диссертационного исследования: «Социально-педагогические основы формирования творческой инициативы участников молодежных объединений», цель которого – создание педагогической модели формирования и развития творческой инициативы участников молодежного общественного объединения через проектную деятельность.

В данное исследование мы вносим ограничения. Нами будут рассматриваться молодежные общественные объединения социально-культурной направленности. Предварительно проведенный нами анализ деятельности молодежного движения позволил выделить несколько специфических направленностей молодежных объединений:

- **Политические молодежные общественные объединения** (Молодежное общественное объединение «Реальный Мир»);
- **Религиозные молодежные общественные объединения** (Молодежное общественное объединение православной молодежи «Воскресение» Кемеровской области);
- **Экологические молодежные общественные объединения** (Молодежное общественное экологическое объединение «Росток» города Кемерово);
- **Военно-патриотические молодежные общественные объединения** («Союз патриотической молодежи Кузбасса»);
- **Социально-культурные молодежные общественные объединения** (Молодежное клубное объединение КемГУКИ «Фотокульт»).

По нашему мнению, к социально-культурным общественным объединениям можно отнести такие объединения, которым присущи следующие характеристики: наличие цели, ориентированной на активное включение в процессы социально-культурной сферы, ориентация на социально-культурные особенности региона и включение в его социально-культурную деятельность через организацию и реализацию социально-культурных акций, проектов, коллективно-творческих дел для позитивного преобразования социально-культурной среды. Например, в Соликамском государственном педагогическом институте с 2004 года функционирует молодежное общественное объединение «Креатив», под руководством С. В. Никонова. Участники объединения создают и реализуют творческие проекты, которые помогают эффективно организовать досуг, раскрыть творческие способности молодежи. В Пермском государственном педагогическом университете создано и функционирует молодежное общественное объединение «NEXT», руководителем которого является О. М. Коляжная. Участники объединения не только организуют досуг студентов, но и участвуют в городских и краевых социально-культурных проектах. Примером общественного молодежного объединения социально-культурной направленности можно считать молодежное клубное объединение «Фотокульт» КемГУКИ, под руководством Л. В. Фурс. Участники клубного объединения за время своего существования реализовали сами или приняли участие в ряде социально-культурных проектов:

1) социально-культурном фотопроекте «Университет – формула творчества», результатом которого стала фотовыставка молодежных творческих работ;

2) в I Международном фестивале творческих индустрий современного полиса «С любовью к городу», инициатором которого явился Кемеровский университет культуры и искусств;

3) Международном социально-культурном проекте «Местное время», посвященном 20-летию падения Берлинской стены. Проект был реализован Кемеровским государственным университетом культуры и искусств, НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций КемГУКИ совместно с департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области, Центром изучения немецкого языка – партнером Немецкого культурного центра им. Гёте.

Молодежные объединения часто являются партнерами государства в реализации различных социально значимых проектов и программ, что содействует развитию активной социализации и самореализации личности.

По нашему мнению, именно создание и реализация социально-культурных проектов в деятельности молодежного объединения способствуют развитию как творческой инициативы молодежи, так и значимых личностных качеств молодежи (активность, инициативность, коммуникативность и т. д.)

Проектирование всегда связано с созданием условий для оптимального взаимодействия молодежи в решении общественно значимых проблем [см.: 1, с. 81].

Исследователи молодежных проблем считают важным соединением процессов социального проектирования и молодежных проблем. В. Т. Лисовский назвал этот процесс «проектированием судьбы», А. Ю. Соломонов – процессом «биографического проектирования». Они показали реальное положение дел молодежи – без идеализации современной действительности и требующее разрешения с помощью социального проектирования [2].

Социально-культурный проект, с нашей точки зрения, это индивидуальная или коллективная (групповая) деятельность молодежи, целью которой является позитивное преобразование социально-культурной среды и условий обитания доступными для членов молодежного объединения средствами.

На наш взгляд, социально-культурное проектирование – один из множества видов деятельности в молодежной среде. Проект – это то, чего еще нет, это нечто новое, придуманное и опробованное членами молодежного объединения. При этом член объединения рассматривается не как объект воспитания, а как субъект социального действия, социально-культурного обновления.

Мы считаем, что проектирование – особый вид деятельности в молодежном объединении, благодаря которой наиболее активно реализуется процесс воспитания участников молодежного общественного объединения. В результате социально-культурного проектирования повышается готовность принять личное практическое участие в улучшении социаль-

ной ситуации в местном сообществе, что является итогом всей работы, критерием эффективности деятельности молодежного общественного объединения.

Благодаря проведенным наблюдениям, мы предполагаем, что развитие творческой инициативы личности в проектной деятельности будет эффективным при целостном подходе к реализации следующих педагогических условий:

- осуществление поэтапного формирования отношения личности к себе как субъекту проектной деятельности и включенности ее в реальные социально-значимые отношения, моделируемые в проектной деятельности в молодежном общественном объединении;
- организация проектной деятельности подростка в условиях молодежного объединения с опорой на его личный жизненный опыт;
- создание ситуации переживания успеха в проектной деятельности.

Проектировать в молодежной работе – значит на основе прогноза создавать такие технологии, использование которых при построении реального действия молодых людей должно способствовать достижению поставленной цели, обеспечивая при этом разностороннее развитие всех участников социально-культурной деятельности.

По нашему предположению, социально-культурный проект, подготовленный и реализуемый силами участников молодежного объединения, по своей природе инициативный, поскольку члены объединения как инициаторы проекта сами осуществляют следующую деятельность:

- выявляют одну из актуальных проблем социально-культурной сферы;
- формулируют цели и задачи работы при решении данной проблемы;
- проводят первичную подготовку плана и необходимых материалов для реализации проекта;
- сами завершают разработку проекта;
- обращаются в заинтересованные организации с просьбой поддержать проект;
- сами реализуют свой проект.

Приведем пример деятельности общественных молодежных объединений социально-культурной направленности, которые явились инициаторами, разработчиками и организаторами социально-культурных проектов, посвященных 65-летию Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне:

1. Молодежное объединение «Союз молодежи Псковской области» реализует проект «Энергия Победы – новым поколениям», целью которого является привлечение молодежи к активному участию и созданию молодежных традиций празднования Дня Победы над фашизмом. В рамках проекта организованы встречи с ветеранами войны, адресные поздравления ветеранов, исторические конференции и семинары, памятные акции.

2. Союз молодежи Кузбасса реализует проект, посвященный Дню защитника Отечества и празднованию 65-летия Великой Победы, «Вами гордится страна», в результате которого, благодаря созданным фотоэкспозициям и видеопрезентациям, посвященным героям-кузбассовцам, могут быть пополнены музейные фонды Кузбасса.

3. Пермское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Детские и молодежные социальные инициативы» («ДИМСИ» – Пермь), где реализуется проект «Молодежь – ветеранам Великой Победы». Значимость данного проекта в создании сборника виртуальных презентаций и литературно-исторических журналов о подвиге и испытаниях советского народа в Великой Отечественной войне.

4. Молодежные объединения «Фотокульт», «Арт-класс» Кемеровского государственного университета культуры и искусств реализуют социально-культурный проект «Кемеровский государственный университет культуры и искусств – поколение Победы», цель которого – формирование активной гражданской позиции студенческой молодежи, воспитание чувства патриотизма на примере биографий участников Великой Отечественной войны – сотрудников КемГУКИ. Данный проект включает в себя:

- Студенческий фотомарафон «65 дней до Победы – 65 лет после Победы», результатом которого станет издание буклета об участниках Великой Отечественной войны, тружениках тыла – сотрудниках университета;

- организацию фотовыставки по материалам студенческого фотомарафона «Помним, гордимся, благодарим...»;
- акцию «Сделаем мир ярче!», одной из задач которой является организация творческой деятельности «концертных бригад» КемГУКИ для адресного поздравления участников войны с 65-летием Великой Победы и «скорой музыкальной помощи» пациентам Областного госпиталя ветеранов войн;
- творческие встречи студентов с ветеранами Великой Отечественной войны – сотрудниками университета культуры и искусств;
- просмотр фильмов об участниках и ветеранах тыла (сотрудниках университета) Великой Отечественной войны, созданных студентами КемГУКИ, повествующих об истории города Кемерово;
- торжественную церемонию, посвященную празднованию Великой Победы, включающую подведение итогов реализации проектов и мероприятий университета, связанных с празднованием Победы и чествованием ветеранов и участников Великой Отечественной войны – сотрудников университета.

На наш взгляд, именно социально-культурное проектирование позволяет участнику молодежного общественного объединения решать основные задачи возраста: формировать мировоззрение, устанавливать новые способы социального взаимодействия с миром, а также, в определенной мере, помогает решить проблему преемственности поколений.

Можно сделать вывод, что участие в деятельности общественных объединений дает молодежи возможность проявить творческую инициативу, навыки и способности, что создает условия для более успешного процесса социализации, формирует позитивный эмоциональный настрой, уверенность в будущем. Хочется подчеркнуть, что одним из наиболее ценных последствий деятельности молодежного объединения, с применением социально-культурного проектирования, является разностороннее развитие личности.

Нам предстоит продолжить разработку педагогической модели развития творческой инициативы молодежи в молодежных объединениях, созданных и функционирующих на базе молодежных клубов и центров, образовательных учреждений, поддерживающих включение молодых людей в социально-культурные процессы общества.

Литература

1. Бочарова И. Е. Педагогика: учебно-метод. пособие. Саратов, 2005. 84 с.
2. Лисовский В. Т., Гурьянова М. П., Козлов А. А. Жизненные ориентации и профессиональные намерения выпускников средних школ: результаты социологического исследования. М., 2000. 60 с.
3. Закон об общих принципах осуществления государственной молодежной политики в Кемеровской области: информационно – просветительский портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mparlament.eduhmao.ru/info/9/6568/84654/> (дата обращения: 15.03.2010).

Е. М. Овчинникова

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

Современная жизнь ставит перед молодежью задачи, которые требуют активного включения в социальные отношения, во взаимодействие с людьми и социальными институтами в экономической, политической и культурной сферах. Молодежная инициатива, стремление к самостоятельному участию в жизни общества и государства, к удовлетворению и реализации различных социальных потребностей и интересов ведут к возникновению лидерства, добровольчества и других форм социальной активности.

Обратимся к статистике. По данным социологических исследований процент социально активной молодежи низок [см.: 7]. Например, согласно данным Всемирного доклада о положении молодежи, результаты некоторых исследований показывают, что молодежь в целом аполитична. В выборах федерального уровня участвует менее половины молодых россиян, лишь 33 % молодых граждан в возрасте до 35 лет интересуются политикой и только 2,7 % молодых людей принимают участие в деятельности общественных организаций.

Более оптимистично дело обстоит в области образования, каждый второй молодой человек в России в возрасте 14–30 лет учится. Большинство учащихся общеобразовательных школ по их окончании планируют поступить в вузы, каждый пятый – на работу и каждый седьмой – в колледж.

По характеру труда в материальном производстве молодежь распределилась следующим образом: 89,8 % работают по найму, 2,7 % владеют бизнесом с наемным трудом, 2,2 % работают по найму и имеют собственный бизнес, 2,5 % заняты индивидуально-трудоустройством, 5,5 % – другими видами деятельности (мелкая коммерция, работа в личном подсобном и домашнем хозяйстве). То есть подавляющее большинство молодежи в материальном производстве составляет наемную рабочую силу.

В целом достаточно высок уровень образования молодежи в материальном производстве. Более 61,6 %, занятых в этой сфере, имеют не только профессию, но и профессиональное образование [см.: 7]. Российские предприниматели при найме работников в среднем также отдают определенное предпочтение молодежи. Более того, при условии открытого найма многие работодатели оговаривают, что принимают заявки на трудоустройство только от лиц, моложе определенного возраста (как правило, до 30 лет) [см.: 6]. Итак, работодатель хочет видеть молодого специалиста, но вот вопрос: кому он отдаст предпочтение – пассивному, инертному работнику или же активному, креативному специалисту, который станет гарантом свежих идей, неординарных подходов, смелых решений?

В последние годы особым направлением в работе с молодежью, как в России, так и за рубежом, стала разработка и осуществление лидерских программ. Особое внимание им уделяется в системе работы с молодежью в университетах США. Необходимость развития лидерских качеств рассматривается как одна из основных задач высшей школы США. И в этом случае лидерство означает социальную активность, или «активную жизненную позицию». «Активная жизненная позиция» необычайно полезна для молодого человека. В первую очередь в такой позиции молодого специалиста заинтересованы работодатели, считают ученые США [см.: 2].

В России в последние годы ученые всесторонне исследуют проблему формирования и развития социальной активности личности. Философы Л. П. Буюева, Л. Н. Митрохин, А. Г. Хрипкова, С. С. Батенин рассматривают социальную активность как особую форму взаимодействия субъекта с окружающей средой, как особое состояние любой деятельности, характеризуемое позитивно выраженной стороной. Психологи

А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, В. С. Мерлин, Л. С. Славин определяют данное понятие с точки зрения представлений о природе качества личности как системы действий, потребностей и мотивов поведения.

В социально-культурной деятельности развитие социальной активности молодежи рассматривается следующими учеными: И. Н. Ерошенковым, Е. И. Григорьевой, В. Я. Суртаевым, В. Е. Триодиным, Ю. А. Клейбергом и другими. И. Н. Ерошенков рассматривает проблемы воспитания свободного гражданина общества, творчески мыслящего и созидающего новый мир, мир гуманизма и свободы, высокой духовности и нравственности [см.: 3, с. 48]. Е. И. Григорьева характеризует особенности стимулирования и развития социально значимых качеств личности [см.: 1, с. 264–266].

Каков бы ни был подход к определению понятия «социальная активность», все исследователи склонны рассматривать ее как основной показатель жизненной позиции личности.

Развитие социальной активности зависит от ряда факторов: субъективных и объективных. Субъективным фактором является воспитательное воздействие общества, проявляющееся в просветительной, культурной деятельности, осознании человеком своей роли в обществе. Необходимо развивать способность к сотрудничеству, взаимопомощи, осмысленному общению. Социальная активность человека зависит от творческого и ответственного отношения к жизни. К объективному фактору, влияющему на развитие социальной активности, можно отнести проявление социальной активности в жизни общества. Поэтому необходимо стимулировать развитие социальной активности среди молодежи в области решения социальных задач общества, то есть формировать потребности в различных видах социальной деятельности и гарантировать вознаграждение за достижение оптимального результата [см.: 8].

Для увеличения социальной активности молодежи нужно создавать такие условия, при которых молодежь почувствует себя социально значимой для общества и государства, также необходимо использовать наиболее эффективные средства, способствующие ее развитию.

Сегодня государство заинтересовано в социально активных гражданах – молодежи и дает широкое поле деятельности для развития социальной активности, которое может осуществляться через социально-культурное проектирование.

Рассмотрим социально-культурное проектирование, как одно из современных и эффективных средств по развитию социальной активности молодежи.

В процессе социально-культурного проектирования необходимо всесторонне рассмотреть проблемы, определить их актуальность, найти и проработать различные варианты решений рассматриваемой проблемы с учетом имеющихся ресурсов, оценить возможные последствия реализации каждого из вариантов, выбрать наиболее оптимальное решение и оформить его в виде проекта, наконец, разработать механизмы внедрения проекта в социальную практику, также учесть материально-технические, финансовые ресурсы, обеспечивающие его реализацию [см.: 5].

Т. Г. Киселева и Ю. Д. Красильников выделяют следующие основные черты социально-культурного проектирования:

1. В качестве объекта оно имеет массу сложных и динамичных по своей природе социальных объектов, процессов и явлений;

2. Проектировщик социально-культурного объекта обладает большими правами на фантазию, так как социально-культурное проектирование не ограничено, как в архитектуре или инженерной практике, системой заранее заданных жестких нормативных, экономических или чисто технических требований;

3. В качестве инициаторов и реализаторов социально-культурных проектов выступают не только специалисты, но и представители общественности, не профессионалы, члены самых различных социально-возрастных групп [см.: 4, с. 488].

Актуальность овладения основами социально-культурного проектирования обусловлена, во-первых, тем, что данная технология имеет широкую область применения для всех профессий социокультурной сферы. Также при разработке и реализации социально-культурных проектов у проектировщика формируются способности к инициированию нестандартных решений, к пробам творческих сил, умению в любой ситуации отстаивать свою авторскую позицию. Во-вторых, владение логикой и технологией социокультурного проектирования позволит специалистам более эффективно осуществлять аналитические, организационно-управленческие и консультационно-методические функции в социально-культурной сфере. В-третьих, проектные технологии обеспечивают кон-

курентоспособность специалиста на рынке труда, то есть умение разработать социально значимый проект и оформить заявку на его финансирование – это реальная возможность создать себе рабочее место как в рамках существующих учреждений и организаций, так и вне их [см.: 9].

Хорошее доказательство этому Международный форум Селигер, прошедший в 2009 году, где на смену приехало 2000 молодых лидеров со всего мира. С 1 по 8 июля молодые люди участвовали в интенсивной образовательной программе, встречались с экспертами, представителями власти и бизнеса.

Основная цель международного Селигера – создать сеть, объединяющую молодых людей со всего мира и обеспечивающую уникальные условия для их общения, развития, обучения и разработки совместных международных проектов.

Вся работа международной смены построена по шести тематическим направлениям: мировая политика, бизнес и инновации, средства массовой информации, гражданское общество, устойчивое развитие и окружающая среда, творчество.

Каждый участник, выбрав интересующее его направление, мог посещать лекции и семинары, участвовать в конференциях, круглых столах, встречах с людьми, получившими признание в России и за рубежом, а главное – создавать новое, уже сегодня определяя завтрашний облик мира.

Но чтобы попасть на такой форум, необходимо иметь большой лидерский опыт и, конечно, уметь разрабатывать и реализовывать социальные проекты. И здесь область и город дают массу возможностей для реализации, в том числе ежегодно проходящий грантовый конкурс молодежных проектов «Молодежное вече», различные грантовые все-российские, областные конкурсы, не говоря уже о районных конкурсах проектов молодежных объединений и организаций.

Таким образом, проанализировав проблемы социальной активности молодежи в современном обществе, приходим к выводу, что необходимо развивать это свойство молодежи с использованием социально-культурного проектирования, так как активная жизненная позиция молодежи приводит к росту трудовой, общественно-полезной, экономической деятельности общества.

Литература

1. Григорьева Е. И. Современные технологии социально-культурной деятельности: учеб. пособие. Тамбов, 2004. 510 с.
2. Даффлона Д. Молодежь в России: портрет поколения на переломе [Электронный ресурс] // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 5. URL: <http://www.polit.ru/research/2008/12/22/dafflon.html> (дата обращения: 20.02.2010).
3. Ерошенков И. Н. Культурно-воспитательная деятельность: учеб. пособие. М., 2004. 220 с.
4. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность: учеб. пособие. М., 2004. 539 с.
5. Марков А. П., Бирженюк Г. М. Основы социокультурного проектирования: учеб. пособие. СПб.: СПГУП, 1997. 262 с.
6. Мартынова М. Д. Развитие лидерства и социальной активности молодежи в системе высшего образования как основание для формирования управленческих качеств будущих специалистов // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 5–6 (28). С. 129–133.
7. Молодежь в современном мире: электрон. свободная энциклопедия Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 20.02.2010).
8. Симонова М. В. Социально-культурное проектирование как средство формирования основ информационной компетентности студенческой молодежи: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. РГБ ОД. Барнаул, 2008. 25 с.
9. Турбина Т. А. Культурно-досуговая деятельность как средство развития социальной активности современных подростков: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. РГБ ОД. СПб., 2007. 23 с.

А. К. Мальцева

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЮНОШЕСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

Профессиональное самоопределение – это важнейший компонент общечеловеческой культуры и основа жизненного самоутверждения человека. В современных условиях рыночных отношений необходимо уметь постоянно совершенствоваться в профессии, быть готовым к смене

вида деятельности и уметь самоопределяться в различных профессиональных сферах. В сложившейся ситуации становится актуальной проблема профессионального самоопределения юношества. Инновационным ресурсом в повышении качества профессионального самоопределения юношества является социокультурная сфера. В сфере педагогически регулируемого досуга перед юношеством открываются возможности в самопознании, саморазвитии, самосовершенствовании, в реализации своих профессиональных планов. А нынешняя практика показывает, что юношество оказывается не подготовлено к новой ситуации на рынке труда. Следовательно, существует необходимость оказания социальной помощи подрастающему поколению в определении своего жизненного пути.

Изучение профессионального самоопределения является важным аспектом в связи с модернизацией образования, с появлением новых профессий, что определяет значимость данной проблемы для региона и для человека, находящегося на этапе поиска своего места в обществе.

Изучив различные возрастные периодизации, можно прийти к выводу, что поиск своего места в обществе, личностное и профессиональное самоопределение чаще всего происходит в юношеском возрасте. В схеме возрастной периодизации онтогенеза границы юношеского возраста обозначены между 17–21 годом для юношей и 16–21 годом для девушек, но в физиологии его верхнюю границу часто отодвигают к 22–23 годам у юношей и 19–20 годам у девушек. Современные представления о границах этого возраста охватывают период от 12 до 18–19 лет (Г. Крайг; В. Квинн). Юность – чрезвычайно значимый период в жизни человека. Психологическое содержание этого этапа связано с рядом проблем, среди них: становление устойчивого самосознания и стабильного образа «Я»; открытие своего внутреннего мира; решение задач профессионального самоопределения и вступление во взрослую жизнь, освоение новых социальных ролей; психическое развитие и формирование личности, познавательные процессы и умственные способности, самоконтроль; способность строить смысложизненные цели и планы.

Практика показывает, что юношество оказывается не подготовлено к поступлению в вузы и ссузы. Большинство из них имеют неустойчивые, ситуативные интересы к профессиональной деятельности, они не владеют способами изучения своих индивидуальных возможностей

в соответствии с избираемой профессией, и к окончанию обучения в основной школе у значительной части выпускников не сформированы жизненные и профессиональные планы. Все эти факторы осложняют процесс адаптации юношества к изменившимся условиям жизни общества и к ситуации на рынке труда.

Для более полного рассмотрения проблемы профессионального самоопределения были изучены работы ученых К. Ш. Ахиярова, Л. И. Божович, Е. Л. Климова, Н.С. Пряжникова, С. Н. Чистяковой, П. А. Шавира и др., педагогические исследования об организации и планировании профориентационной работы с юношеством Е. Ю. Артемьевой, В. А. Бодрова, И. А. Брынцевой, Т. В. Королевой. Проблемы профориентационной деятельности юношества рассматривались с позиции социально-культурных идей В. П. Беспалько, И. Е. Брюшенковым, В. С. Гончаровой, М. И. Долженковой, Е. В. Литовкиным, Э. А. Орловой, В. Н. Пересыпкиным, Н. Н. Ярошенко и др.

Таким образом, изучению проблемы профессиональной ориентации посвящено значительное число работ, авторы которых с разных позиций рассматривали данный феномен.

Но, несмотря на имеющиеся достижения в этой области, для решения вышеуказанной проблемы не ведутся научные исследования, в которых изучались бы вопросы профессионального самоопределения юношества в социокультурной сфере.

В наши дни проблема выбора юношеством будущей профессии стоит остро. Причина – социально-экономические изменения в жизни общества. Развиваются рынок труда и рынок образовательных услуг, что меняет отношение к проблеме профессионального самоопределения.

Нельзя не согласиться с Е. А. Шабаровой в том, что «самым важным, неотложным и трудным делом становится для старшеклассника выбор профессии. Психологически устремленный в будущее и склонный даже мысленно “перепрыгивать” через незавершенные этапы, выпускник внутренне уже тяготится школой; школьная жизнь кажется ему временной, ненастоящей, преддверием другой, более богатой и подлинной жизни, которая одновременно манит и пугает его» [5, с. 16].

Решение проблемы профессионального самоопределения юношества происходит в различных сферах: образовательной, социокультурной, семейной, политической, экономической и в других сферах

общественной жизни. Одним из ресурсов в повышении качества профессионального самоопределения юношества является сфера педагогически регулируемого досуга.

Т. Г. Киселева пишет о том, что «педагогический аспект социально-культурной деятельности заключается в социальном воспитании и развитии человека, осуществляемых в различных формах досуговой деятельности и направленных на решение следующих культурно-воспитательных задач:

- целенаправленное приобщение человека к богатствам культуры, формирование его ценностных ориентаций и “возвышение” духовных потребностей;

- стимулирование социальной активности, инициативы и самостоятельности человека в сфере досуга, повышение его досуговой квалификации, то есть умения рационально, содержательно и разнообразно организовать свое свободное время в целях поддержания физического и духовного здоровья и самосовершенствования;

- создание условий для выявления и развития способностей личности, реализации ее творческого потенциала и позитивного самоутверждения» [цит. по: 1, с. 8].

Именно в социально-культурной сфере перед юношеством открываются уникальные возможности в самопознании, саморазвитии, самореализации, в поиске области применения индивидуальных способностей, в практической подготовке к реализации своих интересов и профессиональных планов. Однако рассмотрение этого вопроса позволило выявить ряд проблем.

В настоящий период возможности социокультурной деятельности в решении проблемы профессионального самоопределения учитываются в недостаточной степени, мало обращается внимание на культурную составляющую досуга юношества [см.: 2, с. 5].

С каждым годом увеличивается выбор специальностей, появляются новые профессии, на которые досуговые учреждения не ориентируют юношество. Зачастую социально-культурная сфера подготавливает подростка к поступлению в вуз или ссуз, затрагивая лишь эмоционально-творческий аспект.

Сильнейшая коммерциализация в социокультурной сфере приводит к тому, что значительная часть юношества не имеет возможности

посещать досуговые учреждения. Данная проблема увеличивает число молодых людей, не занятых общественно полезными видами деятельности, вследствие чего возникают серьезные проблемы в обществе.

Уже на протяжении нескольких лет наблюдается ситуация, что верхние строки рейтинга занимают профессии юриста, экономиста, менеджера, программиста. Из профессий производственной сферы называются только «автомеханик» и «повар». А из творческой сферы иногда называются такие профессии, как «режиссер» и «хореограф». Можно констатировать, что список выбираемых профессий крайне беден. Это говорит о том, что профориентационную работу надо начинать проводить с раннего детства, знакомя детей с «миром профессий».

С каждым годом трудоустройство для юношества становится все более проблематичным. Но это не сделало выбор профессии более осознанным. Юноши и девушки не имеют достоверной информации о требованиях рынка труда [см.: 1, с. 14].

«В условиях рыночной экономики немаловажное значение имеет реклама. Информационно-рекламной деятельностью учреждения культуры занимались и прежде. Другое дело, что работа эта велась бессистемно, на ощупь, а эффективность рекламы никто всерьез не изучал» [3, с. 112]. Не используя данный ресурс (реклама в средствах массовой информации и в социальных сетях; рекламные ролики об учреждениях дополнительного образования и др.), многие учреждения досуга остаются в «тени», теряя своих потребителей.

Для того чтобы процесс профессионального самоопределения в социально-культурной сфере проходил успешно, необходимо:

- 1) учитывать возрастные и индивидуальные особенности юношества (способности, склонности, интересы);
- 2) способствовать формированию у молодежи навыков самоопределения, планирования жизненного и профессионального пути;
- 3) выявить критерии эффективности и условия профессионального самоопределения юношества;
- 4) разработать программы и адаптировать технологии культурно-досуговой деятельности, активизирующие профессиональное самоопределение;
- 5) осуществлять поиск современных и наиболее эффективных форм и методов профессионального самоопределения юношества в социально-культурной сфере;

6) устранить существующий разрыв между системой основного общего образования в рамках урочной деятельности и системой внеурочного образования;

7) определить место и особенности внеурочной деятельности в профессиональном самоопределении;

8) выявлять и учитывать факторы, влияющие на профессиональное самоопределение юношества во внеурочной деятельности;

9) «осуществлять взаимодействие педагогов образовательного учреждения, осуществляющих процесс общего базового образования, профильного обучения и внеурочной деятельности» [4, с. 6];

10) изучить рынок труда в социально-культурной сфере, выявить профессии, на которые в дальнейшем необходимо ориентировать юношество;

11) способствовать изменению закрепившихся в общественном сознании установок и стереотипов о «непрестижных» профессиях и «престижных» вузах.

Учет предлагаемых путей решения данной проблемы будет способствовать благоприятному профессиональному самоопределению юношества в социокультурной сфере.

Культурно-досуговая деятельность привлекает юношество свободой общения, добровольностью выбора тех или иных форм досуга и труда, возможностями сочетания интеллектуальной, познавательной, физической деятельности, представляет наиболее благоприятную образовательную среду для профессионального самоопределения юношества при условии ее социально-педагогического регулирования. Основоплагающая потребность юношества – профессиональное самоопределение, и поэтому социокультурная сфера должна способствовать формированию данного процесса.

Литература

1. Брюшенков И. Е. Организационно-педагогические условия профессиональной ориентации старшеклассников средствами социально-культурной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / ГОУ ВПО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина». Тамбов, 2009. 36 с.

2. Кононогова О. И. Профессиональная ориентация учащихся в учреждении дополнительного образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет». Ростов н/Д, 2007. 13 с.
3. Новаторов В. Е. Современные технологии культурно-досуговой деятельности: состояние, проблемы, перспективы развития // Вестник Омского государственного университета. 1999. № 3. С. 109–114.
4. Пересыпкин В. Н. Профессиональное самоопределение старших школьников во внеурочной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. РГБ ОД, 61: 06-13 / 373. Кемерово, 2005. 9 с.
5. Шабарова Е. А. Особенности профессионального самоопределения молодежи [Электронный ресурс] // Труды МЭЛИ : электронный журнал. 2007. № 2. URL: <http://www.meli.ru /e-magazine /index.htm> (дата обращения: 22.01.2010).

И. А. Гладковская

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПРОБЛЕМЕ АДАПТАЦИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Одним из перспективных и актуальных научных направлений является исследование проблем семьи и происходящих в ней изменений. Интерес исследователей к данной проблематике обусловлен проявлением кризисных тенденций в функционировании современной семьи, затрагивающих все сферы процесса ее адаптации. Под кризисом семьи подразумевается неспособность института семьи выполнять свои основные функции, с которыми она успешно справлялась раньше.

Кроме того, актуальность исследования адаптации семьи в системе социально-гуманитарных наук обусловлена кардинальными изменениями всего российского общества, которые самым непосредственным образом затронули ее основы. Безусловно, это усугубляет положение семьи в целом. Однако излишняя драматизация ситуации не способствует объективному анализу проблем адаптации семьи.

Тенденции развития общества всегда особо затрагивали молодую семью. Она, переживая процессы собственного становления (внутренней адаптации), не всегда оказывается способной к эффективной адаптации в среде, в отличие от семьи со стажем, уже накопившей внутренние

ресурсы для этого. Кроме того, попытки молодой семьи адаптироваться зачастую оборачиваются распадом ее структуры и рассогласованностью ее специфических функций и ролей.

Проблема адаптации молодой семьи приобрела особую остроту в течение двух последних десятилетий, для которых характерны радикальные социально-экономические преобразования. В результате возникли устойчивые очаги нарушения адаптированности взаимодействующих общественных групп. Все это не могло не отразиться на состоянии процесса адаптации молодой семьи.

Проблемы семьи касаются каждого человека. Они затрагивают самые различные социальные группы и слои – трудовые коллективы и соседские общины, молодежь, взрослых, детей, пожилых. Самочувствие молодой семьи в процессе адаптации влияет на ее функционирование и не может не волновать общество и государство, так как устойчивость этого социального института напрямую связана с социальной безопасностью и перспективами мирового развития.

Вышеотмеченные тенденции функционирования семьи и ее связи с обществом заставляют исследователей системы социально-гуманитарных наук тщательно анализировать проблемы адаптации молодой семьи.

Цель – изучение научных подходов к адаптации молодой семьи.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) рассмотреть сущность проблемы адаптации молодой семьи,
- 2) раскрыть теоретические подходы к проблеме адаптации молодой семьи.

В современном обществе стали заметны проблемы адаптации молодой семьи, отражающие нарушения социально-ролевых позиций членов семьи, взаимодействия между ними в целом. Особую озабоченность многих ученых и общественных деятелей вызывают неблагоприятные демографические показатели, напрямую связанные с функционированием семьи: снижение рождаемости, высокая смертность, высокое количество разводов и многое другое.

Проблемы адаптации молодой семьи в различных методологических течениях получают неоднозначную (а иногда и прямо противоположную) интерпретацию. С одной стороны, ряд исследователей: А. И. Антонов, В. Медков и другие (приверженцы так называемого

«алармистского» подхода) – говорят о расширении традиционных семейных устоев и глобальном кризисе семьи как социального института. Представители другой («либеральной») точки зрения: В. И. Переведенцев, Н. Смелзер и другие – утверждают, что происходящие революционные изменения молодой семьи носят закономерный характер, и связывают это с тенденциями завершившегося XX века (индустриализация, урбанизация, экономическая эмансипация женщин и тому подобное) [6, с. 6].

До середины XIX века семья, в частности молодая семья, рассматривалась как исходная микромодель общества, социальные отношения выводились из семейных, само общество учеными трактовалось как разросшаяся семья. В работах И. Я. Бахофена, М. М. Ковалевского, И. Колера, М. О. Косвена, Дж. Леббока, Дж. Мак-Леннана, Л. Моргана, Ф. Энгельса выдвигались положения относительно первобытной формы брака, адаптации семьи, в зависимости от формы брака.

Концепции адаптации молодой семьи, как социального института, были разработаны в трудах Э. Берджесса, Э. Вестермарка, Э. Дюркгейма, Дж. Мэдока, У. Осборна. В XIX веке возникло также прикладное изучение адаптации молодой семьи, как малой первичной группы. Основоположником этой социологической традиции является Ф. Ле Пле.

Адаптацию молодой семьи как социально-психологической группы начали исследовать У. Джеймс, Ф. Знанецкий, Ж. Пиаже, З. Фрейд.

В изучении процесса адаптации молодой семьи большое значение имеют совместные труды М. С. Мацковского и Т. А. Гурко, в которых было дано определение понятия «молодая семья». К. Д. Басаева в своих работах анализирует этнические аспекты адаптации молодой семьи. Н. Н. Азисова, Д. В. Баранова, С. Ковальски рассматривают различные этические аспекты адаптации молодой семьи [см.: 6, с. 21–35].

Обзор степени исследованности данной проблематики позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на все многообразие, отсутствуют работы, посвященные изучению аспектов адаптации молодой семьи.

Проведенный Т. К. Ростовской анализ существующих определений понятия «молодая семья» в нормативно-правовых актах различных уровней и в научной литературе выявил неоднозначность трактовки этого термина: различные мнения по поводу продолжительности совместной жизни, наличия или отсутствия детей, очередности и юридической

оформленности брака. Общим для большинства определений выступает основной ее признак – возраст супругов до 30 лет, то есть исследователи исходят из общепринятого в научной и популярной литературе, законодательных актах понятия «молодежь», к которой относятся молодые люди от 16 до 30 лет [4, с. 43].

В данной статье принято определение, сформулированное М. С. Мацковским и Т. А. Гурко, в котором в качестве молодой семьи рассматривается семья, где супругам не более 30 лет, стаж совместной жизни до 5 лет включительно и оба супруга состоят в первом зарегистрированном браке. Стаж существования семьи – до 5 лет – обусловлен тем, что в этот период складывается характер супружеских отношений, который находится под влиянием брачного выбора, идет процесс адаптации супругов друг к другу. Возрастная граница не более 30 лет установлена в соответствии с понятием «молодежь», принятым в научной и юридической литературе. Очередность брака – первый – обосновывается тем, что исследуются отношения мужа и жены, не имеющих опыта супружеской жизни [см.: 2, с. 45].

Теоретический анализ научной литературы показал, что, возникнув в рамках естественно-научной парадигмы, а феномен адаптации стали изучать в начале XIX века благодаря работам И. П. Павлова, Н. Е. Введенского, А. А. Ухтомского и В. М. Бехтерева, категория адаптации за последние десятилетия существенно расширила границы своего смыслового содержания, включив в него социологические, психологические, культурологические контексты, и тем самым приобрела статус междисциплинарной категории. Вместе с тем, адаптация является сложной системной категорией, включающей в себя процессуальные, результативные, структурные и функциональные аспекты [6].

И для того чтобы способствовать успешной реализации адаптации молодой семьи, необходимо рассмотреть теоретические подходы к адаптации молодой семьи.

В качестве основных направлений исследования адаптации выделяют следующие: бихевиоральное (Дж. Уотсон и другие), психоаналитическое (З. Фрейд, Э. Эриксон, Г. Гартман и другие), когнитивное (Ж. Пиаже), интеракционистское (Л. Филипс), гуманистическое (К. Роджерс, А. Маслоу и другие), а также субъектно-деятельностный подход (Б. Д. Парыгин, К. К. Платонов, А. А. Налчаджян и другие) [1].

Дж. Уотсон, Р. Стюарт, Н. Якобсон и другие рассматривают адаптацию в широком понимании как процесс удовлетворения потребностей семьи в соответствии с требованиями среды, приводящими к изменениям в поведении семьи, тем самым подчеркивая процессуальный и результативный аспекты адаптации молодой семьи. В данном случае происходит отождествление понятий адаптации и приспособления.

З. Фрейд, Н. Аккерман и другие рассматривают адаптацию молодой семьи как состояние гомеостаза между семьей и средой. Так же, как и представители бихевиорального направления, представители психоанализа отождествляют содержание категорий «адаптация» и «приспособление».

Ж. Пиаже, Э. Каткин и другие для описания процесса адаптации молодой семьи предложили специальные термины: ассимиляция и аккомодация. Эти два процесса происходят одновременно и составляют процесс адаптации.

Анализируя процесс адаптации, Л. Филлипс выделяет следующие аспекты. Во-первых, при рассмотрении адаптации как состояния, при достижении которого семья удовлетворяет минимальные требования и ожидания общества, подчеркивается аспект социальной направленности. Во-вторых, в характеристике адаптивного поведения как успешного принятия решений, проявления инициативы и ясного определения собственного будущего отражается аспект активности молодой семьи, а также преобразующий характер ее социальной активности. В-третьих, аспект разграничения понятий «адаптация» и «приспособление»: адаптация рассматривается как организованный способ справиться с типичными проблемными ситуациями, который формируется путем последовательного ряда приспособлений. То есть приспособление рассматривается лишь как компонент адаптации, проявляющийся при столкновении молодой семьи с конкретной проблемной ситуацией.

К. Роджерс, А. Маслоу и другие адаптацию рассматривают как динамическое состояние оптимальности, что подчеркивает процессуально-результатирующий характер данной категории [7].

Б. Д. Парыгин, К. К. Платонов, А. А. Реан определяют адаптацию как процесс приспособления молодой семьи к изменяющимся условиям окружающей среды, а также как результат данного процесса. В качестве специфических особенностей адаптации отмечают: активное участие

сознания, влияние трудовой деятельности, активное изменение семьей результатов своей адаптации в соответствии с социальными условиями бытия [см.: 3, с. 147].

Б. Д. Парыгин разграничивает понятия «адаптация» и «адаптированность», рассматривая адаптацию как процесс, а адаптированность как состояние, формирующееся как результат этого процесса [см.: 3, с. 218].

Т. Тодд, Л. Дикая, А. Журавлев процесс адаптации рассматривают в следующих направлениях: в системе «деятельность – семья», в системе «социальная среда – внутренняя среда» семьи. Содержательной стороной процесса адаптации является активное формирование молодой семьей стратегий и способов овладения ситуацией на разных уровнях регуляции поведения, деятельности, состояния [см.: 6].

Аспекты адаптации молодой семьи для каждой частной науки (педагогике, психологии, этики и других) определяются спецификой ее предмета в целом.

Философия рассматривает адаптацию семьи исходя из определенных общеметодологических принципов [см.: 3, с. 115].

Этика не случайно когда-то называлась «практической философией», то есть наукой, в которой исследовательские задачи в известной мере подчинены задачам нравственной ориентации людей. Соответственно этический подход к проблеме адаптации молодой семьи неизбежно несет на себе печать заинтересованности ученого в том, чтобы его выводы оказали непосредственное влияние на практическое осуществление семейной адаптации.

Этнография рассматривает адаптацию молодой семьи в сфере быта народов. При этом буржуазная этнографическая наука изучает стороны адаптации молодых семей у отсталых народов, а в брачно-семейных отношениях в процессе адаптации ее интересует главным образом внешняя, обрядовая сторона.

Этнографы европейских стран понимают свои задачи гораздо глубже и полнее. Они не ограничиваются описанием семейного быта в процессе адаптации – жилища, одежды, обычаев, обрядов, а стремятся установить причины и закономерности их изменения в данном процессе. Это не уничтожает специфики этнографии как исторической науки; сущность и закономерности процессов адаптации семьи ею изучаются не сами по себе, а в их конкретно-историческом выражении.

Экономическая наука и статистика, изучая адаптацию молодой семьи, занимаются исследованием семейных бюджетов, семейного производства и потребления, разделения труда и хозяйственно-экономических отношений.

Психология, главным образом, анализирует чувства, настроения, привычки, проявляющиеся в брачно-семейной адаптации молодой семьи, а также социальные и природные источники этих психологических явлений.

Правоведение обосновывает и изучает существующие или желательные общественные правовые нормы, регулирующие проявления адаптации молодой семьи.

Медицина исследует физиологическую и психологическую стороны адаптации семьи и ее влияние на здоровье членов семьи.

Педагогика исследует процесс адаптации молодой семьи с точки зрения влияния семьи на детей, закономерностей и средств воспитания в семье, характера воздействия на ребенка каждого из родителей [см.: 5, с. 98–129].

Итак, в статье дано определение понятия «молодая семья» и представлены основные направления исследования адаптации молодой семьи, что позволяет приступить к осмыслению и анализу теоретической базы социокультурной адаптации молодой семьи.

Литература

1. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. 272 с.
2. Голод С. И. Социально-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социс. 2008. № 1. С. 40–48.
3. Лисовский В. Т. Молодежь: любовь, брак, семья. СПб., 2003. 368 с.
4. Ростовская Т. К. Молодая семья в современном российском обществе // Молодежь. 2007. № 3. С. 42–48.
5. Семья, дом и узы родства в истории / под общ. ред. Т. Зоколлы, О. Кошелевой. СПб., 2004. 285 с.
6. Солодников В. В. Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб., 2007. 384 с.
7. Черняк Е. М. Социология семьи: учеб. пособие. М., 2006. 240 с.

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА,
ЕГО МИССИИ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ НА РЫНКЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ**

Становление рынка труда и рынка образовательных услуг, а также формирование многоуровневой образовательной системы в сфере культуры и искусства оказывают существенное влияние на деятельность образовательных учреждений (ОУ). В настоящее время внешняя среда функционирования ОУ стала качественно иной: повышается степень ее неопределенности, появляются неучтенные факторы риска [2]. У образовательных учреждений сферы культуры и искусства возникла острая необходимость адаптации к жестким реалиям конкуренции и проектирования стратегии развития и позиционирования на рынке образовательных услуг.

Управление ОУ в этих условиях должно быть более приспособленным к рыночной саморегуляции, основываться на маркетинговых принципах и технологиях. Вследствие чего возникает необходимость в стратегическом планировании программы деятельности и развития образовательных учреждений (детская школа искусств – колледж – вуз) сферы культуры и искусства.

Концептуальными основами стратегического плана являются:

- миссия ОУ;
- основные приоритеты стратегического развития ОУ [7].

Миссия ОУ – это утверждение относительно философии, предназначения и общественного смысла его существования. Миссия задает ориентиры конкретных целей деятельности образовательных учреждений сферы культуры и искусства, которые ложатся в основу планов его стратегического развития.

Миссия ОУ – это фактически стратегия его развития, условия и методы претворения в жизнь видения, это пути и способы осуществления его предназначения, достижение стратегических целей реализации видения [см.: 5, с. 5].

Основные приоритетные направления развития определяются исходя из принятой ОУ модели взаимодействия с рынком образовательных услуг (РОУ) и рынком труда (РТ), которая в значительной мере предопределяет:

- содержание образования;
- позиции ОУ в образовательной системе сферы культуры и искусства;
- уровень и качество образования;
- информационную политику;
- международную деятельность и т. д. [6].

Одним из факторов благополучного развития ОУ является выбор правильной стратегии его развития, которая определяется миссией. Можно выделить следующие основные цели формирования миссий образовательных учреждений (детская школа искусств – училище – вуз) сферы культуры и искусства:

- определение стратегической цели (целей) развития ОУ, его места и роли в сложившейся региональной системе образования;
- координация усилий в проведении рекламных кампаний, выставок, концертов, дней открытых дверей и конференций, где необходимо показать существенное отличие образовательной деятельности ОУ от других образовательных учреждений;
- координация деятельности всех служб и структур, обеспечивающих воспитательно-образовательный процесс в ОУ;
- финансовое планирование крупных закупок, связанных с недвижимостью, оборудованием и т. д.;
- стратегия кадровой политики ОУ;
- международное сотрудничество и разработка соответствующих программ и проектов;
- введение регионального компонента в учебные планы;
- подбор преподавательского состава в соответствии с принятой миссией ОУ;
- разработка рациональной структуры управления под выбранную миссию образовательных учреждений сферы культуры и искусства.

Анализ исследований [3; 7] позволил выделить ряд факторов, способствующих выработке миссии ОУ, которые представлены нами в табл. 1.

Факторы, способствующие выработке миссии образовательных учреждений

Потребители	Кто являются потребителями образовательных услуг учреждений сферы культуры и искусства на РОУ и РТ
Образовательные услуги	Какие образовательные услуги предлагаются на РОУ
Размещение	Как ОУ ведет конкурентную борьбу
Специализация	Какова базовая специализация ОУ
Проблемы выживания	Каковы базовые убеждения, ценности и приоритетные устремления ОУ
Представление о себе	Какие заявлены отличительные качества и конкурентные преимущества ОУ
Желательный имидж	К какому имиджу стремится ОУ и какую ответственность перед обществом оно принимает

Обычно ОУ формирует несколько миссий, которые могут со временем уточняться или даже изменяться. Однако если количество миссий ОУ превышает 3–4, то это не только затрудняет восприятие образовательной политики образовательных учреждений сферы культуры и искусства, но и свидетельствует о распыленности усилий и неэффективной реализации каждой миссии.

Лучше всего, если миссии разрабатываются по направлениям сложившейся системы образования детских школ искусств, училищ, вузов сферы культуры и искусства. Миссии ОУ различаются также и по приоритетам (например, в детских школах искусств – по ступеням обучения, в вузах – по направлениям деятельности: образовательная, научная, творческая и др.). Образовательное учреждение может декларировать одну основную миссию и одну или несколько вспомогательных миссий. Если образовательное учреждение вообще не декларирует свою миссию, то цели его прагматичны и не привлекательны, что ослабляет его позиции, как на рынке образовательных услуг, так и на рынке труда.

Анализ миссий образовательных учреждений сферы культуры и искусства Кемеровской области, активно ведущих рекламные кампании, позволил выделить следующие группы миссий:

- поддержание традиций российского образования в сфере культуры и искусства с учетом современных требований (ГОУ СПО «Кемеровское областное художественное училище»);

- гарантия будущей профессиональной карьеры (ГОУ СПО «Новокузнецкое училище искусств»);

- качественное профессиональное образование, основанное либо на новых образовательных технологиях, на базовом классическом образовании, либо на основе «непрерывно развивающейся образовательной среды» (ГОУ СПО «Прокопьевский колледж искусств»), либо на индивидуальном подходе к обучению (ГОУ СПО «Кемеровский музыкальный колледж»), либо на основе новых концепций обучения – «мы знаем, чему вас учить сегодня, чтобы вы были востребованы завтра» (ГОУ СПО «Кемеровский областной колледж культуры и искусств»);

- гибкое, нестандартное обучение по новым, наиболее востребованным специальностям (ГОУ СПО «Кемеровский областной колледж культуры и искусств»);

- развитие познавательной активности, самостоятельности обучающихся, расширение творческих способностей (ГОУ СПО «Кемеровский музыкальный колледж»);

- создание системы непрерывного образования (ГОУ СПО «Прокопьевский колледж искусств»);

- образование, наука и творчество для качественной профессиональной подготовки и воспитания личности на основе высокой духовности и непреходящих традиций отечественной культуры, способной к креативной, компетентной и ответственной профессиональной деятельности в сфере культуры и искусства в условиях многополярного и быстроменяющегося мира (ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»).

Провозглашенная образовательная миссия – это высокая ответственность администрации ОУ за ее реализацию перед обучающимися и студентами, преподавателями и сотрудниками, государством и обществом в целом.

Сегодня учебные заведения сферы культуры и искусства Кемеровской области призваны не просто найти гуманистическое и новаторское решение проблем современности, но, в качестве активных участников рынка образовательных услуг и рынка труда, подготовить молодежь к жизни и труду в изменившихся условиях, к реализации творческого потенциала. Это можно считать главной задачей любого образовательного учреждения сферы культуры и искусства, и если оно стремится найти свое место в системе образования, то должно иметь свою четко сформулированную, внутренне непротиворечивую, корректную, основанную на реальной базе миссию.

В соответствии с принятой идеологией взаимодействия образовательных учреждений сферы культуры и искусства с рынком образовательных услуг и рынком труда, примерная основа для разработки миссии может выглядеть следующим образом: развивая систему стратегического управления качеством образования, образовательное учреждение сферы культуры и искусства намерено формировать высокий уровень профессиональных знаний выпускников, максимально полно удовлетворять запросы многосегментного рынка труда, с одной стороны, и формировать у потребителей продукции и образовательных услуг новые взгляды на качество образования, пропагандируя важность гуманистических аспектов и знаний, необходимость сохранения культурных традиций в обществе, с другой стороны.

Литература

1. Алексеев А. Основы проведения маркетинговых исследований [Электронный ресурс]. URL: www.marketing.spb.ru/read/m1/index.htm.
2. Безгласная Е. А. Проблемы обеспечения конкурентоспособности вузов и стратегии их деятельности в условиях региональной конкуренции // Некоторые аспекты социодинамики сферы образования в современном российском обществе. М., 2007. С. 47–49.
3. Бешкинская И. В. Образовательные услуги вуза (методология и практика исследования рынка). М., 2000. 132 с.
4. Борисова Ю. В. Анализ конкурентоспособности образовательного учреждения // Открытое образование. 2002. № 2. С. 56–58.
5. Кудрина Е. Л., Рудич Л.И., Утин Е.В. Система планирования в учреждениях социально-культурной сферы: учеб. пособие. М., 2006. 224 с.

6. Панкрухин А. Маркетинг образовательных услуг в высшем и дополнительном образовании. М., 1995. 231 с.
7. Фатхутдинов Р. Система обеспечения конкурентоспособности вуза // Стандарты и качество. 2001. № 32. С. 58 –61.

Т. И. Варова

КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЕ ПРОСТРАНСТВО УЧРЕЖДЕНИЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

В условиях радикального изменения социальных представлений и идеалов в целом именно образование выполняет стабилизирующую функцию и способствует адаптации детей к новым жизненным обстоятельствам. В связи с этим у детей и родителей возрастает спрос на культурно-образовательные, информационные, досуговые услуги, усиливается значение дополнительного образования, которое реализует программы различной направленности, выходящие за пределы основных общеобразовательных программ. В области данного вопроса особую значимость приобретает культурно-досуговое пространство учреждений дополнительного образования детей.

Как сложное явление, культурно-досуговое пространство учреждений дополнительного образования детей требует глубокого анализа и конкретизации в рамках социально-культурной деятельности.

В ходе теоретического изучения для выработки позиции по базовым понятиям проанализированы научные работы в области культурно-досуговой и социально-культурной деятельности М. А. Ариарского, Г. В. Головиной, Ю. Д. Красильникова, В. В. Попова, Ф. Х. Поповой, В. Я. Суртаева, А. В. Соколова, В. М. Рябкова, В. В. Туева; рассмотрены вопросы, связанные с теорией и практикой дополнительного образования детей, в трудах Л. Н. Буйловой, А. В. Золотаревой, Е. Б. Евладовой, А. В. Егоровой, О. Е. Лебедева, а также были проработаны официальные документы в сфере образования и культуры [1; 2; 4; 5; 8–10].

В научной литературе можно проследить, как исторически развивалось культурно-досуговое пространство и происходило становление

дополнительного образования, которое сегодня по праву является составляющей социально-культурной деятельности.

Система дополнительного образования в России формировалась из уникальных отечественных форм внешкольной работы (внешкольного воспитания). Внешкольное воспитание в России возникло в конце XIX века в виде кружков, клубов, мастерских, дневных приютов для детей, летних оздоровительных лагерей-колоний и т. д. Это были лишь единичные внешкольные учреждения, созданные прогрессивными русскими педагогами, которые ставили перед собой различные цели. Так, культурно-просветительное общество «Сетлемент» (англ. settlement – поселение, комплекс), основанное в Москве в 1905 году группой передовых педагогов во главе с С. Т. Шацким, ставило своей целью удовлетворение культурных и общественных потребностей детей и молодежи малообеспеченной части населения. В 1909 году им же было создано общество «Детский труд и отдых». К этому периоду относится и организация временных детских коллективов в летний период – летние палаточные лагеря [см.: 5, с. 9–10]. Понятие «внешкольное образование», по предложению Н. К. Крупской, в 1920 году было заменено на термин «политико-просветительская работа» [см.: 4, с. 69]. Увеличивалось число учреждений, в которых получили распространение формы внешкольного воспитания. Внешкольные учреждения находились в ведении министерств просвещения, культуры, путей сообщения, речного и морского флота, профсоюзов, добровольных спортивных обществ и других организаций и ведомств. С 1945 года все виды политико-просветительской работы стали называться культурно-просветительской работой. В послевоенное время шло бурное восстановление и развитие системы внешкольного воспитания. Росла численность Домов и Дворцов пионеров, станций юных туристов и техников, загородных пионерских лагерей, детско-юношеских спортивных школ [см.: 5 с. 13–14]. Традиция употреблять термины «культурно-массовая работа», «культурно-воспитательная работа», «массово-политическая работа» и так далее как однопорядковые с понятием «культурно-просветительская работа» сохранилась и в 1980-е годы XX века. В конце XX века и в последующие годы в связи с новой политической и экономической ориентацией государства, с деидеологизацией в употребление вошел термин «культурно-досуговая деятельность», чуть позже – «социально-культурная деятельность»

[см.: 4, с. 70]. После 1991 года система внешкольного воспитания не только не распалась, но в отличие от других типов образовательных учреждений получила приращение. В соответствии с Законом РФ «Об образовании» с 1992 года внешкольные учреждения стали именоваться учреждениями дополнительного образования детей. Важно в этой связи отметить, что в 1990-е годы произошла не простая смена вывесок, а качественное изменение содержания и форм деятельности как учреждений, так и педагогов дополнительного образования детей.

В. М. Рябков, В. В. Туев и другие ученые в своих научных трудах рекомендуют употреблять вышеназванные понятия соответственно историографии термина «социально-культурная деятельность». В современной терминологии предпочтение отдается термину «социально-культурная деятельность» как более отвечающему российской действительности настоящего времени. Однако в некоторых сферах социально-культурного пространства, в целях расстановки акцентов определенных явлений или процессов, в научной литературе является допустимым употребление термина «культурно-досуговая деятельность».

Это в первую очередь относится к учреждениям дополнительного образования детей. В культурно-досуговой деятельности учреждения дополнительного образования детей имеет место широкая интегративность и вариативность: эта деятельность может протекать как индивидуально, так и коллективно; в ее основе лежит активность личности, направленная на выбор вариантов реализации целей общения, развлечений, отдыха, творчества [см.: 1, с. 105].

В литературе наиболее структурированной выступает концепция социально-культурной деятельности А. В. Соколова, где определяется значение и место социально-культурного пространства. С точки зрения А. В. Соколова: «Социально-культурная система – это то социальное пространство, в рамках которого реализуется социально-культурная деятельность. Социально-культурная система – исторически сложившаяся совокупность субъектов (творцов и пользователей культурных ценностей), учреждений, средств и методов, служащая для осуществления социально-культурной деятельности» [10, с. 163].

А. В. Соколов определяет социально-культурную деятельность как культурную деятельность социальных субъектов (профессиональных и непрофессиональных) по: а) созданию культурных ценностей (твор-

честву); б) развитию способностей индивидов и обслуживанию их творческой деятельности; в) коммуникации, то есть распространению, сохранению и общественному использованию всех видов культурных ценностей [см.: 10, с. 166]. Последняя составляющая социокультурной деятельности отражается в идеях А. Моля, который понимает культурное пространство исключительно «...как пространство коммуникативного процесса, обуславливающего передачу знаний из пространства коллективной культуры в индивидуально-культурное пространство» [7, с. 84].

Независимо от характера и сферы проявления культурно-досуговая деятельность решает важнейшие социальные задачи. В их числе изучение, удовлетворение и возвышение духовных потребностей и интересов личности, формирование ее общественно значимых качеств, развитие творческих способностей человека, создание благоприятной культурной макро- и микросреды, утверждение общечеловеческих культурных норм и ценностей. Более того культурно-досуговой деятельности свойственны определенные характеристики, которые в своей работе представляют В. В. Попов и Ф. Х. Попова: уникальность (обладает богатым арсеналом средств воздействия и условий для выбора видов досуга), универсальность (реализуется множество социальных целей и задач), унифицированность (наличие общей системы и общих подходов к организации), стабильность (имеются конституционные гарантии на потребление культурных ценностей и создание необходимых условий для творчества и отдыха), мобильность (способность оперативно реагировать на изменение условий), альтернативность (отсутствие жестких нормативов, регламента, добровольное участие в культурно-досуговых мероприятиях), инициативность (ее можно отождествлять с феноменами самостоятельности, самодеятельности) и массовость (доступность для всех досуговых центров) [см.: 9, с. 25–26].

Представленные характеристики культурно-досуговой деятельности позволяют описать ее пространство. Изначально в философии пространство характеризуется протяженностью, структурностью, сосуществованием и взаимодействием элементов, и потому в определении культурно-досугового пространства совершенно уместно подчеркнуть эти же качества.

Эти составляющие характерны и для научных работ исследователей социокультурного пространства. Так, Б. Г. Мосалёв, анализируя

взаимосвязь времени и пространства, справедливо замечает: «Содержательную направленность времени во многом задает социокультурное пространство. Под пространством следует понимать отношения протяженности и сосуществования, которые возникают в процессе жизнедеятельности человека. Пространственный аспект культурного многообразия предстает в масштабах человечества, общества, нации, региона, различных социальных общностей» [8, с. 34]. Рассматривая специфику социокультурного пространства, Б. Г. Мосалёв отмечает, что в этом пространстве живут и взаимодействуют между собой различные культурные традиции, образцы, культурные смыслы, ценности, инновации.

Удовлетворение и формирование индивидуально-культурных и социокультурных потребностей – основная цель социально-культурной деятельности. Формирование социокультурного пространства создает наиболее благоприятную и комфортную среду для приобщения индивида и/или социальных групп к культуре. Культурные ценности – материальные и духовные, как результат творчества субъектов социально-культурной деятельности и как часть их информационного тезауруса, выполняют в социально-культурной деятельности ресурсную функцию.

Коммуникационную функцию выполняет устная и письменная речь, а также все другие способы (технологии) передачи информации (аудио-; видео-). Эта функция в социально-культурной деятельности проходит через процессы социализации и индивидуализации и конкретизируется в социально-культурной системе в функции развития способностей индивидов, обслуживания их творческой деятельности и распространения, сохранения и общественного использования всех видов культурных ценностей. Увеличение количества потребителей культурных ценностей, социокультурных услуг и субъектов социально-культурной деятельности, а также поиск инструментов социально-культурной деятельности способствуют развитию библиотек, музеев, театров, клубов и учреждений дополнительного образования, эволюция которых приводит к формированию социокультурных институтов и относительно самостоятельных отраслей социальной деятельности [см.: 10, с. 98–100]. Социально-культурные институты, имеющие в своей структуре кадры и материально-техническую базу, формируют инфраструктуру социокультурного пространства, функция которой технически-вспомогательная. Сложность компонентной структуры социально-

культурной деятельности вызывает к жизни организационную функцию, которая реализуется через управленческие органы.

Социокультурное пространство создается множеством субъектов. Поэтому основная проблема заключается в поиске форм взаимодействия данных субъектов. Эта же проблема воспроизводится и на территории области, и города, но наверняка на этом уровне есть определенная специфика и выявить ее – необходимо для управления процессами взаимодействия областного центра и муниципальных образований [см.: 8, с. 84].

Любое социокультурное пространство является частью более обширных систем и потому правомерно рассматривать взаимосвязи территориальных, региональных и других пространств. Культуролог А. С. Кармин под культурным пространством понимает пространство, образованное множеством феноменов культуры, переплетающихся и взаимодействующих друг с другом [см.: 6, с. 17].

На основе положений А. С. Кармина исследователи Н. А. Плугина и Г. Гранатов культурно-досуговое пространство называют производной формой культурного пространства и считают концептом, определяя его как совокупность учреждений и организаций культуры, органов их управления, системы связей и отношений между ними, в рамках которых осуществляется формирование ценностных ориентаций личности, рекреация, удовлетворение важнейших социокультурных потребностей [см.: 3, с. 49].

Исходя из вышеописанных характеристик и пространства культурно-досуговой деятельности, можно представить культурно-досуговое пространство учреждений дополнительного образования детей как пространство, сформированное совокупностью учреждений дополнительного образования и культуры, органов их управления, в котором происходит удовлетворение культурных, образовательных, воспитательных, досуговых потребностей, формирование ценностных ориентаций на основе собственного выбора ребенка. Таким образом, как сложное явление культурно-досуговое пространство учреждений дополнительного образования включает совокупность взаимосвязанных элементов (компонентов), имеет выход (цель), вход (ресурсы), связь с внешней средой, обратную связь.

Необходимо отметить значимость дополнительного образования детей в системе российского образования, представляющего собой соци-

альный институт, через который передаются культурные ценности и цели развития общества.

Преимущества культурно-досугового пространства учреждений дополнительного образования детей заключаются в том, что это разновневая, многоступенчатая система, где образовательный маршрут каждого ребенка отличается открытостью, гибкостью, вариативностью и динамизмом (Л. Н. Буйлова, А. В. Золотарева, М. Б. Коваль).

Таким образом, культурно-досуговое пространство учреждений дополнительного образования детей – это социальные институты, развивающаяся сеть которых имеет государственный статус системы образования в стране. В данном контексте учреждения дополнительного образования детей включены в социальную практику, их социальная функция состоит в предоставлении культурных и образовательных услуг детям страны. Это имеет особое значение, когда духовное начало в человеке самопроявляется благодаря его «взрастанию» в культурное наследие и культурную традицию, которые он осваивает на протяжении всей жизни посредством процессов образования и воспитания. Образование ускоряет этот процесс в ходе развития и становления человека как личности, субъекта, индивидуальности.

Литература

1. Бояринцева А. В. Дополнительное образование сегодня // Новые ценности образования. Принцип дополнительности. 2006. № 4 (28). С. 105–109.
2. Буйлова Л. Н. Организация методической службы учреждений дополнительного образования детей / Л. Н. Буйлова, С. В. Кочнева. М: ВЛАДОС, 2001. 160 с.
3. Гранатов Г. Г., Плугина Н. А. Метод дополнительности в интеграции научных культур // Педагогические науки. 2006. № 6. С. 46–52.
4. Головина Г. В. Досуговая деятельность: понятие, структура, функции, статус // Социально-культурная деятельность: теория, технологии, практика: коллективная монография. Челябинск, 2006. 280 с. Ч. II. С. 67–80.
5. Дополнительное образование детей: учеб. пособие для вузов / под ред. О. Е. Лебедева. М., 2000. 256 с.
6. Кармин А. С. Культурология. Культура социальных отношений. СПб.: Лань, 2000. 128 с.
7. Моль А. Социодинамика культуры. М., 2008. 418 с.
8. Мосалёв Б. Г. Социокультурное многообразие: Опыт целостного осмысления. М., 1999. 168 с.

9. Попов В. В., Попова Ф. Х. Культурно-досуговая деятельности в контексте научного исследования: монография. Тюмень, 2004. 176 с.
10. Соколов А. В. Феномен социокультурной деятельности: монография. СПб., 2003. 204 с.

Т. Б. Соколова

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Развитие человека всегда является предметом пристального внимания науки, так как развитие отдельного индивида протекает по-разному и является в какой-то степени феноменом. Социокультурное развитие считается не только новым направлением социокультурной теории и практики, но и недостаточно изученным явлением, особенно в отношении детского возраста. Следует подчеркнуть, что понятие «социокультурное развитие детей» еще не нашло отражения ни в справочных изданиях, ни в учебной литературе.

Вместе с тем, отдельные авторы рассматривают в своих научных исследованиях различные возрастные периоды и отражают свой взгляд на данную проблему. Такие авторы, как Н. Я. Большунова, Н. Е. Зыбина, Л. И. Канин, С. В. Слукин, К. И. Чижова, Л. Н. Шабатура, О. В. Федоскина и другие, раскрывают содержание более общей категории: «социокультурное развитие человека».

Так, например, Н. Я. Большунова считает, что «социокультурное развитие человека представляет собой вхождение в культуру как обретение способности соизмерять свою жизнь с социокультурными образцами...» [1]. С точки зрения О. В. Федоскиной социокультурное развитие человека – это «развитие человека как современника определенной эпохи в процессе вхождения в контекст современной культуры и свободного самоопределения, в результате которого происходит саморазвитие, приобретение индивидом новых личностных качеств, присвоение общечеловеческих и отечественных ценностей, социальных норм и традиций,

выстраивание своей жизненной траектории, обретение опыта счастливо-го сосуществования в мире и с миром» [7, с. 25].

В связи с тем, что предложенные определения относятся ко всему жизненному циклу человека, включая и детский период, мы провели категорийный анализ понятий «развитие», «социальное развитие», «культурное развитие», «детство», на основе которого предложили рабочее определение понятия «социокультурное развитие детей», необходимое для дальнейших научных исследований. Под «социокультурным развитием детей» мы понимаем «создание условий в период первоначальной жизни человека для перехода его в более совершенное состояние, во время которого посредством воспитания и обучения раскрываются и развиваются его способности, особенности и возможности путем овладения культурными средствами, формами и методами для усвоения им ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу».

Теоретическое изучение проблемы социокультурного развития детей в социально-культурных институтах, таких как семья, общество, система образования, показало, что в современных условиях, не имея программы социокультурного развития, сложно осуществлять данный процесс. Особенно это трудно делать как в семье, так и в дошкольных учреждениях и школе, имеющих ограниченные возможности для широкого внедрения программ дополнительного образования и развития, которые способствовали бы социокультурному развитию детей. Наиболее оптимальные условия для социокультурного развития детей могут быть созданы в учреждениях дополнительного образования.

Преимущества дополнительного образования состоят в том, что каждый ребенок осознанно, без принуждения выбирает сам или с помощью взрослого объединение по интересам в соответствии со своими желаниями, потребностями и возможностями. Это является одним из условий, необходимых для благоприятного социокультурного развития ребенка.

В последнее десятилетие дополнительное образование детей развивается в новом качестве и является важной составляющей всего образовательного пространства нашей страны. Современное дополнительное образование детей является фактором развития склонностей, способностей и интересов, личностного, социального и профессиональ-

ного самоопределения детей и сочетает в себе воспитание, обучение и развитие личности ребенка. Одной из задач, направленной на обеспечение качества, доступности и эффективности образования, является развитие различных технологий в системе дополнительного образования [см.: 4, с. 11].

Применение педагогических технологий обосновывается в работах В. П. Беспалько, П. Р. Атутова, М. В. Кларина, В. М. Монахова, В. Ю. Питюкова, Г. К. Селевко, В. В. Юдина, В. С. Кукушкина и других. На наш взгляд, вполне правомерно и использование социально-культурных технологий в системе дополнительного образования, так как в них может быть использован опыт технологического решения прикладных задач, накопленный исследователями отечественной и зарубежной педагогики (К. Д. Ушинский, П. Ф. Каптерев, В. И. Водовозов, С. Т. Шацкий, П. Ф. Лесгафт, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, Сократ) [см.: 3, с. 404].

В литературе крайне редко рассматриваются технологические процессы социокультурного развития детей, тем более в учреждениях дополнительного образования. По мнению ряда исследователей, в дополнительном образовании объектом технологии является не столько предметное содержание, сколько способы организации различных видов деятельности обучающихся и организационные формы образовательного процесса в целом [2]. Здесь технология (педагогическая) – способ самовыражения людей, самореализации их интеллектуальных качеств, свободный, целевой выбор детьми и педагогами путей, способов, содержания и результата совместного общения. Также технология – это выбор наиболее рациональных, эффективных способов, приемов, методик образовательной деятельности для реализации программы и ориентация на новейшие достижения в области наук о человеке [см.: 2, с. 180–181].

Практическое освоение современных технологий в дополнительном образовании характеризуется не только как опыт активного творчества, но и, в большей степени, как опыт обучения, трансформации эталонов в новые условия, как практика экспериментальной деятельности. Наиболее типичными для практики дополнительного образования детей стали технологии, ориентирующиеся на различные модели образовательных систем, которые квалифицируются в соответствии с педагогическими целями и задачами и в основе которых лежит «технология

успешного обучения», что составляет сущность обучения в системе дополнительного образования детей. К числу таких технологий относятся: социально-воспитательные технологии (технология коллективной творческой деятельности, игровые технологии); рационально-образовательные технологии (технологии личностно ориентированного обучения, технология дифференцированного обучения, технология программированного обучения, технология блочно-модульного обучения, технология проблемного обучения, технология совместного научного исследования, ТРИЗ-технология, технология проектного обучения, технология мастерских) [5].

Особое место среди различных технологий занимают социально-культурные технологии, входящие в систему социально-культурной деятельности. Они исследуются рядом авторов (Е. И. Григорьева, И. Н. Ерощенков, Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников, Б. Г. Мосалев, Н. Н. Ярошенко и др.). Их применение в системе дополнительного образования и развития детей, на наш взгляд, является актуальным.

Нам представляется важным, рассматривая социально-культурные технологии, определить те из них, которые влияют на социокультурное развитие детей и наиболее приемлемы для использования в учреждениях дополнительного образования.

Важное значение имеют социально-культурные технологии, предлагаемые Т. Г. Киселевой, Ю. Д. Красильниковым, которые классифицируют социально-культурные технологии по трем общим признакам: историко-содержательный признак, функциональный или процессуальный признак, социально-демографический, «субкультурный» признак [3].

Историко-содержательный признак. Оздоровительные технологии: медико-биологические, курортологические, лечебно-профилактические, спортивно-оздоровительные. Культуроориентированные технологии: технологии изучения, сохранения, восстановления (реставрации), освоения и использования культурных ценностей в современной среде. Культуротворческие технологии: технологии создания и развития культурных ценностей, технологии творческого развития детей, подростков и взрослых. Экологические (приодоориентированные) технологии: технологии изучения, освоения и охраны природной среды и природных ресурсов в процессе досуга. Технологии предпринимательства и экономического обеспечения в социально-культурной сфере: коммерческие

и некоммерческие, маркетинговые и рекламные, благотворительные и социально-защитные [см.: 3, с. 427].

Функциональный или процессуальный признак. Информационно-образовательные, обучающие, просветительные технологии. Коммуникативные технологии. Творчески развивающие, формирующие технологии. Рекреативные, развлекательно-игровые, художественно-зрелищные технологии. Компенсирующие технологии: реабилитационные, коррекционные, адаптационные. Технологии социального прогнозирования, программирования, проектирования, творческого моделирования [см.: 3, с. 427].

Социально-демографический, «субкультурный» признак. Индивидуально ориентированные технологии (авторские, частные и др.) в социально-культурной среде. Специализированные или групповые технологии: семейные, возрастные и разновозрастные, социальные, профессиональные, конфессиональные и этнические технологии малых групп и общностей. Массовые, общедоступные технологии социально-культурной деятельности [см.: 3, с. 427].

Е. И. Григорьева в сфере культурно-досуговой деятельности выделяет педагогические технологии, включающие обучающие и воспитательные технологии, которые имеют особое применение в сфере образования. Автор предлагает три группы социально-культурных технологий: общие, функциональные и дифференцированные. Эти технологии создаются и внедряются на базе образовательных учреждений и социально-культурных институтов. По мнению Е. И. Григорьевой, общие технологии подразделяются на следующие виды: коммуникативные технологии, игровые технологии, управленческие технологии. К функциональным технологиям автор относит: технология информационно-познавательной и просветительной деятельности, технология самодеятельного творчества (организация самодеятельного творчества и любительских объединений), рекреативно-оздоровительная технология (организации отдыха и развлечений). К числу дифференцированных технологий относятся такие виды, как: технология организации досуга детей и подростков, технология молодежного досуга, технология семейного досуга, технология организации досуга лиц среднего и пожилого возраста [см.: 6, с. 32].

Рассматривая сущность социально-культурных технологий, можно отметить, что в период раннего детства начинается практическое освоение культуротворческих, развивающих технологий, когда ребенок стоит перед необходимостью приобретения социально обязательных общекультурных знаний, умений и навыков и через сеть учреждений дополнительного образования осознанно приобщается к целому созвездию субкультур. Научную основу культуротворческих технологий, связанных с ранним выявлением и дифференциацией интересов детей, составляет учение о способностях (Л. С. Выготский, Б. М. Теплов, А. М. Матюшкин, В. Д. Шадриков и др.).

Технологии художественно-творческой деятельности и художественно-развивающие технологии положительно влияют на процесс воспитания духовности, культуры чувств, развития познавательных сторон личности, обеспечивают участие детей в художественной жизни своего региона, разнообразие форм их творческой самореализации и социальных ролей, возможных направлений творческого саморазвития. В кружках, студиях, лабораториях, мастерских, объединениях открывается простор для свободного творческого поиска.

Культуроохранные технологии направлены на формирование у каждого ребенка сопричастности к судьбе края, видения значимости его культурной самобытности посредством деятельности музеев, организации краеведческой работы, технологии развития туристско-экскурсионных маршрутов.

Среди рекреативных технологий в учреждениях дополнительного образования широко используются педагогические игровые технологии. Игровая деятельность позволяет существенно сократить время на накопление необходимой информации и приобретение тех или иных умений и навыков, способствует имитации различных видов социальной деятельности, расширяет сферу контакта личности с различными социальными группами и возможности ознакомления со многими жанрами искусства и литературы.

Образовательные технологии в широком педагогическом значении являются специально организованным процессом и обеспечивают взаимодействие отдельных лиц и групп в рамках конкретного социально-культурного опыта. В узком педагогическом смысле эти технологии выступают как механизм формирования у детей социально значимых

качеств, культурных норм и ценностей, передачи опыта социально-культурного поведения и общения.

Проектные технологии в учреждениях дополнительного образования нацелены на формирование социально-культурной (развлекательной, развивающей, оздоровительной) среды внутри объединения (клуба, секции и т. п.) или учреждения в целом. Инициаторы проектов имеют неограниченные возможности для фантазии и творчества.

Многие учреждения дополнительного образования внедряют в свое образовательное пространство технологии аудиовизуальной коммуникации, направленные на производство фильмов, аудио- и видеороликов, слайдовых материалов, магнитофонных записей, проведение диапроектных и стендовых презентаций. Само повседневное формальное или неформальное общение относится к технологиям вербальной (устной, речевой) и невербальной (проксемика, кинетика, параязык) коммуникации. Важно подчеркнуть, что речь здесь идет не просто об общении (оно может развиваться и вне социокультурных институтов), а о культурном общении, например, посредством грамотно подготовленных, организованных и проведенных досуговых форм.

Большое значение для современного дополнительного образования имеют информационно-просветительные технологии. Одной из важных задач становится развитие медиаобразования, подготовка подрастающего поколения к более углубленному восприятию кино, телевидения, видеопрограмм и других средств массовой коммуникации. Это связано с тем, что возрастает познавательная активность детей, требуется оперативное получение и передача информации. Учреждения переходят на более интенсивное использование новых носителей информации, включая видео- и компьютерную технику. Благодаря внедрению информационно-просветительных технологий повышается уровень дополнительного образования [см.: 3, с. 428–505].

Таким образом, на основании рассмотренных сущностных характеристик социально-культурных технологий, применяемых в учреждениях дополнительного образования, можно сделать вывод, что культуротворческие, развивающие, культуuroохранные, образовательные, проектные, информационно-просветительные технологии в совокупности способствуют социокультурному развитию детей. Степень влияния

каждой технологии на социокультурное развитие детей более точно определяется в практической деятельности.

Литература

1. Большунова Н. Я. Социокультурное развитие детей с ограниченными возможностями как главный путь их реабилитации [Электронный ресурс]. URL: spsi.narod.ru/13_1.doc (дата обращения: 25.12.2008).
2. Евладова Б. Б., Логинова Л. Г., Михайлова Н. Н. Дополнительное образование детей: учеб. пособие для студ. учреждений сред. проф. образования. М., 2002. 352 с.
3. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность: учеб. М., 2004. 539 с.
4. Межведомственная программа развития системы дополнительного образования детей до 2010 года // Официальные документы в образовании. 2007. № 32. С. 9–20.
5. Современные эффективные модели технологий дополнительного образования: общая характеристика, алгоритм реализации [Электронный ресурс]: URL: http://www.orenipk.ru/kp/distant/dod/ped/2_1.htm#литра (дата обращения: 28.01.2010).
6. Туев В. В. Социально-культурная деятельность в таблицах и схемах: учеб. пособие по курсу «Социально-культурная деятельность» для студентов специальности 053100 «Социально-культурная деятельность». Барнаул, 2006. 87 с.
7. Федоскина О. В. Педагогические средства социокультурного развития младших школьников в образовательном процессе: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 . М., 2004. (Из фондов Российской государственной библиотеки). 245 с.

Н. А. Шемягова

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ

Социально-культурная сфера предоставляет человеку возможность свободного выбора любого вида занятий, досугового общения между индивидами и группами людей. Наиболее полно социокультурная направленность этих отношений проявляется в развитии активности, элементов

творчества, в удовлетворении культурных потребностей, во взаимосвязях, в деятельности субъекта и условиях для этой деятельности, в богатстве и многообразии социокультурной среды. Она характеризуется взаимодействием материально-вещественной среды и социального субъекта и представляет собой их устойчивую совокупность, на основе которой осуществляются различные виды деятельности.

Понятие «социально-культурная сфера» используется, как правило, для характеристики общественной деятельности тех структур общества, в рамках которых осуществляется социально-культурное воспроизводство, то есть в нее включаются разнообразные социальные институты. Иначе говоря, это совокупность предприятий, учреждений, организаций и органов управления, осуществляющих производство, распределение, сохранение и организацию потребления товаров и услуг социально-культурного и информационного назначения, обеспечивая тем самым удовлетворение культурных и информационных потребностей населения [3].

Е. Я. Морозова [6], В. Е. Новаторов [7], Г. Л. Тульчинский [10] вкладывают в понятие социально-культурной сферы совокупность предприятий, выполняющих социально-культурные функции, имеющие значение для культурного уровня всего общества, в этом случае к социально-культурной сфере относят учреждения культуры и искусства: театры, библиотеки, клубы, музеи.

Подготовка специалистов социально-культурной сферы осуществляется в учебных заведениях культуры и искусств. Подготовка специалистов в высших учебных заведениях культуры и искусств ставит перед педагогическим коллективом ряд проблем. Основной проблемой, на наш взгляд, является формирование профессиональной культуры будущих специалистов.

Понятие «профессиональная культура» получило широкое распространение в отечественной педагогике второй половины XX столетия, в том числе и в отечественной педагогике высшей школы, которая уделяет определенное внимание процессу формирования профессиональной культуры будущих специалистов.

Термин «профессиональная культура» подчеркивает, что культура рассматривается в отношении специфического качества деятельности специалиста, и раскрывает предметное содержание культуры, опреде-

ляемое спецификой профессии, профессиональной деятельности и профессионального сообщества. Учеными приводится множество разнообразных дефиниций понятия «профессиональная культура».

А. В. Мудрик определяет профессиональную культуру как совокупность теоретических знаний и практических умений и навыков, присущих определенному виду труда [5].

В работах В. М. Межуева, Л. К. Гребёнкиной и Н. А. Жокиной под профессиональной культурой понимается определенный уровень способностей, знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения специальной работы. По их мнению, профессиональная культура включает: общие представления о социальной значимости данного вида труда; представление о профессиональном идеале (пути и средства его достижения); развитие чувства профессиональной гордости, профессиональной честности и ответственности [4].

По мнению Е. В. Шевцова, основополагающими элементами феномена «профессиональная культура» являются понятия «культура» и «профессия». Если культура является базовым понятием, определяющим способ организации жизнедеятельности человека, то профессиональная культура – это способ организации профессиональной деятельности человека [11].

В. А. Слостёнин в своих работах уделяет ключевое внимание вопросам профессиональной культуры. Он выделяет ряд характеристик профессиональной культуры, среди которых социальные мотивы трудовой деятельности, познавательный интерес, стремление применять знания на практике, развитие потребностей в творческом труде, высокие моральные качества, трудолюбие, долг, ответственность, целеустремленность, предприимчивость, формирование основ культуры умственного и физического труда [9].

Т. В. Кружилина определяет основные функциональные компоненты профессиональной культуры, среди которых гносеологический, гуманистический, коммуникативный, образовательный, нормативный и информационный компоненты [см.: 4].

Гносеологический компонент профессиональной культуры обуславливает методологическую, исследовательскую и интеллектуальную культуру будущего специалиста. В гуманистический компонент входят

нравственная, гуманитарная и духовная составляющие профессиональной культуры. Коммуникативный компонент включает культуру общения, а также речевую и рефлексивную культуру. Образовательный компонент составляет дидактическая, методическая, экологическая, экономическая, физическая и эстетическая культура специалиста. Правовая и управленческая культура входит в нормативный компонент профессиональной культуры, а диагностическая, инновационная и компьютерная культура будущего специалиста является неотъемлемой составляющей информационного компонента [1].

В основе анализа профессиональной культуры лежит осознание культуры как мощного социодуховного фактора развития общества и человека, осмысление влияния культуры на все виды человеческой деятельности. Связь любой деятельности с культурой является сущностной.

Таким образом, профессиональная культура – это определенная совокупность мировоззренческих и специальных знаний, качеств, умений, навыков, чувств, ценностных ориентаций личности, которые находят свое проявление в ее предметно-трудовой деятельности и обеспечивают ее более высокую эффективность.

Как известно, в деятельности человека раскрывается не только уровень формирования умений и навыков, проявления способностей, но и степень развития творческих установок, готовности полнее реализовать профессиональную культуру. Поэтому в профессиональной культуре специалиста находит свое выражение не только связь и взаимодействие общества, личности и профессии, но и вся его индивидуальная культура.

В целом ряде исследований Н. К. Баклановой, В. И. Закутского, А. С. Каргина, В. Г. Кузнецовой, В. И. Смирновой, Ю. Е. Соколовского, Б. Д. Тихонова и др. рассматривается специфика профессиональной культуры специалиста социально-культурной деятельности. Опираясь на анализ исследований перечисленных авторов, в качестве основных видов его профессиональной деятельности следует выделять художественно-творческую, педагогическую и организаторскую. Каждая из этих видов предполагает практическую, методическую и теоретическую деятельность [2].

Профессиональная культура специалиста структурно выглядит следующим образом: интеллектуальная культура, исполнительно-трудовая культура, управленческо-организаторская культура, физическая культура (в рамках рабочего времени), культура общения, практически пронизывающие все другие структурные слагаемые деятельности в профессионально-культурном аспекте. За пределами профессиональной культуры специалиста находятся многие другие слагаемые его жизнедеятельности, связанные с культурой (бытовая, досуговая, непрофессионально-деловая и т. д.), также требующие культуры общения.

Большую роль в формировании профессиональной культуры будущих специалистов играют высшие учебные заведения, главной задачей которых является подготовка квалифицированных кадров для всех сфер деятельности в соответствии с современными требованиями общества и образования.

Процесс профессиональной подготовки студентов в вузе представляет собой сложную педагогическую систему, каждый компонент которой выполняет свою функцию в формировании профессиональной культуры будущих специалистов. Основными из этих функций являются: обучение, воспитание и развитие студентов.

В процессе обучения студенты получают профессиональные знания и навыки. Чрезвычайно важно, чтобы изучение всех учебных дисциплин, в том числе и общеобразовательных, было профессионально-ориентированным. Необходимо выработать и использовать механизмы повышения мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности.

Важным направлением в подготовке студентов к профессиональной деятельности и формировании организационной культуры является функционально-ориентированное обучение. В ходе прохождения производственных практик по месту будущей работы студенты могут получить представление о принципах работы организации, системе взаимоотношений в трудовом коллективе, технологиях и оборудовании производства. Таким образом, функционально-ориентированное обучение помогает молодым специалистам успешно адаптироваться к требованиям и условиям, предъявляемым работодателем.

Немаловажным фактором в формировании профессиональной культуры будущих специалистов является система профориентации и трудоустройства студентов в вузе, в рамках которой проводятся прогнозные разработки потребностей в специалистах различного профиля, мониторинги требований руководителей к выпускникам, что позволяет скорректировать образовательные программы, исходя из изменившихся условий на рынке труда, и готовить конкурентоспособных специалистов.

Важными составляющими формирования профессиональной культуры являются система непрерывного образования, аспирантура, докторантура, переподготовка и повышение квалификации специалистов.

На современном этапе развития общества видится необходимым объединение усилий образовательных и гражданских институтов в реализации научного и образовательного потенциала учебных заведений культуры и искусства. Крайне необходима разработка и внедрение инновационных технологий подготовки специалистов в сфере культуры и искусства на основе использования передового отечественного и международного опыта, расширения межнационального и международного сотрудничества.

Главной задачей вузов культуры и искусств сегодня является осуществление подготовки высококвалифицированных кадров с необходимым уровнем компетентности. Успешное функционирование и развитие вузов культуры и искусств возможно на основе дальнейшей фундаментализации и повышения качества образования, творческой интерпретации и решения возникающих проблем, формирования новой информационной культуры, развития вуза как социокультурной системы, адекватной актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства [8].

Все компоненты учебно-производственного комплекса активно взаимодействуют в вузе и в совокупности ориентированы на формирование системного профессионального мышления специалистов, основой которого являются знания, навыки, умения, базовые ценности и образцы поведения, которые в свою очередь составляют фундамент любой организационной культуры. В результате такого комплексного подхода выпускник вуза представляет собой целостный субъект профессиональной

деятельности, обладающий не только профессиональными знаниями, но и высокой профессиональной культурой, что позволяет ему успешно адаптироваться к условиям любого предприятия и быть конкурентоспособным на рынке труда.

Литература

1. Аверина М. Н. Теоретико-методологические основы субъектно-интегративного подхода к повышению интеграции учителей // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2009. № 2. С. 94–98.
2. Бакланова Н. К. Профессиональное мастерство специалиста культуры. М., 2003. 223 с.
3. Касьянов В. В. Социология. Ростов н/Д, 2003. 320 с.
4. Межуев В. М., Гребёнкина Л. К., Жокина Н. А. Культура и история. М., 1977. 199 с.
5. Мудрик А. В. Социальная педагогика. М., 1999. 184 с.
6. Морозова Е. Я. Экономика и организация предприятий социально-культурной сферы. СПб.: Михайлов, 2002. 317 с.
7. Новаторов В.Е. Маркетинг в социально-культурной сфере. Омск: Омич, 2000. 288 с.
8. Сарыченко Ю. А. Исследование феномена профессиональной культуры будущих специалистов по защите информации в вузе [Электронный ресурс] // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 7. URL: <http://www.masu.ru/content/view/1424/190/> (дата обращения: 01.03.2010).
9. Слостёнин В. А. Психология и педагогика. М., 2007. 480 с.
10. Тульчинский Г. Л. Менеджмент в сфере культуры / С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. СПб.: Лань, 2001. 382 с.
11. Шевцов Е. В. Основные средства и формы эстетического воспитания. М., 1985. 192 с.

Раздел 5. ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ТЕХНОЛОГИИ: ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ

С. В. Савкина

ЭЛЕКТРОННЫЕ КНИЖНЫЕ ВЫСТАВКИ: ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА И МЕТОДЫ ИХ ИЗМЕРЕНИЯ

Электронную книжную выставку (ЭКВ) мы определяем как книжную выставку, размещенную на машиночитаемых носителях, в локальной или глобальной сети, реализованную на базе компьютерной техники и специальных программно-технических средств.

Вопрос качества электронных книжных выставок представляется нам весьма актуальным. Феномен ЭКВ актуален для развития не только библиотечного сервиса, но и других сфер деятельности, в их числе образование и самообразование, реклама и PR, сфера досуга.

Электронные книжные выставки получили широкое распространение как в стенах библиотек, так и за их пределами, благодаря их размещению в пространстве Интернета, при этом вопросы качества ЭКВ, технологии их подготовки проработаны явно недостаточно.

Нами была проведена декомпозиция проблемной ситуации и построено дерево проблемы (рис. 1, 2). Это дало возможность графически отразить систему решений проблемы и систему организаций, реализующих ее решение. Выделены тенденции развития проблемы (история и суть проблемы), факторы, влияющие на решение проблемы, и способы ее решения. В построенной схеме находят отражение актуальность и цель нашего исследования.

Рисунок 1. Декомпозиция проблемной ситуации: тенденции развития проблемы

Рисунок 2. Декомпозиция проблемной ситуации: система решений проблемы

Проанализировав выявленную нами специфику ЭКВ, разработав их классификацию и описав технологию подготовки, мы пришли к выводу, что необходимо выделение параметров оценки качества, каждый из которых требует собственных показателей. Для ЭКВ их было выделено девятнадцать: структура выставки; оперативность знакомства с первичным документом; возможность копирования информации; библиографическое описание; аннотация; реферат; стиль текстовой информации; цитаты; иллюстрации; шрифт основного текста; шрифт заголовков; фон; цветовое исполнение; анимация; навигация; гипертекст; интерфейс; процесс подготовки; системные требования.

Показатели качества ЭКВ мы предлагаем дифференцировать следующим образом:

- *содержательные показатели* (соответствие документов теме и назначению выставки; полнота охвата темы; информативность библиографической информации; стиль текстовой информации; количество используемых цитат; уместность используемых цитат; информативность иллюстраций; соответствие иллюстраций тематике выставки и др.);

- *сервисные показатели* (возможность использования ЭКВ для создания новых информационных продуктов, предоставления услуг; возможность доступа к первичным документам и др.);

- *эргономические показатели* (простота и удобство интерфейса; навигационные возможности; размер шрифта, возможность его изменения; возможность копирования информации и др.);

- *показатели стандартизации и унификации* (соответствие библиографического описания, аннотаций и рефератов государственным стандартам и др.);

- *эстетические показатели* (яркость фона; цвет фона; цвет шрифта; совместимость используемых цветов; сочетаемость цветов фона и текста; уместность декоративных элементов; количество иллюстраций; степень сжатия иллюстраций; количество анимированных объектов; скорость анимационных эффектов и др.);

- *физические показатели* (адаптированность для ПК, не имеющих самого современного программного и технического обеспечения и др.);

- *экономические показатели* (трудоемкость подготовки ЭКВ, технологическая себестоимость и др.);

- *показатели назначения* (количество экспонируемых документов; количество разделов (дробность структуры); количество документов

внутри разделов; виды свертывания информации; виды иллюстративных материалов и др.).

Выбор методов измерения и расчета показателей зависит от параметра оценки. Для большинства объектов оценки можно определить показатели качества, которые представлены в табл. 1.

Таблица 1

Значения показателей качества ЭКВ (фрагмент)

№ п/п	Параметры оценки	Характеристика	Показатель
1.	Структура вы- ставки	Количество экспони- руемых документов	Число экспонируемых документов
		Количество разделов	Число разделов
		Количество документов внутри раздела	Число документов внутри раздела
2.	Оперативность знакомства с первичным документом	Возможность оператив- ного ознакомления с первоисточником	Наличие полного текста, ссылки на полный текст, услуги заказа документа по ЭДД
3.	БО	Соответствие стандарту, информативность	Количество обязательных и факультативных эле- ментов БО, соответствие ГОСТу
4.	Аннотация	Соответствие стандарту, информативность	Количество ключевых слов, количество печат- ных знаков, соответствие ГОСТу
5.	Реферат	Соответствие стандарту, информативность	Количество ключевых слов, количество печат- ных знаков, соответствие ГОСТу
6.	Иллюстрации	Информативность	–
		Качество	Степень сжатия: количе- ство пикселей на дюйм
		Цветовое исполнение	Количество используе- мых цветов, сочетаемость цветов
		Количество	Число иллюстраций
		Скорость загрузки	Количество мегабайт
		Воздействие на зрение	Яркость цветов, размер
		Вызываемое эмоцио- нальное состояние	–
<...>	<...>	<...>	<...>

Из всего обилия методов, используемых для оценки качества информационных продуктов и услуг (рис. 3), приемлемыми для ЭКВ оказались следующие: анкетирование пользователей и создателей, оценка экспертами, измерение количественных показателей, хронометраж, ранжирование, составление контрольной карты и др.

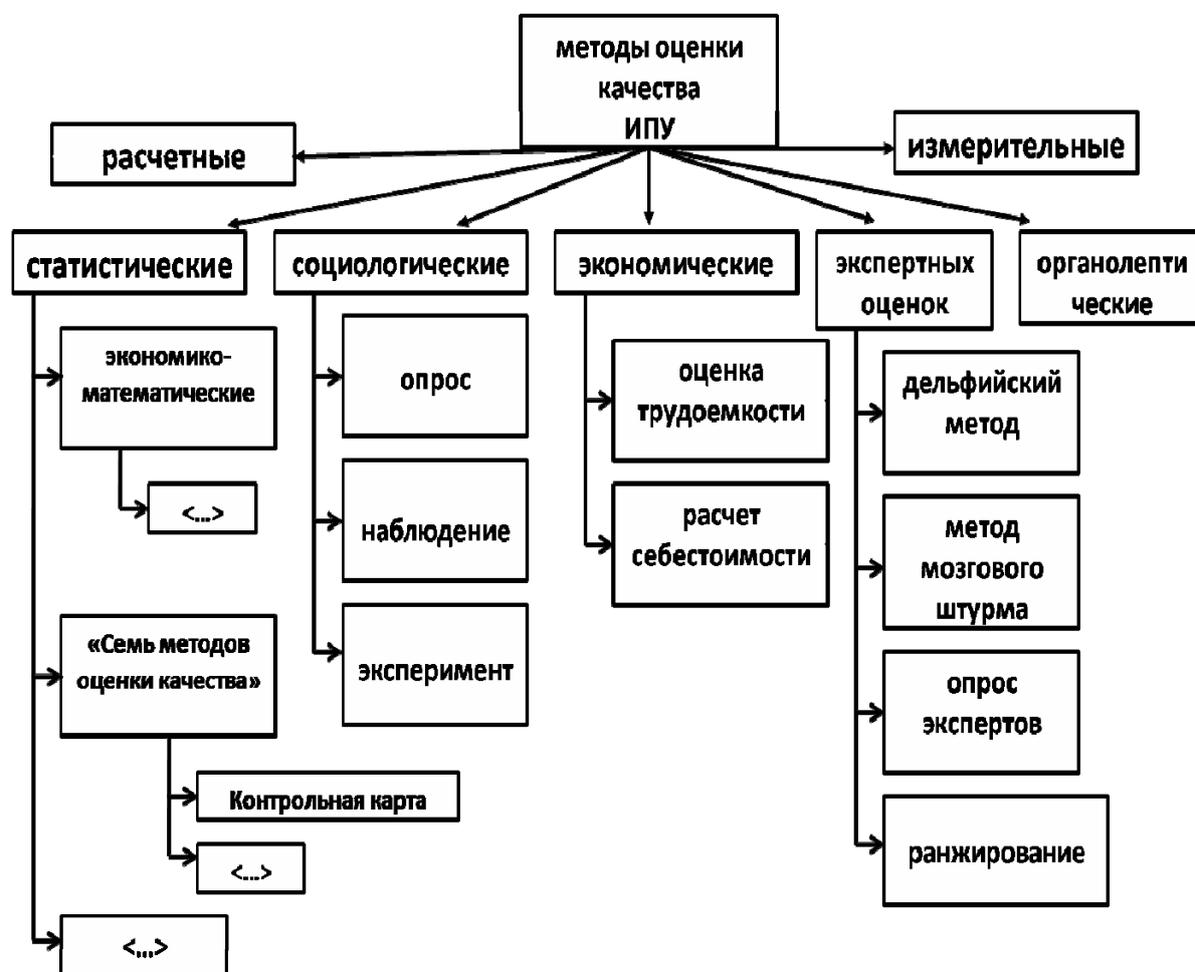

Рисунок 3. Методы оценки качества информационных продуктов и услуг (фрагмент)

Мы считаем, что оценка качества ЭКВ должна базироваться на сравнении показателей, отражающих различные аспекты их характеристики. Это возможно при применении комплекса методов, каждый из которых отличается способом получения результатов и, как следствие, заключением о качестве ЭКВ.

Каждый метод позволяет оценить определенные характеристики параметров оценки (табл. 2).

Методы оценки электронной книжной выставки

Методы оценки	Оцениваемая характеристика
Анкетирование пользователей	Соответствие документов теме и назначению выставки
	Степень раскрытия содержания документов
	Иллюстрации (информативность, качество)
	Цветовое исполнение (удобство для чтения)
	Размер шрифта основного текста
	Эмоциональное состояние, вызываемое просмотром выставки
Оценка экспертами – библиографами	Возможность оперативного ознакомления с первоисточником
	Степень раскрытия содержания документов
	Библиографическое описание документов
	Аннотации на документы
	Рефераты документов
	Соответствие стиля информации целевому и читательскому назначению
	Цитаты
	Иллюстрации (информативность)
Оценка экспертами – программистами	Возможность копирования информации
	Иллюстрации (количество, качество, скорость загрузки)
	Навигация
	Гипертекст
	Интерфейс (удобство для пользователя)
	Системные требования
Оценка экспертами – офтальмологами	Иллюстрации (восприятие для глаз)
	Шрифт основного текста (размер, форма, цвет)
	Цветовое исполнение (удобство для чтения)
	Анимация (воздействие на зрение)
Оценка экспертами – дизайнерами	Иллюстрации (качество, количество, цветовое исполнение)
	Шрифт основного текста (форма, цвет)
	Шрифт заголовков (форма, цвет)
	Фон (цвет, яркость, сочетаемость с текстом)
	Цветовое исполнение (сочетаемость цветов)
	Анимация (скорость, качество исполнения, количество анимированных объектов)
Оценка экспертами – психологами	Эмоциональное состояние, вызываемое иллюстрациями, качеством шрифта, цветовым исполнением, анимацией, просмотром выставки в целом

Методы оценки	Оцениваемая характеристика
Оценка создателями ЭКВ	Возможность оперативного ознакомления с первоисточником
	Соответствие документов теме и назначению выставки
	Степень раскрытия содержания документов
	Библиографическое описание документов
	Аннотации на документы
	Рефераты документов
	Иллюстрации (информативность, скорость загрузки)
	Размер шрифта основного текста
	Цветовое исполнение (сочетаемость цветов, удобство для чтения)
	Навигация
	Интерфейс (удобство для пользователя)
Статистические методы	Процесс подготовки (трудоемкость, затратность)
Измерение количественных показателей	Количество экспонируемых документов
	Структура выставки (количество разделов, количество документов внутри раздела)
	Аннотации (количество печатных знаков)
	Реферат (количество печатных знаков)

Для экспериментальной проверки методики нами была проведена оценка качества девяти ЭКВ. Сбор данных предполагал проведение опросов пользователей ЭКВ, группы экспертов из разных областей деятельности, а также библиотекарей, которые имели опыт создания ЭКВ. Дополнительные фактические сведения были получены путем измерений и расчетов. На основе сопоставления и анализа полученных результатов были сделаны общие выводы о качестве ЭКВ, составлены наглядные таблицы, графики и диаграммы, а также предложены рекомендации по совершенствованию качества выставок – объектов исследования [5].

Проанализировав результаты нашего исследования, мы пришли к выводу, что данная методика позволяет оценить качество электронных выставок. Опрос различных групп респондентов, включающих как пользователей, так и экспертов, дает возможность получить разные точки зрения об оцениваемом объекте. Однако ее использование трудоемко и требует привлечения сторонних экспертов.

В этой связи для адаптации к практической деятельности и упрощения процедуры оценки в настоящее время нами разрабатывается про-

ект экспертной системы, которая, анализируя заложенные в нее значения показателей качества по каждой оцениваемой выставке, полученные различными методами, будет давать итоговую оценку. Экспертная система позволит проводить оценку качества ЭКВ без участия экспертов.

Литература

1. Бешелев С. Д. Математико-статистические методы экспертных оценок. М.: Статистика, 1980. 263 с.
2. Збаровская Н. В. Выставочная деятельность публичных библиотек. СПб.: Профессия, 2004. 224 с.
3. Зыков О. П. Выставочная работа публичных библиотек: опыт практического пособия. Л., 1990. 55 с.
4. Пилко И. С. Информационные и библиотечные технологии: учеб. пособие. СПб.: Профессия, 2006. 342 с.
5. Савкина С. В. Оценка качества электронных книжных выставок // Культура и искусство: поиски и открытия: сб. ст. по материалам межрегионал. науч.-практ. студенческой конференции (г. Кемерово, апр. 2009 г.). Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. С. 118–124.
6. Электронные документы: создание и использование в публичных библиотеках: справочник / науч. ред. Р. С. Гиляревский. СПб.: Профессия, 2007. С. 18–31.
7. Ястребова Е. М. Новейшие тенденции в выставочной деятельности библиотек [Электронный ресурс]: учеб. пособие. URL: <http://ellib.gpntb.ru/index.php?doc=Ucheb&dir=1&art=1>. (дата обращения: 15.03.2010).

Т. В. Ветошкина

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НЕЗРЯЧЕГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ И АДАПТАЦИИ ИНВАЛИДОВ ПО ЗРЕНИЮ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Изменения, происходящие в последние десятилетия в гуманитарной сфере жизни российского общества, проявляются, в числе прочего, в усилении внимания к проблемам социальной интеграции лиц с ограни-

ченными возможностями здоровья. Социальная политика нашего государства в отношении инвалидов все более ориентируется на создание для них равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества и активное включение в общественно-полезную деятельность.

В условиях глобальной информатизации общества качество жизни и социальный статус индивида во многом определяются возможностью активного участия в общественном информационном обмене – оперативного доступа к необходимой информации, ее обработки и представления результатов своей информационной деятельности. Для инвалидов по зрению участие в процессе общественного информационного обмена осложняется несовпадением имеющихся у них возможностей восприятия и сложившейся общественной практики, ориентированной на визуальные формы представления информации.

Эффективным средством обеспечения участия инвалидов по зрению в общественном информационном обмене могут служить компьютерные тифлотехнологии, которые с помощью специальных аппаратных и программных средств делают доступными для незрячих и слабовидящих использование компьютерной техники общего назначения и большинство стандартных пользовательских возможностей. В результате инвалиды по зрению получают эффективный инструмент свободного самостоятельного доступа к общественным информационным ресурсам.

В современных социально-экономических условиях одним из наиболее эффективных механизмов повышения социального статуса и защищенности инвалидов становится получение полноценного профессионального образования. Это в полной мере относится и к инвалидам по зрению. Анализ мирового опыта показывает, что наиболее эффективные и экономически целесообразные пути профессиональной самореализации лиц с глубокими нарушениями зрения лежат в сфере высококвалифицированного труда, а значит, требуют высокого образовательного уровня. Это подтверждают и современные тенденции в сфере образовательной и трудовой деятельности инвалидов по зрению в России: кризис традиционной системы трудоустройства слепых, в которой доминировал неквалифицированный ручной труд, с одной стороны; усиление активности молодежи с нарушением зрения в области получения высшего и среднего профессионального образования – с другой [см.: 7, с. 3–4]. Образование для слепых и слабовидящих – не только абилитация, реабилитация,

литация и восстановление их социального статуса как личности и члена общества, но и преодоление трудностей, развитие и трансформация своих внутренних сил и потенциала, предотвращение негативного отношения к ним зрячих [см.: 8, с. 4].

Необходимым условием успешности образовательной и дальнейшей профессиональной деятельности незрячих и слабовидящих является возможность свободного оперативного информационного обмена, а следовательно, и освоение компьютерных тифлотехнологий как инструмента его обеспечения.

Важнейшим аспектом использования компьютерных тифлотехнологий для слабовидящих является их здоровьесберегающая направленность. Слабовидящие часто склонны переоценивать свои зрительные возможности. Попытки работать без использования специальных средств приводят к переутомлению и даже серьезному ухудшению и без того ослабленного зрения. Поэтому очень важно своевременно подобрать адекватные тифлосредства и научить эффективно их использовать.

Квалифицированное использование компьютерных тифлотехнологий предоставляет людям с нарушенным зрением новые возможности:

- доступ к информации на электронных носителях, в том числе к информационным ресурсам Интернета;
- доступ к плоскочечным текстам (путем сканирования и распознавания);
- преобразование электронной информации в доступную и удобную материальную форму представления (например, печать текста рельефно-точечным или укрупненным шрифтом);
- самостоятельная подготовка на компьютере различных документов (учебные работы, отчеты и др.);
- использование современных общепринятых программных средств для работы с информацией (информационно-поисковые системы, базы данных и т. п.) [см.: 7, с. 22].

Таким образом, грамотное использование компьютерных тифлотехнологий отчасти компенсирует недостаток или отсутствие зрения в сфере общественного информационного обмена (обеспечивает возможность активного участия в нем, повышает доступность общественной информационной среды, является универсальным средством преобразования форм представления информации), в результате, расширяет

возможности образовательной, профессиональной и социально-бытовой деятельности лиц с нарушенным зрением и способствует их подлинной интеграции в современное общество.

В настоящее время в Российской Федерации функционирует общественно-государственная система специализированных культурно-досуговых учреждений для лиц с ограниченными возможностями здоровья, деятельность которых в концептуальном плане базируется на представлении о том, что применительно к таким лицам досуг, наряду с общими функциями, связанными с рекреацией и личностным развитием, выполняет и специфическую – социально-реабилитационную функцию, которая в данном случае приобретает ранг генеральной, словно опосредуя первые две [5].

Эта система учреждений включает в себя дома культуры и клубы общественных организаций инвалидов – Всероссийского общества слепых, Всероссийского общества глухих и специальные библиотеки для слепых, подведомственные Министерству культуры РФ или региональным органам управления культуры [см.: 1, с. 70].

Реабилитационно-образовательная деятельность специальных библиотек для слепых в России, функционирующих во всех регионах страны, разворачивается в нескольких направлениях, причем, наряду с традиционными для любой библиотеки услугами по приобщению к чтению как таковому и книге как уникальной социокультурной ценности, эти библиотеки выполняют совершенно особую функцию в профессиональном образовании и самообразовании инвалидов по зрению [3].

Реализация данной функции включает в себя разработку и внедрение долгосрочных программ в помощь учебному процессу, его информационное сопровождение, индивидуальную поддержку студентов, а также – что еще более важно – создание полноценных условий для учебы и работы с различного рода документами в стенах библиотеки.

Проблема обеспечения доступа инвалидов по зрению к информации традиционно решается в рамках их библиотечного обслуживания. Начало научной разработки проблем информационного обслуживания слепых и слабовидящих через библиотеки положил в 1960-е годы А. Е. Шапошников [9]. Большой вклад в дальнейшее теоретическое осмысление этой проблемы внесла Г. П. Диянская [2]. Она сформулировала и обосновала положение о том, что обеспечение инвалидам по зрению

равных с другими гражданами возможностей получения информации является основополагающим принципом в библиотечном обслуживании, а также проанализировала условия его реализации в библиотечной практике. При этом была подчеркнута необходимость внедрения в библиотечно-информационное обслуживание инвалидов по зрению компьютерных тифлоинформационных технологий.

Научно-исследовательскую работу в этом направлении продолжают специалисты Российской государственной библиотеки для слепых (РГБС). В 2000–2001 годах проведено исследование потребностей читателей в использовании тифлоинформационных ресурсов [4], в ходе которого был проведен опрос инвалидов по зрению (в основном студентов и специалистов). Все его участники высоко оценили значимость компьютерных технологий и электронной информации для образования, труда и культурного развития незрячего человека. В 2005 году в РГБС разработаны научно-методические материалы по созданию и функционированию Центра коллективного пользования электронными ресурсами и тифлотехническими средствами [10].

Исходя из ведущего направления деятельности специальных библиотек – обеспечения равных прав инвалидов на информацию – Кемеровской областной специальной библиотекой для незрячих и слабовидящих в 2009 году было проведено исследование уровня информационной культуры пользователей и востребованности услуг, предоставляемых специальной библиотекой, нацеленное на выявление реальных и потенциальных потребностей читателей в комплексе библиотечных услуг.

В задачи исследования входило:

- изучить спрос незрячего пользователя на информационные услуги, предоставляемые библиотекой для слепых;
- выявить реальные информационные потребности незрячего пользователя;
- выяснить степень информированности пользователей о технических и информационных ресурсах облспецбиблиотеки;
- определить уровень готовности пользователей с ограничением зрения к обучению основам информационной культуры;
- расширить взаимодействие между облспецбиблиотекой и читателями, установить «обратную связь» с тем, чтобы улучшить информационное и техническое оснащение библиотеки.

В исследовании участвовал 51 человек (табл. 1, 2).

Таблица 1

Распределение респондентов по образованию

№ п/п	Категория	Количество	
		Абсолютная цифра	Проценты
1	Аспиранты	2	3,9
2	Студенты	10	19,6
3	Специалисты с высшим образованием	2	3,9
4	Специалисты со средне-специальным образованием	2	3,9
5	Пенсионеры-инвалиды по зрению	35	68,6

Таблица 2

Распределение респондентов по инвалидности

№ п/п	Категория	Количество	
		Абсолютная цифра	Проценты
1	Инвалиды 1-й группы	18	35
2	Инвалиды 2-й группы	28	55
3	Инвалиды 3-й группы	5	10

Как показал анализ материалов исследования, 72,5 % опрошенных посещают библиотеку регулярно, один раз в два-четыре месяца посещает 27,4 %. По частоте посещений лидируют пенсионеры – 72,5 %. (табл. 3).

Таблица 3

Распределение респондентов по регулярности посещения библиотеки

№ п/п	Категория	Регулярность посещения, %	
		Регулярно	Редко
1	Аспиранты	58,4	41,6
2	Студенты	58,4	41,6
3	Специалисты с высшим образованием	75	25
4	Специалисты со средне-специальным образованием	75	25
5	Пенсионеры-инвалиды по зрению	77,4	22,6

Как следует из табл. 4, более половины респондентов не владеют системой Л. Брайля.

Таблица 4

**Распределение респондентов по владению системой
рельефно-точечного шрифта Л. Брайля**

№ п/п	Категория	Владение шрифтом Л. Брайля, %	
		Владеют	Не владеют
1	Аспиранты	33,3	66,7
2	Студенты	33,3	66,7
3	Специалисты с высшим образованием	75	25
4	Специалисты со средне-специальным образованием	75	25
5	Пенсионеры- инвалиды по зрению	40	60

Но письмо и чтение по системе Л. Брайля – базовые образовательные навыки, без эффективного владения которыми невозможно или затруднено обучение. Не случайно в библиотеке создан «Центр чтения по системе Брайля». В рамках работы данного Центра преподаватель-волонтер обучает всех желающих чтению и письму по системе Л. Брайля.

Большое внимание библиотека уделяет пропаганде чтения книг, изданных шрифтом Брайля. Ведь чтение по системе Брайля – «грамотное» чтение. Поэтому очень важно привлечь незрячих читателей к свободному владению рельефно-точечным шрифтом.

Мы уверены, нельзя быть информационно грамотным, не будучи грамотным по Брайлю. Поэтому над этим показателем нам предстоит еще поработать.

Готовность читателей библиотеки к освоению информации в электронном виде достаточно высока. 76,5 % читателей, принявших участие в опросе, владеют навыками работы на компьютере. 100 % студентов и специалистов пользуются компьютером дома. 33 % пользуются компьютером в библиотеке, так как Центр открытого доступа к Интернету оснащен всей необходимой тифлотехникой и адаптивными программами. Отметим, что в целом активность студентов и специалистов в обращении к технике несколько выше, чем у пенсионеров (табл. 5).

Таблица 5

Распределение респондентов по месту работы на компьютере

№ п/п	Категория	Место пользования, %				
		Дома	На работе	В вузе	В библиотеке	Не пользуются
1	Аспиранты	100	-	-	33,3	-
2	Студенты	100	-	-	33,3	-
3	Специалисты с высшим образованием	100	25	-	25	-
4	Специалисты со средне-специальным образованием	100	25	-	25	-
5	Пенсионеры-инвалиды по зрению	31,4	-	-	34,3	34,2

Как можно увидеть из табл. 6, эффективно осуществлять поиск нужной информации во всей совокупности информационных ресурсов студенты не умеют. Всего лишь 25 % опрошенных студентов пользуются каталогами и библиографическими указателями, 33 % вообще не пользуются справочно-библиографическим аппаратом библиотеки, и лишь на сайт библиотеки заходит 66 % опрошенных студентов и аспирантов.

Таблица 6

Распределение респондентов по степени использования справочно-библиографического аппарата библиотеки

№ п/п	Категория	Использование СБА библиотеки, %				
		Каталог	Словари, справочники	Библиографические указатели	Сайт библиотеки	Не пользуются
1	Аспиранты	25	41,7	25	66,7	33,3
2	Студенты	25	41,7	25	66,7	33,3
3	Специалисты с высшим образованием	-	75	100	100	-

№ п/п	Категория	Использование СБА библиотеки, %				
		Каталог	Словари, справочники	Библиографические указатели	Сайт библиотеки	Не пользуются
4	Специалисты со средне-специальным образованием	-	75	100	100	-
5	Пенсионеры-инвалиды по зрению	20	37,1	48,6	48,6	14,2

И я думаю, не случайно на вопрос анкеты: «Хотели бы Вы обучаться основам информационной культуры личности?» – 50 % студентов ответили, что такое обучение им необходимо (табл. 7).

Таблица 7

Распределение респондентов по отношению к необходимости обучения основам информационной культуры личности в библиотеке

№ п/п	Категория	Необходимость обучения, %		
		Необходимо	Не надо	Затрудняюсь ответить
1	Аспиранты	50	17	33
2	Студенты	50	17	33
3	Специалисты с высшим образованием	25	-	75
4	Специалисты со средне-специальным образованием	25	-	75

В заключение хотелось бы отметить, что необходимо развивать информационную культуру личности незрячего пользователя. Пользователю с ограничением зрения особенно необходимы умение адекватно формулировать свою потребность в информации; эффективно осуществлять поиск нужной информации во всей совокупности информационных

ресурсов; перерабатывать информацию и создавать качественно новую; вести индивидуальные информационно-поисковые системы; адекватно отбирать и оценивать информацию; способность к информационному общению и компьютерная грамотность. И именно эти знания, умения, навыки помогут инвалиду по зрению адаптироваться и интегрироваться в современном обществе.

Литература

1. Андреева Л. В., Бойков Д. И. Образование лиц с ограниченными возможностями в контексте программы ЮНЕСКО «Образование для всех»: опыт России: аналитический обзор. СПб., 2007. 81 с.
2. Диянская Г. П. Принцип равных возможностей в тифлобиблиотекведении. М., 1998. 344 с.
3. Захарова Е. В. Деятельность библиотеки в помощь незрячим студентам // Университетские библиотеки: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. СПб., 2003. С. 213–218.
4. Использование тифлотехнических и тифлоинформационных ресурсов читателями Российской государственной библиотеки для слепых: Материалы исследования / Рос. гос. б-ка для слепых; сост. Е. В. Захарова. М., 2002. 30 с.
5. Кантор В. З. Инвалиды по зрению в педагогической системе социально-культурной реабилитации. СПб., 2002. 115 с.
6. Рабочий словарь библиотекаря: термины и понятия, используемые в работе специальных библиотек для слепых / Рос. гос. б-ка для слепых; сост. Т. В. Зенова. М., 2007. 74 с.
7. Рощина М. А. Процесс тифлокомпьютеризации как фактор социальной интеграции лиц с глубокими нарушениями зрения: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. / Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2006. 29 с.
8. Солнцева Л. И. Теоретические и практические проблемы современной тифлопсихологии и тифлопедагогики. М., 2006. 117 с.
9. Шапошников А. Е. Современное состояние и перспективы библиотечного обслуживания слепых в Советском Союзе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03. / Моск. гос. ин-т культуры. М., 1964. 17 с.
10. Центр коллективного пользования: новые услуги, новые возможности: итоги работы по проекту / Рос. гос. б-ка для слепых; сост. Е. В. Захарова. М., 2005. 38 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Вхождение человечества в информационную эпоху характеризуется не только стремительным развитием телекоммуникационных систем и информационно-коммуникационных технологий, но и созданием качественно новой информационной среды жизнедеятельности. Всё большее число людей оказываются вовлеченными в информационное взаимодействие не только как пассивные потребители информации, но и как производители информационных ресурсов и услуг. Информационное общество прочно ассоциируется с «высокими технологиями». От человека в таком обществе требуется способность к творчеству, возрастает спрос на знания, которые являются главным фактором продуктивной профессиональной и повседневной жизни человека. В связи с этим на современном этапе развития возрастает роль информационной культуры личности.

Становление информационной культуры как самостоятельного научного направления и образовательной практики в нашей стране связано с осознанием фундаментальной роли информации в общественном развитии; возрастанием объемов информации; информатизацией общества, развитием информационной техники и технологии; становлением информационного общества. Создаваемый в процессе информатизации информационно-технический потенциал общества определяется не только уровнем развития современных информационных и коммуникационных технологий. Многие зависят от уровня информационной культуры, как всего социума, так и отдельно взятой личности. Ключевым условием успеха и социальной эффективности развития такого общества является информационная культура личности.

По мнению доктора педагогических наук, профессора Н. И. Гендиной, информационная культура личности – одна из составляющих общей культуры человека; совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традици-

онных, так и новых информационных технологий. Является важнейшим фактором успешной профессиональной и непрофессиональной деятельности, а также социальной защищенности личности в информационном обществе [см.: 1, с. 29].

Человек с развитой информационной культурой характеризуется как личность, обладающая целым комплексом знаний и умений в профессиональной и повседневной жизни: во-первых, это владение информационным тезаурусом, проблемно-понятийным полем; во-вторых, умение грамотно формулировать свои информационные потребности и запросы; в-третьих, способность эффективно и оперативно осуществлять самостоятельный поиск информации с помощью как традиционных, так и нетрадиционных, в первую очередь, компьютерных поисковых систем; в-четвертых, умение рационально хранить и оперативно перерабатывать большие потоки и массивы информации; в-пятых, знание норм и правил «информационной этики» и умение вести информационно-коммуникационный диалог.

Информационная культура сегодня требует от современного человека новых знаний и умений, особого стиля мышления, обеспечивающих его адаптацию и социализацию в информационном обществе. Информационная культура выполняет следующие функции: регулятивную, познавательную, коммуникативную, воспитательную. Регулятивная оказывает решающее воздействие на всю деятельность, включая информационную; познавательная непосредственно связана с исследовательской деятельностью субъекта и его обучением; коммуникативная является неотъемлемым элементом взаимосвязи людей; воспитательная активно участвует в освоении человеком всей культуры, овладении им всеми накопленными человечеством богатствами, формировании его поведения.

Ценностью информации является развитие знаний и умений личности. Чтобы личность развивалась, необходима мотивация на изучение информационной культуры. Но мотивация возникает только тогда, когда человек понимает необходимость и ценность осуществляемой им деятельности. Эта необходимость носит субъектно-прагматический характер. Поэтому необходимо сформировать систему ценностных ориентаций личности в области информационной культуры, результатом которой станет мотивация. Ценностные основы информационной культуры несут в себе смысловую нагрузку и направляют общество на непре-

рывное преобразование. Данное обстоятельство характеризует ценностные основы информационной культуры как особую аксиологическую и смысло-жизненную категорию, определяющую социально ответственное поведение личности в информационной среде. Осмысление обществом ценностных основ информационной культуры способствует благоприятному общественному прогрессу, успешной социализации личности и быстрой адаптации к динамично изменяющейся профессиональной и жизненной действительности и ее развитию.

Ценностные ориентации личности, связывающие ее внутренний мир с окружающей действительностью, образуют сложную многоуровневую иерархическую систему. Система ценностных ориентаций является одним из важнейших компонентов структуры личности, занимая пограничное положение между ее мотивационно-потребностной сферой и системой личностных смыслов.

По мнению А. Г. Здравомыслова, ценностные ориентации – важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, совокупностью его переживаний и отграничивающие значимое, существенное для данного человека от незначимого, несущественного [см.: 2, с. 43].

Наличие устоявшихся ценностных ориентаций характеризует зрелость человека и обеспечивает его устойчивость и стабильность. Так, например, устойчивая структура ценностных ориентаций определяет такие качества личности, как активность жизненной позиции, упорство в достижении целей, верность определенным принципам и идеалам, цельность, надежность; и, напротив, противоречивость в ценностных ориентациях влечет за собой непоследовательность, непредсказуемость поведения человека; неразвитость ценностных ориентаций личности определяет ее инфантилизм, господство внешних стимулов в поведении личности, а следовательно, конформизм, безликость человека [см.: 2, с. 203].

М. Рокич проводит общее разделение ценностей на основе традиционного противопоставления ценностей-целей и ценностей-средств. Он выделяет терминальные и инструментальные классы ценностей. На основе классификации М. Рокича можно выделить следующие ценности личности в области информационной культуры: познание, творчество, личная свобода, уверенность в себе, материально обеспеченная жизнь. Названные ценности можно отнести к терминальным. Терми-

нальные ценности – это убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной или общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться. Данная группа ценностей в области информационной культуры взаимообусловлена. Так, ценность познания сопровождает человека на протяжении всей его жизни в условиях информационного общества, способствует продуктивному развитию, как в профессиональной, так и в повседневной жизни. Для того чтобы человеку достичь успеха в профессиональной деятельности, необходим творческий подход к ее реализации. А результатом активной профессиональной и повседневной жизни является личная свобода, независимость и уверенность в себе человека в условиях информационного общества и, как следствие, материально обеспеченная жизнь [цит. по: 5, с. 18].

Терминальные ценности в области информационной культуры также неразрывно связаны с инструментальными ценностями – убеждениями в том, что какой-то образ действий является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях. Данный вид ценностей характеризует информационную культуру личности как эталон поведения человека в профессиональной и повседневной жизни. Сюда можно отнести такие ценности, как: образованность, рационализм, высокие запросы и эффективность в делах.

Терминальные ценности носят более устойчивый характер, чем инструментальные, причем для них характерна меньшая межличностная вариативность.

Ориентация на ту или иную группу ценностей, то есть ее доминирование в индивидуальной ценностной системе личности, обусловлена действием соответствующих психологических механизмов ее формирования, в наибольшей степени присущих индивидуальным потребностям человека и общественному сознанию. Общество, функционирующее в современной информационной среде, отдает предпочтение ценностям профессиональной самореализации, активным ценностям, ценностям самоутверждения, интеллектуальным ценностям. Все перечисленные группы ценностей являются ценностными ориентациями личности, которые можно отнести к феномену «информационная культура».

Ценностные ориентации личности в области информационной культуры формируются в соответствующую систему информационных знаний, умений и навыков, установок, потребностей и интересов, представляющих собой единство трех структурных компонентов:

– когнитивного, характеризующего отношение человека к теории и практике информатизации. Благодаря когнитивному компоненту личность получает возможность восприятия основных идей, заключенных в том или ином источнике информации, их дальнейшего критично осмысленного применения, анализа полученной информации как знания, сравнения ее с ранее полученной, формирования собственных выводов;

– ценностно-познавательного, предусматривающего умения критично оценивать и контролировать собственную информационную ценностно-ориентированную деятельность, формулировать и аргументировать оценку различной информации. Данный компонент определяет отношение, интерес, побуждения личности к овладению информацией как знаниями и овладению поисковыми умениями;

– коммуникативно-деятельностного, проявляющегося в поиске и актуализации информации в информационной ценностно-ориентированной деятельности и переносе ее в новые ситуации, определяющего систему конкретно-практических умений и навыков использования источников информации [см.: 4, с. 9].

В качестве критериев сформированности ценностных ориентаций личности в области информационной культуры выступают: информационная активность (степень устойчивости информационных потребностей и интересов личности), информационная осознанность (умение личности осознать то, что ценность информации – это знание), информационная коммуникативность (готовность и способность личности к общению в информационной среде в соответствии с общепринятыми нормами и правилами), информационное мышление (способность критично мыслить в информационном пространстве), информационная готовность (умение личности применять современные компьютерные и информационные технологии для поиска, хранения, анализа и передачи критично осмысленной информации). От степени проявления вышеизложенных критериев зависит уровень ценностных ориентаций личности в области информационной культуры [см.: 4, с. 5].

Возрастающая развитость информационной среды создает предпосылки для динамичных социально-экономических и политических изменений в жизни общества: информация стандартизирует поведение, интересы, склонности людей, увеличиваются негативные последствия

чрезмерного увлечения человека могуществом информации, расхождение индивидуальных и групповых ценностных ориентаций и, как следствие, – происходит резкий рост субкультур, усиливается роль этнических, культурных и тому подобных меньшинств, изменяется характер межличностных отношений и т. д. Это отрицательный аспект информационного общества, который возможно избежать, используя культурный опыт, развивая духовные ценности человечества одновременно с развитием информационно-технического прогресса. Информационное общество будет отвечать своему названию, когда личность будет активно и плодотворно использовать накопленные знания в сфере культуры и накопленный опыт в целях удовлетворения своих потребностей. Информационная культура должна облегчить труд, перевести его на интеллектуальную и высокотехнологическую производственную основу.

Социализация и адаптация личности посредством информационной культуры невозможна без системы ценностных ориентаций человека в этой области. Личность не будет развиваться в условиях информационного общества без мотивации и целей, поставленных человеком перед собой. Поэтому необходимо формировать ценностные ориентации личности согласно активно развивающемуся обществу и индивидуальным потребностям личности. Формирование ценностных ориентаций в области информационной культуры – не самоцель, это средство к новым шагам развития интеллектуальных, нравственно-этических, социально-культурных возможностей человека.

Литература

1. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, И. Л. Скипор, Г. А. Стародубова. М., 2002. 288 с.
2. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 2000. 223 с.
3. Руднева Е. Л. Теоретические основы формирования жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студентов: монография. Кемерово, 2002. 302 с.
4. Фролова О. А. Формирование ценностных основ информационной культуры старшеклассника: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Смоленск, 2008. 17 с.
5. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. М., 2007. 119 с.

**ОПТИМИЗАЦИЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ
ИНФОРМАЦИОННОГО ЦЕНТРА ПРЕДПРИЯТИЯ
НА ОСНОВЕ БИБЛИОТЕЧНОГО МАРКЕТИНГА
(на примере ДЦНТИ КрЖД)**

В настоящее время информация признана одним из важнейших стратегических ресурсов общества. Деятельность любой организации или предприятия сопровождается формированием, анализом, переработкой, распространением и использованием информации. В СССР существовала система информационного обеспечения деятельности промышленных предприятий, которая включала научно-технические библиотеки (НТБ) и отделы научно-технической информации (ОНТИ).

После 1991 года многие технические библиотеки были сокращены или расформированы (часто вместе с предприятиями), поскольку воспринимались как подразделения, не дающие непосредственной экономической прибыли. Сохранили систему собственных библиотек/информационных центров крупные предприятия и естественные монополии (МПС, Газпром, и др.). Но ресурсная база, номенклатура информационных продуктов и услуг, уровень профессионализма сотрудников НТБ, сохранившихся в структуре «старых» государственных организаций, как правило, не отвечают усложнившимся информационным запросам современных пользователей. Как следствие, такие НТБ ни руководством предприятия, ни информационными работниками не воспринимаются как современные информационные центры [см.: 1, с. 2].

В настоящее время сохранение, ликвидация или реорганизация НТБ является исключительной компетенцией руководителя организации, поэтому техническим библиотекам жизненно важно доказывать свою необходимость и конкурентоспособность.

По утверждению Ф. Котлера, все преуспевающие компании отличаются одной общей чертой: абсолютной ориентацией на потребителя и всесторонним применением маркетинговых стратегий. Умелый маркетинг необходим для достижения успеха в любой компании, большой или маленькой, коммерческой или некоммерческой, национальной или международной [см.: 5, с. 57].

Существует пять основных подходов, на основе которых организации осуществляют управление своей маркетинговой деятельностью: концепция совершенствования производства, концепция совершенствования товара, концепция интенсификации коммерческих усилий, концепция маркетинга и концепция социально-этичного маркетинга [см.: 5, с. 44–47].

Библиотеки успешно применяют маркетинг в своей деятельности, этому посвящено значительное число публикаций [2; 4; 6; 8]. Но ощущается явный дефицит материалов практического характера по использованию маркетингового подхода в сфере информационного обеспечения промышленных предприятий. Данная статья посвящена описанию опыта применения библиотечного маркетинга для оптимизации деятельности информационного центра предприятия.

Информационные службы предприятий можно описать как системы, зависящие от окружения: информационная служба, состоящая из подсистем, действует на более широком фоне (организация-патрон), с которым она связывает свою деятельность. Информационная служба, таким образом, определяет свои цели и задачи в контексте роли, отведенной ей организацией-патроном, она должна также одновременно учитывать требования своих потребителей и внешней среды [см.: 7, с. 6].

Дорожный центр научно-технической информации (ДЦНТИ) Красноярской железной дороги (КрЖД) включает в себя научно-техническую библиотеку и отдел научно-технической информации. Традиционно в НТБ осуществлялось библиотечное и справочно-информационное обслуживание на основе печатных фондов с использованием форм и методов работы 70–80-х годов XX века.

В 2001 году началось преобразование Министерства путей сообщения России в открытое акционерное общество (ОАО) «Российские железные дороги» («РЖД»), осуществлялась оптимизация бизнес-процессов компании. Каждое структурное подразделение должно было доказать право на свое существование. Внешнее окружение ДЦНТИ, неизменное многие десятилетия, сильно изменилось – среда приобрела черты конкурентной.

Техническая библиотека перестала быть единственным местом доступа к необходимой информации. В распоряжении сотрудников дороги появились новые ресурсы, доступные через сеть Интернет. Во внут-

ренной сети передачи данных для всех подразделений КрЖД был предоставлен доступ к справочно-правовым системам (СПС) «Консультант Плюс», «Кодекс», специализированному банку данных «АСПИЖТ». Практически все рабочие места специалистов дороги были оснащены компьютерной техникой. Пользователи, для удовлетворения потребностей которых существовал ДЦНТИ, ожидали повышения качества информационных услуг на базе компьютерных технологий и клиенто-ориентированного подхода.

Результатом несоответствия ожиданий пользователей и качества предоставляемых Центром информационных услуг стало существенное сокращение финансирования ДЦНТИ в 2002 году. Для обеспечения сохранения организации потребовалось произвести значительные преобразования.

Перед коллективом была поставлена задача создания позитивного имиджа Центра, способного на высоком уровне обеспечивать информацией все структурные подразделения КрЖД. Для решения этой задачи было решено применить методы библиотечного маркетинга. Это управленческая деятельность библиотеки, организованная на принципах классического маркетинга, направленная на достижение целей полного удовлетворения потребностей пользователей и обеспечение адаптации библиотеки к современным социально-экономическим условиям [см.: 8, с. 47].

Ограничивали применение маркетинговых методов в ДЦНТИ бесплатность услуг; отсутствие сотрудника, занимающегося исключительно маркетингом; наличие 9 удаленных от Центра на расстояние от 200 до 600 километров филиалов. Таким образом, из маркетингового комплекса 4Р (товар, цена, распределение, продвижение) в ДЦНТИ приемлемы только 3 составляющие: товар, распределение, продвижение.

Для разработки плана развития были привлечены руководители всех отделов ДЦНТИ, ведущие специалисты. Много внимания уделялось формированию понимания целей и задач организации, чтобы избежать противодействия внедрению изменений.

В результате преобразований были изменены организационная структура, технологические процессы, продукты, услуги Центра.

Рассмотрим особенности применения маркетингового комплекса в системе *библиотечного обслуживания* – «сердцевине деятельности библиотеки, на которой сфокусированы все остальные ее функции» [2, с. 79].

Процесс изменения организации был разбит на этапы, которые в целом соответствуют маркетинговым концепциям.

I этап (2003–2004 годы)

Цель – убедить руководство дороги в том, что Центр может измениться и стать полезным для Красноярской железной дороги, получить финансирование на развитие проектов.

Задача этапа: совершенствование существующих технологических процессов, улучшение качества продуктов и услуг отдела обслуживания.

1. *Товар*: предоставление пользователям новых продуктов, в том числе:

- издание печатных и электронных (на компакт-дисках) тематических подборок (копии статей на актуальные производственные темы из профильных журналов, газет с включением информации о передовом опыте из информационных листков, карт, материалов, получаемых из ЦНТИ ОАО «РЖД»);

- создание и электронная рассылка дайджестов, посвященных актуальным темам отрасли.

2. *Товар* – услуга: справочно-информационное обслуживание с использованием СПС «Консультант Плюс», «Кодекс», автоматизированной информационно-поисковой системы (АИПС) «Навигатор Плюс».

3. *Продвижение, распределение*: создание web-сайта ДЦНТИ в Интранете ОАО «РЖД».

Результат: получено финансирование проектов, произведен капитальный ремонт помещений ДЦНТИ, выделена необходимая вычислительная и множительная техника.

II этап развития (2005–2007 годы)

Цель – создание позитивного имиджа Центра.

Задачи этапа: повышение комфортности предоставляемых услуг, продвижение услуг Центра среди сотрудников дороги.

1. *Товар* – услуга: применение электронной доставки документов для повышения комфортности группового и индивидуального информирования.

2. *Товар* – услуга: автоматизированная книговыдача изданий позволяет сократить время пользователя и получить дистанционный доступ к электронному формуляру.

3. *Товар*: расширение перечня информационных ресурсов Центра (приобретена СПС «Гарант», система нормативной документации NormaCS; на основе специализированного модуля «Ирбис 64» созданы полнотекстовые коллекции; получен доступ к электронным версиям журналов в Интернете и др.).

4. *Продвижение*: освещение опыта ДЦНТИ по внедрению новых технологий на страницах отраслевых газет («Красноярский железнодорожник», «Гудок») и журнала «Железнодорожный транспорт», в информационных листках, на сетевых школах передового опыта ОАО «РЖД», на конференциях «Крым», «Либком».

5. *Продвижение*: изданы буклеты Центра, создан видеофильм.

6. *Продвижение*: проведение презентаций услуг Центра для руководства дороги и целевых групп пользователей.

7. *Распределение*: подписка на групповые рассылки с web-сайта ДЦНТИ, без личного обращения в Центр.

Результат: обеспечено формирование положительного имиджа ДЦНТИ как современного информационного центра предприятия.

III этап развития (2008 год – настоящее время)

Цель – сохранение Центра в условиях создания холдинга ОАО «РЖД».

Задача: обеспечение развития ДЦНТИ, привлечение новых, сохранение лояльности существующих пользователей.

1. *Товар* – услуга: использование принципов CRM-систем² при обслуживании пользователей [9].

2. *Продвижение*: размещение «виртуальных» выставок на сайте при проведении книжных выставок («виртуальная» полностью повторяет традиционную, за исключением текста книги).

3. *Продвижение*: реклама имеющегося фонда через раскрытие содержания изданий в электронном каталоге (ЭК) (библиографические

---

² (*Customer Relationship Management System*– система управления взаимоотношениями с клиентами).

записи включают индексы УДК, ГРНТИ, предметные рубрики, ключевые слова, аннотации, роспись оглавления, обложку книги). Доступ к ЭК и полнотекстовым базам данных возможен с любого рабочего места сотрудника дороги (в сети передачи данных ОАО «РЖД»).

4. *Продвижение, распределение*: обновление web-сайта ДЦНТИ в Интранете ОАО «РЖД» (изменен дизайн, добавлены новые сервисы).

В настоящее время основной концепцией развития ДЦНТИ является маркетинг взаимоотношений. Целью маркетинга взаимоотношений стало предоставление потребителю долговременных ценностей, а мерой успеха – высокий уровень удовлетворения потребителей в течение длительного периода времени [см.: 5, с. 466]. Это позволяет грамотно выстраивать отношения с каждым отдельным пользователем, повышая тем самым его лояльность в отношении Центра.

Отличительной особенностью библиотечного маркетинга в ДЦНТИ является применение принципов управления взаимоотношениями, CRM-систем в обслуживании пользователей. С нашей точки зрения, переход от библиотечного обслуживания к информационному сервису невозможен без применения методов, показавших свою эффективность в конкурентной среде. Дальнейшее развитие Центра будет базироваться на изучении потребительских предпочтений, маркетинге услуг, управлении знаниями, применении клиентоориентированного подхода для оптимизации всех технологических процессов.

Таким образом, можно сделать вывод, что применение методов библиотечного маркетинга не просто предоставляет существенные преимущества информационному центру предприятия, но в условиях реформирования организации-патрона становится стратегией выживания. В небольших информационных центрах предприятий создание сектора маркетинга нецелесообразно, достаточно разработать план маркетинговых мероприятий и распределить обязанности между структурными подразделениями по его выполнению.

Литература

1. Брежнева В. В. О задачах информационного менеджмента в современных информационных службах организаций и предприятий // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2009. № 3. С.1–5.

2. Ключев В. К., Ястребова Е. М. Маркетинговая ориентация библиотечно-информационной деятельности (маркетинг в системе управления библиотекой): учеб. пособие для вузов и колледжей культуры и искусств. М., 2002. 144 с.
3. Концепция маркетинга для публичных библиотек / П. Борхард, Ш. Флордель, М. Мильц, К. Рейнхардт, Г. Райтер. М., 1993. 143 с.
4. Матлина С. Г. Библиотечный маркетинг: практ. пособие для работников публичных библиотек. Пермь, 1993. 65 с.
5. Основы маркетинга: учеб. / Ф. Котлер, Г. Армстронг, Д. Сондерс, В. Вонг. М.; СПб; К., 2002. 944 с.
6. Паршукова Г. Б. Маркетинговые основания в библиотечной деятельности: учеб. пособие. Новосибирск, 2005. 151 с.
7. Савар Р. Основы маркетинга для библиотекарей, архивистов и документалистов: руководство по преподаванию курса в высшей школе. М., 1992. Ч. 2. 104 с.
8. Сулова И. М. Практический маркетинг в библиотеках: учеб-метод. пособие. М., 2004. 144 с.
9. Ушакова О. Б. Применение принципов CRM-систем при избирательном распространении информации (на примере БД «Читатели» САБ «Ирбис») [Электронный ресурс] // Информационные технологии, компьютерные системы и издательская продукция для библиотек: материалы конф. «LIBCOM-2009». URL: <http://www.gpntb.ru/libcom9/disk/22.pdf> (дата обращения: 18.03.2010).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенов П. В., аспирант КемГУКИ, торговый представитель ООО «Юнекст» (компания «Марс» в Кемеровской области).

Алексеева Л. С., соискатель, научный сотрудник лаборатории музееведения КемГУКИ.

Алексеевко М. А., аспирантка, преподаватель кафедры иностранных языков КемГУКИ.

Басалаева О. Г., соискатель, доцент кафедры технологии автоматизированной обработки информации КемГУКИ.

Беляева О. А., соискатель, преподаватель кафедры теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.

Бибикина Н. Д., соискатель, документовед учебно-методического управления КемГУКИ.

Боголепова Л. З., заведующая отделом истории вуза музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КемГУ).

Бычкова Е. Е., соискатель КемГУКИ, учитель гимназии № 71 («Радуга») г. Кемерово.

Варова Т. И., аспирантка, документовед социально-гуманитарного института, преподаватель кафедры социальной педагогики КемГУКИ.

Васильковская М. И., аспирантка, младший научный сотрудник научно-исследовательского института толерантности и межкультурных коммуникаций КемГУКИ.

Ветошкина Т. В., аспирантка КемГУКИ, заместитель директора ГУК «Кемеровская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих».

Гладковская И. А., студентка КемГУКИ.

Глушкова А. И., соискатель КемГУКИ, преподаватель Прокопьевского электромашиностроительного техникума.

Голещихина Т. Л., соискатель КемГУКИ, преподаватель народно-хоровых дисциплин Томского областного колледжа культуры и искусств им. В. Я. Шишкова.

Горошко О. В., аспирантка КемГУКИ, ведущий специалист департамента культуры и национальной политики Кемеровской области.

Григорьянц Н. В., аспирантка КемГУКИ, преподаватель Кемеровского областного колледжа культуры и искусств.

Губкина Л. М., соискатель КемГУКИ, директор Кемеровского областного художественного училища.

Гулиашвили Л. Д., аспирантка, преподаватель кафедры теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.

Егоров А. Е., аспирант КемГУКИ, зав. лабораторией ГОУ СПО «Кемеровский профессионально-технический колледж».

Елин С. П., аспирант КемГУКИ, менеджер ООО «Элигомед и К», г. Кемерово.

Иванова О. С., аспирантка, концертмейстер КемГУКИ.

Колесников Д. М., аспирант КемГУКИ.

Коняева Т. И., аспирантка КемГУКИ, начальник отдела Областного центра мониторинга качества образования г. Кемерово.

Котляров М. Г., аспирант, хормейстер ансамбля народной музыки «Любава», преподаватель кафедры народного хорового пения КемГУКИ.

Коханова О. В., аспирантка, преподаватель кафедры теории и истории искусств КемГУКИ.

Красильникова О. С., преподаватель кафедры философии и политологии Кемеровского технологического института пищевой промышленности (КемТИПП).

Леонов Е. Е., аспирант, научный сотрудник музея КемГУКИ.

Лисовенко Н. В., соискатель, преподаватель кафедры социальной педагогики КемГУКИ.

Мальцева А. К., соискатель КемГУКИ, специалист МОУ «Центр диагностики и консультирования» г. Кемерово.

Медведева Н. В., аспирантка, преподаватель кафедры теории и истории искусств КемГУКИ.

Миненко Л. В., кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.

Овчинникова Е. М., соискатель, лаборант кафедры социально-культурной деятельности КемГУКИ.

Осипенко Н. Н., преподаватель кафедры академического хора КемГУКИ.

Пампура Ж. В., аспирантка КемГУКИ, директор Кемеровского бюро ЗАО «Интерфакс-Сибирь», г. Кемерово.

Решикова И. П., соискатель, преподаватель филиала-института ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк.

Розанцев Р. Г., аспирант КемГУКИ, преподаватель истории и обществознания МОУ СОШ № 49.

Савкина С. В., преподаватель кафедры технологии документальной коммуникации КемГУКИ.

Самофеева Т. Н., соискатель КемГУКИ, преподаватель ГОУ СПО «Прокопьевский колледж искусств».

Соколова Т. Б., соискатель КемГУКИ, методист, педагог дополнительного образования МОУ ДОД «Городской центр детского технического творчества», г. Кемерово.

Тарасова А. Н., аспирантка КемГУКИ, учитель истории, руководитель школьного музея МБОУ СОШ № 32, г. Новосибирск.

Ткачёва М. В., аспирантка КемГУКИ, научный сотрудник Томского областного краеведческого отдела.

Ушакова О. Б., соискатель КемГУКИ, главный библиограф Дорожного центра научно-технической информации Красноярской железной дороги.

Хижняк Н. Л., аспирантка КемГУКИ, заместитель начальника департамента культуры и национальной политики Кемеровской области.

Шемягова Н. А., соискатель, документовед отдела организации практики, содействия занятости студентов и трудоустройства выпускников КемГУКИ.

Шимчук Т. А., соискатель КемГУКИ, преподаватель Кемеровского государственного сельскохозяйственного института (КемГСХИ).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Раздел 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	
<i>Горошко О. В.</i> Формирование творческих индустрий в социокультурном пространстве (к постановке проблемы).....	8
<i>Пампура Ж. В.</i> Процессы смыслообразования в коммуникативном процессе...	14
<i>Рецикова И. П.</i> «Образ», «имидж», «бренд» как инструмент и ресурс развития территории.....	20
<i>Басалаева О. Г.</i> О некоторых аспектах взаимодействия культурной картины мира и информационной картины мира.....	27
<i>Шимчук Т. А.</i> Церковь в современном информационном пространстве.....	33
<i>Елин С. П.</i> Особенности древнекитайских представлений о бытии.....	40
<i>Розанцев Р. Г.</i> Потребность в идеальном.....	46
Раздел 2. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	
<i>Аксенов П. В.</i> Элиты как предмет культурологического анализа.....	52
<i>Бибикина Н. Д.</i> Система воспитания экологической культуры в индустриальном регионе.....	59
<i>Красильникова О. С.</i> Изучение национального характера: проблемы, специфика.....	67
<i>Коханова О. В.</i> К проблеме изучения эстетики модерна в отечественной музыке XX века.....	72
<i>Глушкова А. И.</i> Рецептивная эстетика в художественной культуре постмодерна.....	78
<i>Алексеев М. А.</i> Герменевтические традиции в России.....	84
<i>Губкина Л. М.</i> Актуализация этических принципов русского символизма в современном диалоге веры, культуры и политики.....	89
<i>Алексеева Л. С.</i> Русская православная церковь и новые тенденции духовно-нравственного воспитания школьников.....	94
<i>Осипенко Н. Н.</i> Культурные основания в исследовании проблемы взаимодействия «музыкальный текст – исполнитель».....	103
<i>Самофеева Т. Н.</i> Проблема взаимодействия религиозного и художественного канона в западноевропейской музыкальной культуре.....	108

<i>Иванова О. С.</i> Полифоническая концепция культуры в теоретических исследованиях С. Эйзенштейна.....	115
<i>Гулиашвили Л. Д.</i> Проблема функционирования отечественной музыки религиозного содержания в советском обществе в 50–80-х годах XX века.....	121
<i>Котляров М. Г.</i> Специфические особенности городского фольклора в современных условиях.....	127
<i>Миненко Л. В., Беляева О. А.</i> Специфика семантики произведений декоративно-прикладного искусства XIX – начала XX века в Сибири.....	133
<i>Голещикина Т. Л.</i> К проблемам интеграционных процессов в детском фольклорном творчестве.....	140
<i>Бычкова Е. Е.</i> Городской двор в детской культуре: к постановке проблемы.....	145
<i>Григорьянц Н. В.</i> Речевая культура как самовыражение личности: к вопросу определения проблемы.....	152
<i>Медведева Н. В.</i> Инфраструктура хоровой культуры Кемеровской области: особенности динамики.....	158

Раздел 3. ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Боголепова Л. З.</i> Инновации и традиции в изучении коллекционных материалов вузовского музея.....	166
<i>Ткачёва М. В.</i> Передвижные выставки в имиджевой политике музея.....	173
<i>Коняева Т. И.</i> Методика применения игровых технологий в музейной педагогике (на примере русского традиционного костюма).....	179
<i>Тарасова А. Н.</i> Инновационные формы деятельности в работе школьного музея.....	185
<i>Леонов Е. Е.</i> Внедрение новых межрегиональных образовательно-коммуникативных моделей на примере развития единой сети школьных музеев г. Кемерово.....	191
<i>Колесников Д. М.</i> Формирование системы научного туризма на базе археологического наследия Краснодарского края и Кавказских Минеральных Вод.....	197
<i>Егоров А. Е.</i> Инновационные формы в новой экспозиции, посвященной 65-летию Великой Победы, в музее ГОУ СПО «Кемеровский профессионально-технический колледж».....	203

Раздел 4. ПЕДАГОГИКА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ

<i>Васильковская М. И.</i> Молодежное объединение в сфере досуга как основа включения личности в социально-культурные процессы.....	212
---	-----

<i>Овчинникова Е. М.</i> Развитие социальной активности молодежи в социально-культурном проектировании.....	222
<i>Мальцева А. К.</i> Проблемы профессионального самоопределения юношества и пути их решения в социокультурной сфере.....	227
<i>Гладковская И. А.</i> Теоретический анализ подходов к проблеме адаптации молодой семьи.....	233
<i>Хижняк Н. Л.</i> Проектирование стратегии образовательного учреждения сферы культуры и искусства, его миссии и позиционирования на рынке образовательных услуг.....	240
<i>Варова Т. И.</i> Культурно-досуговое пространство учреждений дополнительного образования детей.....	245
<i>Соколова Т. Б.</i> Социокультурное развитие детей в учреждениях дополнительного образования: технологический подход.....	252
<i>Шемягова Н. А.</i> Формирование профессиональной культуры специалиста социально-культурной сферы.....	259
Раздел 5. ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ТЕХНОЛОГИИ: ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ	
<i>Савкина С. В.</i> Электронные книжные выставки: показатели качества и методы их измерения.....	266
<i>Ветошкина Т. В.</i> Формирование информационной культуры незрячего пользователя как необходимое условие социокультурной реабилитации и адаптации инвалидов по зрению в современном обществе.....	274
<i>Лисовенко Н. В.</i> Ценностные ориентации личности в области информационной культуры.....	284
<i>Ушакова О. Б.</i> Оптимизация обслуживания пользователей информационного центра предприятия на основе библиотечного маркетинга (на примере дорожного центра научно-технической информации Красноярской железной дороги).....	290
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	297

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Межрегиональный сборник научных статей

Выпуск 6

Редактор *В. А. Шамарданов*
Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Подписано к печати 06.10.2010. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 14,8. Усл. печ. л. 17,1.
Тираж 500 экз. Заказ № 527

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru